

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(36)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
NATIONAL SECURITY
ECONOMICS & FINANCE
DEBUT
ROUND TABLE
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета –

Вагиф Гусейнов, директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора –

Юрий Поройков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Михаил Делягин, д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации
Владимир Егоров, д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН

Андрей Кокошин, академик РАН, первый заместитель к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям

Сергей Кортунов, д. полит. н., зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ

Николай Михайлов, д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Алексей Пушкин, к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

Владимир Рыжков, к.и.н., политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»

Леонид Слуцкий, д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам

Андрей Федоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, к. соц. н.
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нелли Мотрошилова. Российские реалии и дискуссии в свете проблем гражданского общества	5
Алексей Ермаков, Борис Сидоров, Карим Уразбаев. О роли России в интенсификации интеграционных процессов на постсоветском пространстве	14
Юрий Шелистов. Ценностная и технологическая составляющие в политике	21
Валерий Паульман (Эстония). Голод	28

ГЕОПОЛИТИКА

Петер Шульце (Германия). Геополитика за работой: российско-грузинский конфликт	35
Тиберио Грациани (Италия). Регионализация рынков как фактор геополитической интеграции	39

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Дэвид Холлоуэй (США). Каким видится мир, свободный от ядерного оружия	49
Вячеслав Кантор. Глобальная безопасность и пределы толерантности	54
Шамиль Султанов. Пять сценариев динамики ближневосточной ситуации	59
Людмила Кулагина, Владимир Ахмедов. Внутренние императивы эволюции внешней политики Ирана	68
Расим Агаев (Азербайджан). Карабахская триада — война, перемирие, мир	77

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Валерий Буюнов. Национальная безопасность России в контексте внешнеполитических факторов	86
--	----

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Александр Назарчук. Коммуникативные структуры постиндустриального общества и кризис глобальной финансовой системы	94
---	----

ДЕБЮТ

Ума Шейхова. Япония: пути преодоления мирового финансового кризиса	112
Магомед Умаханов. Конфликт стратегий межэтнического взаимодействия	116

Информационный блок

О XVII ежегодной Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике	120
---	-----

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Преображение морали в современном обществе	122
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Религия

Светлана Николаева. Русская православная церковь и задачи общественного просвещения в XVII–XVIII вв.	147
---	-----

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Народовластие и современное зло. О книге Стаута Джеффри «Демократия и традиция»	153
--	-----

Рецензии

Вагиф Гусейнов. О книге С.В.Кортунова «Национальная идентичность. Постижение смысла»	156
Сергей Демиденко. О книгах «Казахстан в современном мире: реалии и перспективы» и «Казахстан в системе мировых экономических процессов» ..	159

Тезисы статей на английском	161
-----------------------------------	-----

Об авторах	170
------------------	-----

CONTENTS

PRESSING TOPICS

- Nelly Motrosheelova. The Russian realities and discussions viewed through the problems of the civil society5
- Alexey Yermakov, Boris Sidorov, Karim Urazbayev. On Russia's Role in Intensifying the Integration Processes within the Post Soviet Space14
- Yury Shelistov. Value and technology components in politics21
- Valery Paulman (Estonia). The famine28

GEOPOLITICS

- Peter Schultze (Germany). Geopolitics at work: the Russian Georgian conflict35
- Tyberio Graciani (Italy). Markets' regionalization as the factor of geopolitical integration39

FOREIGN AFFAIRS

- David Holloway (USA). The vision of a world free of the nuclear weapons49
- Viatcheslav Kantor. Global safety and tolerance limits54
- Shamil Sultanov. The dynamics of the Mid-Eastern situation: five scenarios59
- Lyudmila Koulagina, Vladimir Akhmedov. Inherent imperatives of Iran's foreign policy evolution68
- Rasim Agayev (Azerbaijan). The Karabakh triad: war — truce — peace77

NATIONAL SECURITY

- Vasily Belozyerov. The civil society and Russia's security and defense policy-making86

ECONOMICS & FINANCE

- Alexander Nazarchuk. Communicative structures of the postindustrial society and crisis of the global financial system94

DEDUT

- Ooma Sheikhova. Japan: the ways to overcome the world financial crisis112
- Magomed Umakhanov. The conflict of strategy of interethnic interaction116

The informational block

- The 17th Annual Assembly of the Council on Foreign and Defense policy120

ROUND TABLE

- The transformation of morals in the modern society122

PUBLICATIONS

Religion

- Svetlana Nikolaeva. The Russian Orthodox Church and problems of public education in 17th and 18th centuries147

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

- Elvira Spirova. The democracy and modern evil.
On book Stout Jeffrey «The Democracy and Tradition»153

Reviews

- Vagif Guseinov. *On S.V.Kortunov «National identity. Sense comprehension»*156
- Sergey Demidenko. *On «Kazakhstan in the contemporary world: realities and prospects» and «Kazakhstan in the system of the world economic processes»*159

- SUMMARY161

- OUR AUTHORS172

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нелли МОТРОШИЛОВА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И ДИСКУССИИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В нынешнем году в издательстве «Канон+» должна выйти моя монография «Цивилизация и варварство в условиях глобализации». Среди новых материалов — раздел, посвященный теоретической и практической проблематике гражданского общества.

Здесь же я хочу зафиксировать некоторые тезисы, касающиеся существенных черт гражданского общества, которые вытекают из ее «понятия» и которые, увы, пока не стали реальными характеристиками только зарождающихся в нашей стране его структур.

— Гражданское общество, чтобы стать эффективной, реальной (а не декоративной) инстанцией, должно быть, если исходить из самого его определения, *максимально широким* по охвату его активно действующих членов, а в тенденции — *массовой сетью самых разнообразных форм объединений граждан*, в том числе и институционализирующихся, добровольных ассоциаций. Какой бы размах ни принимала, скажем, деятельность Общественной палаты и ее аффилированных структур, она не может и даже не обязана стать такой массовой сетью. Скорее, это постоянно действующее сообщество уважаемых в стране граждан, способных ставить, решать разве что общие и лишь иногда конкретные вопросы, во всяком случае, никак не охватывая растущую сумму людей, организаций, действий, без которой нет и не может быть реального гражданского общества в полном смысле этого слова.

— Важнейшая целевая, функциональная роль гражданского общества состоит в том, что оно призвано *брать под контроль* организованной «общественности» *решение самых конкретных, притом больных, тем более чрезвычайных проблем конкретных индивидов, их семей, групп* самого разного характера. Решение должно приниматься «на месте», т.е. именно там, где такие вопросы реально возникают и где их только и можно решать быстро и эффективно. И где контроль гражданского общества, т.е. соответствующих организаций, более чем уместен, и где у нас, тем не менее, его почти никогда не бывает...¹ А то ведь у нас сложился обычай о таких назревших, очень боль-

¹ Вот недавний и очень печальный пример (конец лета и осень 2008 года). В аэропортах разных городов России скопились сотни авиапассажиров, купивших билеты некоего, теперь уже в бозе почившего «воздушного альянса» компаний, — пассажиров, которые семьями проводили

ных проблемах отдельных людей, отдельных семей, отдельных поселений жаловаться непосредственно президенту или премьеру страны во время пару раз в год организуемых «электронных» сеансов общения с населением или каких-то других случайных встреч... Нет сомнения, в таких случаях в порядке «ручного управления» лично со стороны главы государства некоторое количество вопросов действительно снимается, но снимается не в силу ясно осознанной и в принципе непрерываемой необходимости для местных чиновников решать их, а просто из страха перед президентом.

Лозунгом системы гражданского общества может стать тот, который давно используется в мире, когда решаются аналогичные проблемы: мыслить глобально (здесь: в масштабах страны и учитывая мировой опыт), действовать локально, на местах, в обоснование и развитие чего могла бы, по ряду причин, внести большой вклад как раз нынешняя Общественная палата².

Итак, формирование гражданского общества — именно в силу его *особых задач и ничем иным не подменяемых функций* — не случайно увязывается в разных странах с возникновением, деятельностью некоторых ассоциаций, объединений небольших или значительных групп граждан, какое-то, в том числе достаточно долгое время преемственно и активно ведущих свою работу по разрешению, как сказано, конкретных задач. Пример таких ассоциаций — общество «Мемориал» или российское Общество солдатских матерей. (Сейчас мы отвлечемся от того, что этаблированию, успешной работе, институционализации сообществ даже с самыми благородными задачами и целями могут угрожать обычные болезни всякой институции — рутина, текучка, отсутствие нужных средств и кадров, давление государственных органов и многое другое.)

Каждая такая организация — от местных обществ по интересам, клубов, спортивных сообществ до ассоциаций, внесударственных структур, так или иначе охватывающих всю страну, — возникает в какое-то время, по чьей-то инициативе и поддерживает свое существование чьими-то усилиями.

свой отпуск и теперь возвращались по домам, желая поспеть к учебному году. И вот они по несколько дней «живут» с детьми в совершенно неприспособленных для этого аэропортах (мест в гостиницах, естественно, мизерно мало). А погрязший в долгах альянс, из-за этих долгов не получивший топливо для самолетов, не в силах ни быстро исправить ситуацию, ни выплатить компенсации, ни элементарно накормить пострадавших людей. Это был, как у нас выражаются, бардак, позорный скандал. И опять все разрулилось «в ручном режиме»: премьер В.Путин послал в аэропорт вице-преьера С.Иванова; государство выделило керосин из своих резервов... Провалившийся (почему? когда началось? где был раньше государственный контроль? почему перед народом не появились, не держали ответ владельцы?) альянс — во избежание худшего и, конечно, за счет средств налогоплательщиков — выволокли из ямы... Что важно для нашей темы и что характерно: полное отсутствие или бессилие организаций гражданского общества перед лицом вопиющего нарушения прав большой массы населения — скажем, отсутствие влиятельной Ассоциации защиты прав авиапассажиров. Вырисовывается перспектива полного будущего беспавия попавших в беду граждан, которые хотели бы подать на компанию в суд. Это не стало «темой» для наших «штатных» правозащитников — ведь ущемлены права обычных, законопослушных и лояльных граждан, не диссидентов...

² Я имею в виду, в частности, наличие в ее составе таких несравненных знатоков жизненных проблем российской провинции, как В.Глазычев, как некоторые энтузиасты из самой провинции, которые давно уже располагают наметками концепции «локального действия» для России, в том числе программой формирования гражданского общества на местах. Обращу внимание читателей на подборку материалов по вопросу о конкретных организациях гражданского общества России в журнале «Отечественные записки» (№ 6, 2005 г.) — в статьях Д.Воробьева, Б.Родомана, М.Тысячнюк, О.Паченкова и И.Олимпиаевой, а также в работах ряда зарубежных авторов о становлении гражданского общества в России (Б.Д.Тэйлор — В. Taylor, С.Хендерсон — S.L. Henderson и др.). На некоторых идеях и предложениях Глазычева я остановлюсь позднее.

Возникновение и расширение деятельности отдельных ассоциаций — специальный вопрос, полный анализ которого здесь дать невозможно. Но в целом можно отметить, что и количество, и качество объединений, ассоциаций гражданского общества (их у нас привычно именуют «общественными организациями») в России существенно отстают от мирового уровня. *Здесь, кстати, один из признаков цивилизационного отставания страны.* «Большинство обществоведов, — пишут авторы из Тамбова В.Н.Окатов и А.В.Окатов, — сходятся во мнении, что ключевым институтом гражданского общества являются добровольные общественные организации. В настоящее время в нашей стране насчитывается более 600 тыс. общественных (некоммерческих) организаций, из них активно действуют не менее 70 тыс. (для сравнения: в США — 1,2 млн. общественных объединений)»³.

Большое значение имеет тот факт, что структуры подлинно гражданского общества во всем мире возникают спонтанно, добровольно — как говорят в Америке, растут от «grass roots», от корней травы, т.е. рождаются из гущи народной жизни. И у нас в стране такое бывает, когда, например, на время спланиваются обманутые вкладчики или дольщики; правда, достигнув некоторых результатов или, чаще, не достигнув их, эти группы распадаются — чаще всего от отчаяния, усталости, от безнадеги... Итак, отмеченные стихийностью возникновения, структуры гражданского общества отличаются, особенно у нас, хрупкостью, непрочностью.

Однако спонтанность — также и положительная, притом специфическая особенность именно организаций гражданского общества. Не государство (в большинстве случаев) должно создавать, учреждать такие структуры, а само население. Тогда, и больше всего тогда, они способны стать звеньями *гражданского общества*, а не бессильным, декоративным придатком государственной власти. Дело здесь, скорее, не в форме каких-то структур, общественных организаций, а в содержании, направленности, масштабе их работы. Примером может стать такая почти везде и давно имеющаяся форма общественных организаций, как профсоюзы.

В советское время в нашей стране профсоюзы были подконтрольными государству, коммунистической партии, и в этом смысле они не могли стать полноценными звеньями гражданского общества. В современной России профсоюзы также не обрели независимости от государства. Но они, увы, утратили и ту немалую социальную роль, которую играли при советской власти.

Каждый, кто объективно относится к фактам истории, вынужден будет признать: конкретная и массовая поддержка населения, особенно малоимущих слоев, в деятельности профсоюзов советского времени существовала реально и постоянно, и она была местной, в сущности, повсеместной, адресной (главным образом в промышленности, бюджетной сфере, в государственных учреждениях). Особо следует отметить роль «советских профсоюзов» в организации летнего отдыха детей, отдыха людей труда. Недостатков в этих системах было немало, однако ее *полное, стремительное разрушение* — без какой-либо замены — является не простым промахом, а, скорее всего, серьезнейшей ошибкой. В том числе по отношению к задачам построения гражданского общества, ибо наделенные действительной самостоятельностью, активные профсоюзы могли бы, в принципе, стать точкой роста гражданского обще-

³ Окатов В.Н., Окатов А.В. Гражданское общество в региональном измерении // Человек и культура в становлении гражданского общества в России. — М., 2008. С. 168.

ства в новейшей российской истории. Мы, вместе с тем, понимаем, почему этого не случилось: разрушались промышленность и предприятия, и как было во время социального цунами уцелеть профсоюзам? Но эти и другие структуры в системе гражданского общества надо возрождать, точнее сказать, растить вновь.

Разговор о многочисленных трудностях и препятствиях на пути формирования гражданского общества в России — не новость для тех, кто живет в России или хорошо знает наши условия. Да и я здесь, скорее, суммирую сказанное многими, опираясь на известные мне источники и данные, а также на собственное «включенное наблюдение». Хорошо обоснованным является и вывод о том, что в деле построения гражданского общества нас постигла не просто неудача, одна из частных в российском развитии. Здесь имел место системный провал, который иной раз описывают известной фразой российского политика: «хотели как лучше, а получилось как всегда...». Но тут я спросила бы: действительно ли хотели «как лучше»? Или: чего *хотели* и что реально сделали наделенные властью, социально, политически активные и влиятельные люди в России последних двух десятилетий?

Думаю, при честном отношении к делу на поставленные вопросы придется дать такой ответ: построили то, чего *действительно, реально*, а не на словах хотели эти конкретные группы, слои населения, определявшие жизнь страны. В других словах, относящихся к обсуждаемой проблеме, общий ответ состоит в том, что под шум многословия на тему построения гражданского общества эти влиятельные группы действительно хотели построить и построили в России... выгодное им *антигражданское общество*.

Здесь, в таком ответе — тот новый шаг, который я делаю в данном пункте концепции гражданского общества (тоже обобщая вполне известное, даже слишком хорошо известное и многократно с гневом описываемое). Ввести, отстоять, наполнить смыслом понятие «антигражданское общество», особенно применительно к российским условиям (а возможно, не только к ним), — этот теоретический шаг представляется мне важным также и в практическом отношении.

Несмотря на все трудности и противодействия на пути создания гражданского общества в России, настоятельно необходимо искать выход — иначе судьба страны будет поистине безнадежной. Возможно ли отыскать этот выход?

*О возможных предпосылках, путях и перспективах
создания гражданского общества в России*

Первая предпосылка состоит в следующем. При всей российской специфике, при особых современных трудностях формирования гражданского общества в России в поисках выхода из создавшегося положения полезно, как я думаю, напомнить о том, через какие препятствия проходили и другие страны на пути к искомым цивилизационным структурам, благодаря чему они достигли несомненных успехов.

Вторая предпосылка — использование тех преимуществ и особенностей, которые создает относительно поздний и более динамичный цивилизационный опыт, опора на какие-либо новые и существенные моменты, способные в чем-то облегчить построение гражданского общества в новой России и других странах, отставших от темпов мировой цивилизации. Отмечу лишь некоторые узловые аспекты проблемы.

Главная общецивилизационная проблема, одновременно имеющая вид своего рода исторического парадокса, и притом очень трудного, состоит в следующем. Гражданское общество — это поле деятельности, поле объединений индивидов, которые, с одной стороны, являются гражданами государства, во многих отношениях *подконтрольными* этому государству, но которые, с другой стороны, именно в этом специфическом поле стремятся осуществить — а в случае успеха и реально осуществляют — *контроль над тем же государством* на благо большинства населения.

История цивилизации в последние пару столетий, когда реально формировалось гражданское общество, его институты, показывает: при всей трудности разрешения такого парадокса должна возникнуть относительно *единая воля государства* (т.е. собственно власти) и *большинства населения, народа*. Пока все дело в том, что общая, тем более всеобщая воля все еще *отсутствует*: мы пока даже не «хотим как лучше», а — «как всегда» — хотим жить лучше, не вырабатывая действенной воли, не прилагая хорошо обдуманных усилий. Все так. Но ведь другие страны и народы тоже не двигались к интересующей нас цели, т.е. гражданскому обществу, дружными, сплоченными рядами. И они не обретали «единую волю» как бы по мановению волшебной палочки. *Объединяющее, сплачивающее умонастроение* народа, разумеется, весьма необходимо, причем не только в обсуждаемом нами деле построения гражданского общества. Ибо это только некоторые звенья в огромной цепи, которая должна возникнуть благодаря решимости, воле, т.е. умонастроениям, ценностям, эффективной мотивации объединяющегося народа.

С теоретико-методологической точки зрения хочу выделить такую тему. Часто считается (в духе «классического», а скорее, догматического марксизма), что *сначала* должны быть созданы *экономические предпосылки* для решения тех или иных проблем (здесь — для построения гражданского общества), а уже *потом* можно нацелиться на их решение. Между тем такое однозначное ранжирование очередности процессов представляется неверным уже потому, что за время, отведенное хотя бы на относительный *экономический подъем*, препятствия — что фактически имело место в обсуждаемой нами проблематике — могут, что называется, *зацементироваться*. Кроме того, и в принципиальном теоретико-практическом смысле в грамотно управляемом обществе *никогда нельзя отрывать социально-экономические процессы от аспектов воли, умонастроений, психологии, ценностей населения в целом, его отдельных слоев и групп, в частности, и наиболее активных из них, в особенности*. А на отдельных исторических этапах именно последнее способно стать реальным рычагом фундаментальных преобразований, в том числе в экономике.

Другой узел вопросов, связанных и с гражданским обществом, и с другими целями обновления, касается беспрецедентных, казалось бы, темпов, скоростей социально-исторического обновления. Обычно — более или менее обоснованно — напоминают о том, что страны и народы, жизнь которых называют цивилизованной, двигались к этой цели столетиями. Однако опыт истории дает и иные уроки, раскрывает новые возможности⁴. Поскольку речь

⁴ В предположении таких возможностей и их содержательном раскрытии я опираюсь на очень ценную работу Н.П.Шмелева «Наше будущее: возможные сценарии» // Альманах «Вызовы XXI века». Выпуск II. — М., 2006. С. 90–110.

идет о единой воле, об особом устроении народа, совершенно прав Н.П.Шмелев: «В перспективе по меньшей мере двух ближайших поколений (а вероятно, и много больше) спасительной может быть только одна, в высшей степени простая идея, вернее, общее устроение, общая цель всего русского общества: сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны; достойная, надежная жизнь каждого человека и его близких...

Для современного мира такой стремительный подъем за жизнь одного-двух поколений вовсе не диковина: примеры известны — Германия и Япония после поражения во Второй мировой войне, «азиатские тигры», некоторые арабские страны, Бразилия, Индия и, конечно, Китай. И нет никаких объективных оснований считать, что российский человек в массе своей глупее, или ленивее, или нравственно слабее кого бы то ни было еще»⁵.

Итак, связывать возникновение и развитие гражданского общества исключительно с многовековым развитием истории в наше время было бы неправильно: именно современная цивилизация знает, как показано, процессы стремительных цивилизационных преобразований. И еще: в концепциях гражданского общества нередко говорится также о спонтанности, стихийности, добровольности возникновения как характерных чертах его структур. Но и здесь, полагаю, современная история вносит коррективы в том смысле, что построение гражданского общества вполне может не протекать чисто стихийно, а в какой-то своей части развиваться в соответствии с планом, проектом его формирования, в том числе таким, к созданию и осуществлению которого будет — но непременно вместе с «общественностью» — причастно и государство.

Но реально ли это на фоне всего известного нам о российском «антигражданском обществе», о характере коррумпированной власти, о пассивности — в этом вопросе — государства? Думаю, что движение страны в сторону цивилизованности, в частности, в сторону создания цивилизованного гражданского общества, возможно и даже вероятно, как возможны и вероятны более широкие, основанные на систематической теории вопроса инициативы государства именно на этом поле реализации населением начал свободы и наиболее широкой демократии. Почему к его формированию возможно (хотя и непросто) побудить население, достаточно ясно. Ведь люди за многие, в том числе за последние, годы накопившие претензии в адрес бесконтрольной государственной власти, давно высказываются в пользу действенного контроля над нею. Правда, контроль они нередко связывают тоже с властью — например, властью обоих последних российских президентов (удивляясь: что же они, достаточно молодые, решительные, энергичные, так и не положили и не положат конец тому, сему...) — и вряд ли со своей собственной гражданской активностью.

А вот чиновники, бизнес, «деятели» теневой экономики — они-то уступят ли свои власть, богатство, влияние, связанные с силой уже наличного «антигражданского общества», пока еще проблематичному гражданскому обществу? Несмотря на мрачность картины — зацементировавшиеся теневые, криминальные, антигражданские структуры — дело и здесь небезнадежно.

Во-первых, потому, что мировая цивилизация в своем отстаивании механизмов свободы, добровольности никогда не пренебрегала и не должна прене-

⁵ Шмелев Н.П. Там же. С. 99. (Слова, выделенные мною курсивом, можно считать обозначением достижений и ценностей цивилизации, которые близки устремлениям нормальных индивидов.)

брегать и средствами принуждения к порядку, ответственности (например, — в описании Н.П.Шмелева — это «принуждение к соблюдению бизнесом общепринятых норм деловой этики»)⁶. И если какие-то силы во власти обретут реальную волю к изменению и будут помогать формированию гражданского общества, дело может сдвинуться с мертвой точки.

Во-вторых, наша надежда — на осознание более широкими кругами чиновничества, бизнеса, другими слоями населения того обстоятельства, что попадание в «круг» криминала, коррупции — при некоторых временных выгодах в виде денег, собственности, власти — несет в себе огромные опасности, риски, вплоть до расставания с этими «выгодами», если не с самой жизнью.

В-третьих, это понимание опасности нового «черного передела» собственности, в России — чему учит ее история — *грозящая общим обвалом страны в варварство, дикость, кровавые революции*. Есть и опасность возникновения самых разных отдельных, местных «точек кипения», в которых будет стихийно и грозно вырываться наружу гнев населения, обусловленный теми непристойными для цивилизации социальными контрастами и теми способами поведения богатых, властных, известных людей, из-за которых в мире имидж России также связывают с антицивилизационными явлениями. В последнее время, что очевидно, социальный пожар может легко вспыхнуть в местах особого напряжения экономического кризиса — закрытия предприятий, роста безработицы и т.д.

В-четвертых, помощь может оказать растущее осознание населением других стран того, что во временно выгодном для государств Европы и Азии процессе перетекания российского капитала, богатства в их страны из-за многих обстоятельств накопились и стали нетерпимыми криминальные, антицивилизованные явления, почему надежд на беспрепятственное перемещение (криминальных, коррупционных) денег в другие страны остается все меньше.

В-пятых, могут и должны вступить в силу такие соображения: если моральные устои, законопослушание и т.д., как видно, отчасти и на время утратили свою силу в действии и сознании многих чиновников, бизнесменов России, то даже для них, их семей, их близких не могут не быть привлекательными простые ценности спокойствия, безопасности повседневной жизни. И они не могут не понимать, что, вступив на скользкий путь беззакония, они, скорее всего, получат в качестве бумеранга криминал и безнравственность, направленные против них самих и их близких.

Вот почему, как кажется, прав тот же Н.П.Шмелев, когда пишет, что «эпоха «баронов-разбойников» в силу естественных причин приближается, кажется, к своему закономерному концу и видится на смену им приход новых поколений деловых людей, привыкших соблюдать общепринятые в мире «правила игры»⁷, например, следовать правилу работать из нормальных, а не из «заоблачно высоких прибылей» и т.д. И ведь сказанное относится не только к бизнесу. Но опять вопрос: станет ли само государство, т.е. собственно многие его пока безоглядно обогащающиеся представители чиновничества, всерьез учреждать и поддерживать в России цивилизованные «правила игры»? На это тоже есть надежда.

⁶ Шмелев Н.П. Там же. С. 107.

⁷ Там же.

Итак, и в принципе, «по идее», и в реальной жизни позитивные изменения, по крайней мере, возможны — разумеется, *при некоторых неизменных условиях*, которые приведут к нарастанию «количественных» изменений и их переходу в новое качество: если в обществе накопится все больше сфер жизнедеятельности, в которых будет не только достойно, в нравственном отношении, в правовом смысле одобряемо и поддерживаемо, но *практически выгодно*, причем сегодня и завтра, не нарушать цивилизационные нормы, а строго соблюдать их. Потому и нельзя исключать, а можно даже предполагать, что какая-то влиятельная часть чиновного, делового класса сделает ставку именно на такой цивилизованный образ жизнедеятельности.

А вот теперь — специально о гражданском обществе. Даже если такие индивиды и свои уже имеются и если их «идеология», психология включит указанные мотивы, умонастроения, ценности, им не обойтись без активной поддержки граждан, организуемых и объединяемых в гражданское общество.

Но как подготовить, стимулировать самих граждан к такому качественно-му скачку в их жизнедеятельности, если все еще существует сильное «анти-гражданское общество», если граждане, по существу, не верят в способность власти к самопреобразованию и если они в массе своей вообще слабо представляют, что такое развитое гражданское общество?

В осмыслении не только огромных трудностей, препятствий на пути построения гражданского общества, но и возможностей его создания, как мне кажется, надо сделать два ключевых шага. И снова, как мы увидим, приходится думать о *теоретических основаниях* практических действий. Первый из шагов делается тогда, когда понимают: скептический, негативный ответ на все вопросы и трудности вписывается, в качестве стороны, элемента, лишь в один из возможных общих сценариев развития страны — сценарий пессимистический. Но ведь можно и нужно предположить, обосновать также и возможность второго (хотя бы умеренно), оптимистического сценария⁸. Понятно, почему в рассматриваемом нами аспекте важен общий сценарий: гражданское общество, его построение, совершенствование — лишь одна из важных сторон, тенденций сегодняшнего и завтрашнего развития России. Здесь, разумеется, имеет место взаимозависимость, ибо другие процессы (например, экономические и политические преобразования) зависят от силы или слабости гражданского общества; но и оно само зависит от этих других процессов, тенденций. Значит, второй шаг — составление такого сценария, который был бы также и достаточно подробным планом, проектом деятельности (в данном случае — в аспекте формирования гражданского общества).

Немного отвлекусь в сторону от российских проблем. Во второй половине 70-х гг. XX в., занимаясь проблемами социальной прогностики, я вникала в планы и прогнозы, которые глубоко и ответственно составлялись в Японии. В первой половине 1970-х гг. в возможности мощного научно-технического, цивилизационного рывка этой тогда бедной, технически отсталой страны мало кто верил. Тем не менее, рывок состоялся. Одной из предпосылок успеха как раз и стали глубина, профессионализм, многосторонность и конкретность таких прогнозов, одновременно функционировавших в качестве опера-

⁸ См. Шмелев Н.П. Цитир. произвед. С. 90–110. «Наше будущее: возможные сценарии» // Альманах «Вызовы XXI века». Выпуск II. — М., 2006. С. 90–110.

⁹ См. Мотрошилова Н.В. Прогнозирование будущего под контролем государства и бизнеса // Наука и будущее, борьба идей. — М., 1990. С. 77 и далее.

тивных планов-программ развития Японии⁹. В подобных цивилизационных планах-программах нуждаемся и мы сегодня, в том числе и применительно к построению развитого цивилизованного общества, располагающего активным, действенным, хорошо структурированным гражданским обществом. Составление таковых прогнозов-программ — как в общем смысле, так и в отношении гражданского общества — должно стать систематическим делом объединенных групп специалистов (примерно так подобранных и организованных, как это было в Японии и других странах, но с поправками на современные знания, требования, возможности). Хочется верить, что такие группы специалистов уже работают...

В «жизненном мире» и социальных науках России уже высказаны некоторые ценные и важные частные предложения, которые могут способствовать более интенсивным процессам построения гражданского общества в нашей стране. В дополнение к сказанному ранее об общих тенденциях и возможностях рассмотрю далее ряд более конкретных задач построения гражданского общества в России, опираясь на литературу вопроса и добавляя свои предложения и идеи.

Окончание следует.

Алексей ЕРМАКОВ, Борис СИДОРОВ, Карим УРАЗБАЕВ

О РОЛИ РОССИИ В ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Мировой финансовый и экономический кризис оказывает существенное негативное влияние на экономическую ситуацию в странах СНГ. Сила воздействия кризиса на экономику стран СНГ проявляется по-разному, в зависимости от степени их интеграции в глобальную экономику, состояния финансовой и банковской систем, фондового рынка и т.п.

В этих условиях совершенно очевидно, что развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве в интересах стран — участниц Содружества лишь за счет модернизации его инструментов и механизмов, как предполагалось ранее, невозможно.

Критически оценивая действующую модель Содружества, необходимо, как это не покажется странным, наиболее полно реализовать шансы, предоставляемые мировым финансово-экономическим кризисом.

Россия, учитывая складывающуюся ситуацию в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности, должна осознавать, что, ограничившись только декларациями о взаимной поддержке, она утратит свою роль безусловного лидера в действующих региональных сообществах — СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС и др.

Естественно, что для того, чтобы этого не произошло, потребуются значительные ресурсные расходы, а также выработка новой модели сотрудничества и новых инструментов и механизмов взаимодействия в экономической, инвестиционной, военно-технической, культурно-образовательной и информационной сферах.

Как действовать в этом плане и как исправить те недочеты и ошибки, которые были допущены в предыдущие годы? Только ответив на эти вопросы, можно реализовать один из приоритетов российской внешней политики — продвижение наших политико-экономических интересов в СНГ. Опыт показывает: в отношениях с ближайшими соседями мы часто были склонны обманываться и ошибаться. И поэтому, во-первых, главной задачей должно стать не определение объекта, в создание которого мы можем вложить средства, а гарантирование достижения той или иной политической или экономической цели, из-за которой мы и соглашаемся на создание данного объекта. Это является первостепенным принципом, так как необходимо учитывать,

что некоторые страны СНГ в своем стремлении к сближению с Западом готовы даже нанести ущерб отношениям с Россией.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в условиях глобального экономического кризиса и ограниченных финансовых возможностей у США и ЕС в настоящее время резко сократились шансы для активизации своей внешней политики на постсоветском пространстве. Следовательно, возникают перспективы купирования стратегической задачи США по выдавливанию России из региона Центральной Азии и Закавказья, а также ограничения влияния на них Китая и ряда стран Среднего и Ближнего Востока.

В-третьих, еще одним принципиальным положением выстраиваемой модели сотрудничества на постсоветском пространстве, объявленном Россией зоной своих интересов, должен стать обязательный учет существующих в этих странах политических реалий и их долговременных национальных интересов. Эту задачу может решить лишь долгосрочное планирование общих интересов: военно-технических и культурно-информационных — в рамках СНГ и ОДКБ, экономических — в рамках ЕврАзЭС, геостратегических — в рамках ШОС. Кредиты же падающим постсоветским экономикам не принесут нам политических дивидендов и вряд ли расширят поле российских сторонников.

В-четвертых, в свете заявлений по реформированию СНГ приобретает особую актуальность следующее принципиальное положение — надо не ломать, а укреплять через модернизацию действующую систему. К наднациональным инструментам с регулирующими функциями в настоящее время никто не готов, и в первую очередь Россия. Причем сегодня достаточно договориться об общих принципах продвижения вперед, а детали можно оставить на потом, последовательно укрепив ЕврАзЭС, ОДКБ и создав Союзное государство с Белоруссией.

Главным должно быть понимание, что Россия нуждается в СНГ и поэтому отношения со странами Содружества должны быть приоритетными в ее внешней политике. С упразднением СНГ она может оказаться окруженной новым «санитарным кордоном» из бывших стран — членов Содружества, большинство из которых будет вынуждено ориентироваться на поддержку других великих держав и региональных центров силы.

В-пятых, а, возможно, и во-первых по значимости — Россия должна научиться быть ведущей силой формирования новой модернизированной системы межгосударственных и экономических отношений на территории постсоветского пространства, но без постоянного подчеркивания своего превосходства, пусть и объективного. Сегодня, в условиях глобализации, лидерские возможности далеко не всегда обеспечиваются только финансово-экономическим и политическим доминированием.

В процессе глобализации региональными государствами могут быть восприняты только те усилия ведущих стран, которые способствуют решению проблем первенства без ущерба для политического менталитета стран, имеющих относительно низкий уровень социально-экономического развития. Надо признать справедливость утверждения, «что политическое достоинство — это также этническое и национальное самоопределение, религиозное самосознание», и все это в мире, где повсеместным стало острое осознание экономического, расового и этнического неравенства.

И, в-шестых — принципиальное положение, вытекающее из опыта обществ и сообществ, достигших успехов и процветания, — это умное исполь-

зование процессов международного разделения труда, когда страна производит то, что определяется ее естественными преимуществами. И здесь определяющей для перспектив экономического развития стран СНГ, особенно центральноазиатских, является позиция России.

Если, как и раньше, проводить в этом регионе оборонительную позицию, стремясь сохранить за собой хоть что-то из советского наследия, то очень скоро Россия станет для этих стран всего лишь одним из торговых партнеров. Уже сейчас доля импорта из этих стран упала до 10,4%, а экспорта — до 15%. А следовательно, ее экономический и политический вес становится малозначительным. Поэтому для формирования активной и рациональной внешнеэкономической политики РФ определяющим и существенным становится путь к созданию зоны экономического взаимодействия, предполагающей партнерство и равенство в правах, а не конкуренцию за инвестиции, рынок сбыта и др.

В этом видится альтернатива «многовекторности» политики стран Центральной Азии, т.е. усиление «российского вектора» не на основе политического давления, а на базе стратегических выгод партнерства с Россией. Дополнительным плюсом, если удастся последовательно выстроить новую модель сотрудничества, служит позитивный в целом опыт пребывания в составе СССР. Не лишним будет вспомнить о казахской поговорке XIX века: «если придет черный китаец, рыжий русский родным отцом покажется».

Однако надо учитывать, что геополитическая память в бывших союзных республиках в условиях нового миропорядка деформируется, а набор внутренних связей и внешних угроз постоянно изменяется. Вместе с тем, по оценкам аналитиков, уже в начале следующего десятилетия могут заработать совсем иные факторы, способные усилить интеграционные процессы в рамках СНГ. Разумеется, они могут заработать не синхронно и не для всех стран СНГ. Но неизменным останется лишь фактор отсутствия альтернативы России в качестве ядра, главного системообразующего элемента постсоветского пространства.

Поэтому Российская Федерация должна быть экономически, политически и организационно готова к тому, что уже скоро многие из стран СНГ могут оказаться перед лицом новых серьезных (в том числе общих для Содружества) вызовов их военной и экономической безопасности, национальной независимости и их образу жизни, что объективно будет подталкивать их к укреплению сотрудничества и партнерства между собой, в том числе и с Россией.

Таким образом, стратегический курс России в отношении СНГ, как и ее реальная политика на постсоветском пространстве, нуждается в пересмотре с целью четкого определения ориентиров развития. Задача нынешнего этапа — активизировать сотрудничество с СНГ по таким приоритетным направлениям, как технологическое, энергетическое, транспортное, торгово-инвестиционное и культурно-гуманитарное сотрудничество, привлечение и генерирование нанотехнологий и опыта управления, совершенствование законодательства и механизмов координации государственного управления и других факторов, обеспечивающих инновационный характер экономического роста.

Представляется, что только успешное решение данной задачи создаст долговременную базу лидерства России в интеграционных процессах, на долгие годы определит ее геополитическое и геостратегическое положение, включая и позиции в ШОС, ЕС, АТР и в других международных организациях. Ведь именно от этого зависит конкурентоспособность СНГ на мировом рынке и ее

влияние на решение вопросов общемирового цивилизованного развития. Для малых стран СНГ интеграция, которая в условиях глобализации и взаимозависимости становится настоящей необходимостью, выступает важнейшим фактором независимости и их суверенитета.

Но ничего не происходит само по себе, даже при наличии объективных предпосылок. Тем более, что ситуацию на постсоветском пространстве отягощают сохраняющиеся конфликты и попытки расколоть СНГ. Все это было усугублено энергетическим конфликтом между Россией и Украиной и вооруженным конфликтом в Южной Осетии. Пауза, которую взяли близкие к Москве столицы, продолжается до сих пор. А это прямое свидетельство усиления западного вектора внешней политики стран СНГ, усиления центробежных сил внутри Содружества и переноса акцентов на двусторонние межгосударственные связи. Эта тенденция, как совершенно справедливо отмечают аналитики, говорит о необходимости откорректировать внешнюю политику России на постсоветском пространстве: прежние методы работы себя не оправдали.

Например, нередко Россия требует от партнеров по СНГ того, что она не делает сама. В частности, она добивается согласования подходов по международным проблемам, однако собственную политику в дальнем зарубежье ни с кем в принципиальном плане не согласовывает. Иногда такая «самостоятельность» работает на развал СНГ. Наглядно это проявилось в ходе переговоров по вступлению России в ВТО, когда Москва «забыла», что при условии вступления в эту организацию о едином экономическом пространстве речи быть не может.

Что же надо делать, какой инструментарий защиты и продвижения национальных интересов надо использовать? Прежде всего надо избавиться от иллюзий, что позиции России непоколебимы, рано или поздно бывшие союзные республики «придут под ее крыло» и ситуация находится под ее полным контролем. На эту позицию не повлияла даже череда «революционных» событий в бывших советских республиках. По-прежнему превалируют устаревшие подходы к осуществлению внешнеполитического курса, в ходу прежние схемы как в подготовке решений, так и в их реализации. Отличительной чертой так и остается хаотичность, обуславливаемая слабой координацией между отдельными ведомствами, часто сопровождаемой безответственностью, даже некоторым пренебрежением к проблемам стран СНГ и к проблемам самого Содружества со стороны органов исполнительной власти РФ. И происходит это не случайно.

Здесь, прежде всего, необходимо признать правомерность вывода, что российская политика на данном этапе носит декларативный характер и подменяется решением второстепенных проблем. И происходит это по одной простой причине — российский внешнеполитический курс в отношении стран постсоветского пространства опирается на значительное количество официальных документов при практически полном отсутствии четких механизмов по их реализации. Нет ответов на многие принципиальные вопросы. Например, нечетко выражено, какие стратегические цели намерена достичь Россия на постсоветском пространстве в целом и в отдельных государствах в частности, какую цену, в том числе и финансовую, она готова заплатить и с какими материальными и нематериальными издержками согласиться.

Надо признать необходимость существенной коррекции в этой части в принятой в 2008 году Концепции внешней политики России. Сегодня очевидно на ее несостоятельность, так как она исходит из неверности посылов об отсут-

ствии конфликтов при развитии постсоветского пространства и существовании каких-либо острых проблем в отношениях со странами. Если же Россия приведет их в плоскость двусторонних отношений и двусторонних договоренностей, то это резко снизит интеграционный ресурс СНГ, сделает это Содружество еще более аморфным, что недопустимо по геополитическим интересам. Однако существуют проблемы, которые выходят далеко за рамки двусторонних отношений, — например, водно-энергетическая в Центральной Азии, правовая, транспортно-энергетическая и экологическая в Прикаспии.

В ситуации мирового финансового кризиса все более актуальной становится проблема создания единого финансового центра на постсоветском пространстве, который был бы в определенной степени «буфером» для резких колебаний на финансовых и фондовых рынках мира.

Москва как финансовый центр и созданные в России льготные финансовые зоны в приморских и крупных приграничных со странами ближнего зарубежья городах могут стать новыми полюсами интеграции стран, а также еще одним знаком укрепления роли и конкурентоспособности рыночной экономики России.

Каждая страна имеет свои особенности и специфику, поэтому при определении стратегии сотрудничества необходим индивидуальный подход. Целесообразной представляется увязка всех направлений взаимодействия (экономических, гуманитарных и других) по каждой стране с учетом российских интересов и интересов партнеров.

Так, например, в отношении государств Центрально-Азиатского региона нам следует сосредоточиться на конкретных направлениях и проектах сотрудничества, в первую очередь в энергетике. Для финансирования совместных проектов в странах Центральной Азии мы располагаем таким финансовым институтом, как Евразийский банк развития. Этот банк создан в 2006 году Россией и Казахстаном, а в декабре 2008 года было одобрено вхождение в его состав Белоруссии, Армении и Таджикистана. Несмотря на кризис, банк по-прежнему рассматривает вопросы финансирования крупномасштабных проектов в странах СНГ.

В перспективе банк мог бы взять на себя, помимо кредитования, также и функции института развития, содействующего макроэкономической стабилизации в регионе, стать центром анализа и прогнозирования развития стран СНГ.

Но готова ли российская дипломатия развивать новые подходы? Здесь вполне объективно возникают сомнения в этом, так как функции недавно созданного при МИДе России Федерального агентства по делам СНГ ограничиваются той же гуманитарной сферой в традиционных для нашей дипломатии формах — конференции, симпозиумы, фестивали и т.д. С таким подходом, с таким ограниченным инструментарием России вряд ли удастся эффективно противостоять растущему влиянию Запада, активно воздействующего на общественное мнение этих стран через многочисленные неправительственные организации и фонды, зачастую не гнушающиеся и прямым влиянием на внутривнутриполитическую ситуацию, активно формирующих новую политическую, финансово-экономическую и интеллектуальную элиту, ориентированную на западные стандарты и ценности.

Целенаправленная и системная работа, ориентированная на достижение конкретных результатов, будет способствовать созданию адекватной внешней политики, исключающей по мере своего становления всякие непредви-

денные ситуации, включая появление новых политических сил и лиц на политическом небосклоне Содружества.

Ключевым моментом в условиях развития финансово-экономического кризиса может стать развитие валютной и финансовой интеграции стран ЕврАзЭС. В этих целях уже на первом этапе представляется необходимым:

- инициировать подготовку и принятие в рамках СНГ и ЕврАзЭС решения о взаимном допуске к операциям на фондовых рынках стран-участниц с целью увеличения использования рублевых кредитов. Обеспечить поддержку слияния российских фондовых бирж с биржами стран ближнего зарубежья;

- упростить процедуру и расширить практику предоставления связанных государственных рублевых кредитов, предусмотреть снижение ставок на 15 и 25–30% (при срочном и досрочном погашении соответственно) по двусторонним и многосторонним инвестиционным проектам, реализуемым с участием РФ и предусматривающих использование отечественной техники, оборудования и технологий;

- сформировать специальный фонд для оперативной скупки в российских интересах долговых обязательств (акций, залоговых активов, закладных) коммерческими структурами РФ в ключевых отраслях стран СНГ — горнодобывающих предприятий, объектов энергетики, агропромышленного комплекса, в том числе и земли сельскохозяйственного и рекреационного назначения (включая открытие кредитных линий и субсидирование процентных ставок по кредитам для российских компаний);

- определить банки-агенты Правительства РФ (включая создание дочерних банков или филиалов кредитных организаций РФ в указанных странах) для поддержки российского экспорта в страны СНГ, а также формирования экспортных фондов в странах СНГ (Киргизии, Таджикистане и др.) для бесперебойной поставки необходимого России сырья и материалов, сельхозпродукции и продовольствия по согласованным номенклатуре и объемам на основе долгосрочных соглашений;

- предложить странам ЕврАзЭС учредить совместный Фонд страхования прямых иностранных инвестиций (включая лизинговые операции, предусматривающие предоставление требуемых гарантий на согласованных условиях). Для оперативного решения вопроса следует рассмотреть возможности учреждения таких фондов на двусторонней основе, в чем наиболее заинтересованы малые страны — Таджикистан и Киргизия, имеющие низкую инвестиционную привлекательность);

Справочно. Международная практика показывает, что при таких условиях объемы привлечения инвестиций находятся в соотношении 1:4 (например, для Киргизии, способной освоить не более 300–350 млн. долларов прямых инвестиций в год, страховой фонд не превысит 70–80 млн. долларов).

- обеспечить формирование и развитие на базе Евроазиатского банка системы поддержки совместных инновационных проектов российских компаний и компаний стран ЕврАзЭС;

- предоставить странам СНГ — должникам РФ в рамках специальных соглашений право на конверсию обязательств в налоговые преференции российским экспортерам по согласованным объемам и номенклатуре (предпочтительно по контрактам на поставку машиностроительной продукции, что позволит повысить конкурентоспособность отечественной продукции);

— стимулировать в Центральном-Азиатском регионе создание российскими экспортерами под гарантии РФ сети агролизинговых компаний, предусматривая для заинтересованных стран выделение рублевых кредитов под обеспечение прав на долгосрочную аренду земель сельскохозяйственного назначения и поставок сельхозпродукции и продовольствия для нужд РФ на условиях, принятых в международной практике в подобных операциях.

Безотлагательная реализация перечисленных мер, помимо тактических задач облегчения последствий мирового финансового кризиса, создаст предпосылки для формирования устойчивой зоны экономического влияния России за счет продвижения рубля сначала в качестве международной валюты по текущим торговым, а затем — и капитальным расчетам.

Это послужит началом на пути становления нового регионального финансового центра и сильной региональной валюты на базе рубля.

Создание совместных механизмов обеспечения финансовой устойчивости стран Содружества не может не привести к сближению внешнеполитических устремлений и трансформации всей системы партнерских отношений в союзнические, базирующиеся на общности целей и задач общеполитического и экономического развития, а также учитывающие геостратегические и национальные интересы.

В первую очередь этому должна способствовать одобренная в ноябре 2008 года главами правительств СНГ Стратегия экономического развития СНГ до 2020 года. Это одобрение свидетельствует о том, что у стран Содружества есть понимание общего вектора экономического развития. Сейчас ведется разработка проекта плана мероприятий по реализации первого этапа Стратегии, рассчитанного на 2009–2011 годы.

Эти базовые документы не должны остаться на бумаге — их необходимо «превратить» в практические шаги отраслевых министерств и ведомств Российской Федерации и других стран — участниц Содружества.

Юрий ШЕЛИСТОВ

ЦЕННОСТНАЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ПОЛИТИКЕ

Значительная роль политических технологий в политике ставит проблему сохранения в ней и в системе саморегуляции социально-политических процессов ценностной составляющей. Политические технологии все более разрушают соотносящийся с ценностно-нормативной основой смысл социального действия.

В настоящей статье делается попытка определить происхождение технологизма в политике и перспективы решения проблемы сохранения в ней ценностной составляющей.

По замечанию А.С.Панарина, в современной политике все более явно укореняется отождествление легитимного с эффективным, достижительным, технологичным. По нашему мнению, истоки такой ситуации кроются в рационализме Нового времени, который распространяет на все социальные сферы ценностно нейтральную рациональность. Развернутое обоснование этой рациональности применительно к социально-политической практике содержится в либералистских концепциях британских философов Нового времени.

Автор одного из вариантов концепции правового государства Т.Гоббс выводил возможность правового государства из представлений о естественном праве как праве на все и одновременно праве ни на что, когда «каждому принадлежит то, что он может потребовать, и именно столь долго, сколько он это может удерживать». Это состояние войны всех против всех, в котором «ничего не может быть несправедливым». Понятия права и бесправия, справедливости и несправедливости здесь неуместны. «Где нет общественного насилия, там нет закона, где нет закона, нет несправедливости»¹.

Разум, благодаря которому люди переходят к мысли о самоограничении собственной свободы и заключении общественного договора ради преодоления бесправия и делегируют свои «естественные права» суверену, защищающему договор, обусловлен ценностно нейтральной способностью расчета. Основной мотив, которым руководствуется такой разум, — правильно понятый эгоистический интерес. Хотя общественный договор, по Гоббсу, возмо-

¹ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. Т. 2. — М., 1991. С. 97–99.

жен благодаря свободе личности, это не свобода внутреннего самоопределения, а свобода произвола, которая может быть определена извне — аффектами или расчетом связанных с обстоятельствами выгод и невыгод.

Разум у Гоббса чисто стратегический, инструментальный разум, поставленный на службу цели самосохранения индивида. Принцип обоснования морали («золотое правило морали») Гоббс строит на основе принципа взаимобмена: «В случае согласия на то других, человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе»². Противоречивость концепции ученого заключается в том, что рациональность собственного интереса может вести к нарушению заключенных договоров, которых, согласно Гоббсу, необходимо придерживаться. Ведь логика соблюдения собственного интереса заставляет придерживаться договора только в той степени и тогда, когда это выгодно. Поэтому гарантией соблюдения общественного и других договоров выступают власть и насилие суверена. Концепция Гоббса не позволяет обосновать недопустимость аморальных договоров (направленных против третьих лиц), полезных договоров с криминальным содержанием, паразитарного использования правового порядка.

Концепции ценностно нейтральной рациональности Гоббса и других британских философов XVI–XVII вв., как представителей либерального направления, отразили утилитаризм этических принципов современного им буржуазного сословия, заинтересованного в развитии правового государства и рыночной экономики.

Рефлексия ценностно нейтральной рациональности в конце XIX — начале XX в. была развита М.Вебером, который сформулировал идею комплиментарности ценностно нейтральной и ценностной рациональностей. Противоречия этих двух типов рациональности, по его мнению, непреодолимы; для современного мира конфликт между «этикой убеждений» и «этикой ответственности» неизбежен³. При этом «расколдовывание мира», происходящее в европейской культуре, постепенно вытесняет ценностную рациональность, замещая ее целерациональностью, покоряющей социальное пространство благодаря своей эффективности.

В XX в. господствующая в западной философии и общественной мысли идея комплиментарности не оставляет места ценностно релевантной этике ответственности. Тем не менее, возникали концепции, нарушающие данную тенденцию. Среди таковых может быть названо либерально-консервативное учение И.А.Ильина о праве и государстве, согласно которому «благородство правосознания» и «духовный ценз» для властвующих являются необходимыми содержательными — наряду с формальными — гарантиями надлежащей организации власти в государстве: «власть должна принадлежать лучшим людям»⁴. В соответствии с «аксиомами власти» Ильина, власть должна осуществляться лучшими людьми, удовлетворяющими «этическому и политическому цензу»; политические программы могут включать в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес; эти меры должны быть внеклассовыми и даже сверхклассовыми, равным образом избегая включения частного, личного интереса; программа власти может включать в себя только осуществимые меры и формы (иначе они будут химеричны и утопичны)⁵.

² Гоббс Т. Указ. соч. С. 99.

³ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. С. 695–697.

⁴ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания. — М., 1994. С. 282.

⁵ Там же. С. 291–307.

В рамках коммунистической идеологии также была предпринята попытка придать этическое содержание социальной практике. Интеграция в ней двух видов рациональности обернулась рождением тоталитарной социальной системы, устранившей противоречие между общественной и частной рациональностью устраниением последней.

Попытка защитить либеральные ценности от тоталитарных идеологий предпринимается в концепции критического рационализма К.Поппера, в котором оценки и нормы заменяются ценностно нейтральными процедурами проверки их приемлемости.

Британский мыслитель разработал концепцию «открытого общества» и выдвинул свое понимание социальной инженерии. Ее Поппер считает целенаправленным изменением социальных институтов, основанным на знании законов исторического развития и предсказании возможных результатов преобразований⁶. Согласно Попперу, «полное переустройство» общества невозможно из-за нетехнологичности таких попыток, стремление осуществить такое переустройство он называет утопической инженерией, доказывает, что это худший случай манипулирования, и видит происхождение утопической инженерии в платоновском подходе к политике. В противоположность утопической существует рациональная социальная инженерия, или постепенная, поэтапная инженерия. Поэтапная инженерия предполагает, что систематическое преодоление страданий, несправедливости и войн предпочтительнее, чем борьба за воплощение идеала. «Общественная жизнь так сложна, что лишь немногие, а быть может, вообще никто, могут оценивать проекты широкомасштабной социальной инженерии — иначе говоря, решать вопросы, осуществим ли такой проект, приведет ли он к действительному улучшению, какого рода возможные страдания могут наступить в процессе его воплощения, каковы средства его реализации»⁷.

В поэтапной инженерии проекты относительно просты и затрагивают, как правило, какое-либо одно социальное учреждение — например, здравоохранение, обеспечение занятости, арбитражный суд, построение государственного бюджета в условиях экономического спада или систему образования. Такие проекты содержат меньший риск, вызывают меньше споров, прийти к соглашению по ним легче, чем пытаться определить бесспорное идеальное благо и приемлемые для всех пути его достижения. Метод частных социальных решений позволяет использовать для своей реализации разум, а не страсти и насилие, достигать разумного компромисса и улучшать существующую ситуацию с помощью демократических методов.

Поппер не критикует сам идеал и не опровергает его достижимость. Критикуя утопическую инженерию, он критикует проекты переустройства общества в целом — «проекты весьма основательных изменений, практические последствия которых трудно предусмотреть, опираясь на наш ограниченный опыт»⁸.

Технология частных социальных решений позволяет проводить эксперименты вновь и вновь, допускает все новые реорганизации, дает возможность выискивать и исправлять ошибки. Именно так, по убеждению Поппера, а не путем утопического планирования или исторических пророчеств, сфера политики сможет обогатиться научным методом, «так как тайна научного метода состоит всего лишь в готовности учиться на ошибках: Во всех делах

⁶ *Popper K.* Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 69.

⁷ *Popper K.* Открытое общество и его враги. Пер. В.Н.Садовского. — М., 1992. С. 133.

⁸ Там же. С. 139.

мы можем обучаться только методом проб и ошибок, впадая в заблуждения и исправляясь»⁹.

Данные идеи Поппера лежат в основе его концепции «открытого общества», в котором решения принимаются на основе критического обсуждения аргументов. В критическом рационализме ученого двигателем прогресса является демократическая реформа общества, возникающая в процессе постоянной самокритики и понимаемая как антитеза революционной практике. По его мнению, общество должно совершенствоваться путем внедрения обоснованных наукой технологий, основой критической теории общества у него становится социальная технология и демократическая процедура.

Русский мыслитель И.А.Ильин также указывал на пагубность «политического максимализма» и «дурной дальнзоркости» в политике. В каждый данный исторический момент политик может осуществить лишь известную часть того, что необходимо для общего блага, и только эту часть он должен включить в «программу дня». «В общественном и политическом развитии есть своя необходимая последовательность, которую нельзя пренебрегать безнаказанно, и если партии начинают пренебрегать ею, то они вступают на путь злосчастных нелепостей и губят государство», — писал он¹⁰. Однако, по его мнению, «политика в ее истинном значении творится лучшими, существенными и глубочайшими силами души, т.е. духом... она должна не попира́ть, а блюсти законы духа. Духовным называется такое состояние души, которое является восприятием, переживанием и осуществлением верховной, объективной ценности»¹¹.

В учении И.А.Ильина целевая и ценностная рациональности не противопоставлены: авторитет положительного права и создающей его власти покоится не только на общественном договоре («на общественном сговоре»), не только на признанных полномочиях законодателя, не только на «внушительном воздействии приказа и угрозы», но «прежде всего» на духовной правоте. «...духовная верность творимого права является всегда лучшим залогом того, что авторитет права и власти будет действительно признан правосознанием народа и что их политическая прочность соединится с жизненною продуктивностью», — подчеркивал И.А.Ильин¹².

Система Поппера опирается на достижение консенсуса в демократическом обществе путем достижения баланса интересов, а политические решения аналогичны научным гипотезам, которые должны подлежать критике и иметь возможность быть пересмотренными. Политико-правовая система государства должна быть подчинена логике постепенной адаптации к меняющимся условиям социально-политической и социально-экономической жизни. Двигателем изменений выступают интересы субъектов политического и экономического взаимодействия, разумное согласование которых позволяет проводить постепенное реформирование социально-политического порядка.

В этом смысле политические технологии выступают тем элементом политической системы, в котором концентрируются ее «точки роста» — место для

⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Пер. В.Н.Садовского. — М., 1992. С. 145.

¹⁰ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания. — М., 1994. С. 303–304.

¹¹ Там же. С. 309.

¹² Там же. С. 291.

апробации и возможной последующей институционализации новых, более эффективных способов достижения политических целей и адаптации всей системы к новым условиям. Политические технологии являются сферой рискованной деятельности, неэффективность и/или девиантность (несоответствие моральным и правовым нормам) которой также являются стимулом для критического пересмотра и трансформации политико-правового пространства.

Однако проблема состоит в том, что политические технологии, выполняя функцию адаптации политической системы к потребностям социума наиболее рациональными и эффективными путями, как правило, служат интересам ограниченного круга политических акторов, подрывая принципы социальной справедливости и, следовательно, истинную легитимность. В выстроенных в соответствии с либералистскими представлениями системах процесс формирования социально-политического порядка отдается стихии свободного взаимовыгодного обмена, «невидимой руке рынка» (экономического и политического), спонтанности, упорядочиваемой лишь необходимостью согласования интересов.

Согласно либеральной доктрине, главным критерием легитимности в условиях конституционных демократий выступает соблюдение индивидуальных прав, следование принципу политической нейтральности. Индивиды, как таковые, обладают правами, выступающими в качестве ограничений, которые налагаются на правительство и других лиц и контроль над которыми осуществляется обладателями этих прав. Данные права принадлежат им изначально, не вследствие некоего общественного договора, не из соображений общественной полезности, не в силу традиции или Божьего промысла, а в силу того, что они обладают неким «собственным» качеством (моральной независимостью, человеческим достоинством), благодаря которому они и являются носителями прав. Индивидуальная автономия, моральный эголитаризм, универсализм рассматриваются либералами как неотъемлемые составные части представления о правах.

Одно из допущений, на которых зиждется тезис о правах, состоит в том, что отстаиваемые индивидами ценности, включая их права, имеют силу лишь постольку, поскольку в их пользу могут быть приведены доводы перед лицом иных моральных систем¹³.

Все ценности суть ценности индивидов. Если нечто имеет ценность для сообщества, следует доказать, что это же является ценностью и для индивидов. Права составляют ядро концепции справедливости, позволяющей подтвердить притязания на легитимность любых современных государственных устройств. Закон и политические решения обязательны в той степени, в какой они уважают права индивидов; отсюда приоритет права или справедливости по отношению к благу.

Идеалы моральной независимости и саморазвития индивида в либерализме основаны на атомистическом, абстрактном, в конечном счете, внутренне противоречивом представлении о личности как о субъекте прав. Антропологическая основа тезиса о правах — представление о неких изолированных, самодостаточных, разобщенных индивидах, стоящих вне общества и в пол-

¹³ Хайек Ф. Индивидуализм истинный и ложный: Пер. с англ. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). — М., 2000. С. 385–412.

ной мере наделенных инструментальным разумом и автономией — неадекватна. Представление о личности как о субъекте прав приводит к акцентированию неполитических форм свободы (негативной свободы), к упрощенному представлению о политической идентичности, факторах политической деятельности, этической жизни. Между тем индивиды существуют в историческом и социальном контексте; объединяются в сообщества, внутри которых и обретают свою индивидуальную и коллективную идентичность, язык, мировоззрение, моральные категории и т.д.

Социальное эмпирически предшествует индивидуальному. Либералы не видят в сообществах самостоятельного источника ценностей и не признают существования общественных обязанностей и добродетелей (лояльности, гражданской добродетели), отличающихся от обязанностей перед другими, являющихся выражением абстрактного человеколюбия.

Признаваемые либералами как универсальные нормы по причине того, что основаны на всеобщности человеческих качеств (достоинства или моральной автономии), в действительности — частные нормы, общепринятые в рамках отдельных сообществ. Индивиду негде искать прочных устоев для своих моральных суждений, кроме как в том сообществе, к которому он принадлежит. Не существует обязанностей, которые налагались бы абстрактной принадлежностью к человеческому роду, есть только обязанности, относящиеся к человеку как члену сообщества: истинным основанием моральной теории является сообщество, его благо, а не индивид со своими правами. Сами права индивидов действительны лишь в той степени, в какой они вытекают из общего блага.

Идея моральных прав есть универсализм, абстрагирующий от сообщества — реальной основы моральных требований. На базе общих представлений о благой жизни, в рамках реально существующего этико-политического сообщества (обладающего той или иной конкретной политической культурой) можно прожить осмысленно нравственную жизнь, познать истинную свободу. Свобода в первую очередь должна быть соотнесена не с изолированным индивидом, а с обществом, являющимся той средой, где происходит индивидуализация — со структурами, институтами, обычаями более широкого социального целого. Гражданские добродетели, а не негативная свобода, общее благо, в отличие от прав, демократическое участие, а не права индивидов (и соответствующая им политическая культура антагонистического типа) предполагают ответственное отношение всех членов общества к своим гражданским обязанностям, распространяющееся на общественные институты всех уровней, налагающее определенный отпечаток на характер, привычки, моральные чувства каждого из граждан¹⁴.

В чистом виде либерализм ведет, в конечном итоге, к политическому порядку, в котором возможности для проведения своих интересов получают наиболее приспособленные, ресурсно (в том числе технологически) оснащенные политические акторы. По словам И.Шапиро, подобно тому, как хозяйственные рынки откликаются лишь на реальный (платежеспособный) спрос, политический процесс реагирует лишь на высокоорганизованные группы интересов (истеблишмент, бизнес, ВПК). «И подобно тому, как у многих есть

¹⁴ См.: Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория: Пер. с англ. — М., 2003. С. 25–27.

потребности, для выражения которых через рынок они не располагают необходимыми экономическими ресурсами, точно так же многие, имея интересы, не имеют ресурсов, чтобы выразить их через организованные политические группы интересов»¹⁵.

В этих условиях реальный процесс принятия политических решений не отвечает представлениям о равенстве возможностей влияния на политические события основных социальных групп.

Из отношений властвования невозможно исключить момент легитимации такого политического порядка, в котором интересы одних удовлетворялись бы в той же мере, что интересы других. Политические технологии в данном контексте выступают инструментом манипуляции политическим поведением масс, средством легитимации нарушающих принципы социальной справедливости политических событий, действий, проектов.

Однако при наличии соответствующей политической воли, опирающейся на идеи социальной справедливости, политические технологии могут быть поставлены на службу истинно демократическим ценностям. Идея постепенной социальной инженерии, состоящая в увязывании знания структуры действия, его технологии, с предсказуемостью результата, опираясь на допущения регулярности, нормосообразности социальной реальности, не может обеспечить окончательный заслон возникновению иррациональных политических практик.

Доктринальная система, выражающая ценностную природу человека, не противопоставляющая целевую и ценностную рациональности социального действия, может стать препятствием возникновению иррациональных политических практик.

¹⁵ Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4. С. 19.

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

ГОЛОД

Сытый голодного не разумеет.
Голодный праздников не считает.
Голод не сосед, от него не уйдешь.
Русские пословицы

Тема, скажем, не из приятных. И решил я написать эту статью не для того, чтобы кого-то травмировать описанием ужасных мук, которые испытывали умирающие в блокадном Ленинграде или в Бухенвальде. Моя цель состоит в том, чтобы постараться ответить на вопрос — почему голод является неизбежным спутником человеческой жизни сегодня, в начале XXI века? И не только в Африке, Азии, Латинской Америке, но и в цивилизованной Европе, в том числе и в России.

Статистика говорит, что от недоедания и голода ежегодно погибает около 11 млн. детей, не достигших 5 лет. Это больше, чем население Москвы. Голод является причиной трети детских смертей. Сколько же умирает от голода людей в мире, по-моему, не знает ни один демограф. В статьях и докладах на международных конференциях статистиками называются самые различные цифры, но я в них не верю.

Как сообщает нам та же *Википедия*, большинство людей погибает от голода не из-за краткосрочных перебоев с получением продуктов питания, а в результате длительного недоедания, вызванного *бедностью*. Вот где на самом деле кроется истинная причина голодной смерти миллионов людей! *Нищета и голод* неразрывно связаны между собой кандалами, которые носят сегодня, по меньшей мере, миллиард людей, или каждый шестой житель Земли. А половина людей планеты не имеют сбалансированного рациона питания, содержащего необходимые вещества, чтобы вести здоровую полноценную жизнь, что, конечно же, сказывается на их физическом и умственном развитии. Исследования, проведенные директором когнитивной нейрофизиологии при университете Пенсильвания Мартой Фарах, показали, что даже короткий период бедности может негативно отразиться на когнитивном развитии ребенка со всеми вытекающими последствиями.

Коллективный Разум человечества, ведомый таким поводом, как *Нравственность*, представленный в такой мощной структуре, как ООН, еще в 1974 году, т.е. 35 лет тому назад, принял решение за 10 лет уничтожить голод. В подкрепление своей твердой решимости избавить людей от этого бедствия в 1979 году ООН учреждает *Всемирный день продовольствия*. Но поскольку это решение ООН осталось невыполненным, то в 1990 году Гене-

ральная Ассамблея ООН принимает новое решение — теперь уже не полностью, а только *наполовину* сократить число голодающих к 2015 году. Однако сегодня ясно, что и эта Декларация не будет выполнена. Эксперты считают, что в 2015 году в мире будет не менее 800 млн. голодающих, т.е. ровно столько же, сколько их было в 1990 году. На самом же деле, как показывает динамика роста числа голодающих, их будет больше.

Для такого печального вывода имеются все основания. Мировой экономический кризис, который сейчас в разгаре, увеличит число безработных, по меньшей мере, на 25 млн. (данные МОТ). А согласно расчетам той же организации, число работающих бедных, живущих менее чем на 1 доллар в день, может возрасти на 40 миллионов человек, тех же, кто живет на 2 доллара в день, — более чем на 100 миллионов. Следовательно, армия голодных людей еще больше увеличится, существенно превысив 1 млрд. человек (только в 2008 году, согласно предварительной оценке, число голодающих увеличилось на 44 млн.).

Так в чем же дело? Где кроются причины такой беспомощности *Разума и Нравственности*, представленные в такой авторитетной организации, как ООН, в которой работают представители около 200 государств мира? Или же там собрались никудышные специалисты, не умеющие ни думать, ни считать? Или же на заседания Генеральной Ассамблеи ООН собираются полномочные представители государств, которые не обладают достаточной властью, чтобы выполнять свои же собственные решения? Или же действуют какие-то неведомые нам злые силы, привнесенные на Землю из Космоса, мешающие выполнять резолюции и декларации ООН? Словом, какой-то злой рок витает над ООН. Значит, на Земле имеется сила, более могущественная, чем ООН со своими многочисленными структурами. Вроде получается, что прав был Томас Мальтус, который в своей книге *«Эссе о принципах населения»* писал буквально следующее: «Мощь населения намного сильнее, чем мощь Земли, производящей продукты для человека». Ведь даже школьникам известна знаменитая формула Т.Мальтуса: производительность растет в арифметической прогрессии, а население — в геометрической. Но, как известно, критерием истины может служить только практика. Если бы, согласно прогнозу Т.Мальтуса, численность населения удваивалась каждые четверть века, то ныне планету населяли бы не 6 млрд. человек, а 242 млрд. (во времена Т.Мальтуса численность населения Земли была равна 950 млн. человек).

Что же касается производства продовольствия, то дело обстоит следующим образом. Фрэнсис Лапе, Джозеф Коллинз и Питер Россет, написавшие книгу *«Голод в мире: 12 мифов»*, считают, что на планете производится достаточно продовольствия, чтобы обеспечить каждому человеку рацион в 3500 килокалорий в сутки. Ныне в мире производится столько продуктов, что каждый человек может получить примерно 1,7 кг пищи в день — примерно 800 г продуктов, произведенных из зерновых культур (хлеб, макароны, каша и пр.), примерно 0,5 кг фруктов и овощей и около 400 г мяса, яиц, молока. Можно сослаться на авторитет еще одного специалиста по проблеме голода — экономиста Амартья Сен, получившего в 1998 году Нобелевскую премию. Он в 1981 году опубликовал книгу *«Бедность и голод»*, в которой доказал, что в большинстве случаев голод был вызван не недостатком еды, а проблемами с распределением продовольствия.

Таким образом, Т.Мальтус был дважды неправ: как в подсчете численности населения, так и в оценке способности человечества производить продовольствие.

Но, тем не менее, факт остается фактом: миллиард людей в мире голодает и миллионы людей умирают от голодной смерти, особенно в детском возрасте. Спрашивается — почему же тогда при достаточном производстве продуктов питания смерть сегодня косит людей от голода?

Когда в первобытные времена наши предки, не знавшие еще ни земледелия, ни скотоводства, добывали себе пищу собирательством и охотой с помощью примитивных орудий труда и вынуждены были обрекать на смерть стариков и младенцев, чтобы *племя выжило*, а также поедать иноплеменников, захваченных в плен, то такое жестокое обращение с себе подобными понять можно. Законы жизни в те далекие времена были суровыми, и приходилось каждый день искать себе пищу, чтобы не умереть с голоду. Но когда в ХХІ веке в распоряжении человечества имеются мощные производительные силы, способные *каждому предоставить 3500 килокалорий в сутки*, а миллиарду людей в то же время не хватает пищи, то тут дело совсем не в беспомощности человека перед лицом Природы, а, наверное, в природе самого человеческого общества.

Передо мной — доклад ООН «Состояние продовольственной необеспеченности в мире. 2008 год». Из него можно вычитать, что, согласно расчетам ФАО (продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), минимально приемлемый уровень порога голода варьируется в зависимости от возрастного и гендерного распределения в каждой стране от 1600 до 2000 килокалорий на человека в день.

Таким образом, если исходить из расчетов вышеназванных специалистов, 3500 килокалорий, производимых в настоящее время в мире, должно вполне хватить не только для обеспечения минимального уровня потребления, но и для обеспечения нормального питания населения всего земного шара, т.е. ни о каком голоде не может быть и речи. Однако проблема существует. Каковы же причины такого парадоксального явления?

Если верить авторам упомянутого доклада, то *главной причиной увеличения числа голодающих в 2007 году по сравнению с 2003–2005 гг. является повышение цен на продовольствие*. В докладе отмечено, что «индекс реальных цен на продовольствие начал повышаться в 2002 году после четырех десятилетий преимущественно понижительных тенденций и резко возрос в 2006 и 2007 годах. К середине 2008 года реальные цены на продукты питания выросли на 64 процента по сравнению с уровнем 2002 года. Такой же значительный рост реальных цен на продукты питания уже происходил однажды в период, охваченный настоящим рядом данных, после первого нефтяного кризиса в начале 1970-х годов» (с. 9). Здесь все верно, кроме того, что кризис начала 1970-х годов назван нефтяным. В действительности тогда слились воедино несколько кризисов: финансово-валютный (произошла девальвация доллара и резко повысилась на мировом рынке цена на золото, несмотря на создание так называемого Золотого пула; закончилась эпоха господства золото-долларового стандарта и Бреттон-Вудских соглашений); произошел структурный кризис, вызванный недофинансированием в капиталоемкие отрасли производства; почти в 4 раза возросли цены на нефть после создания ОПЕК, ибо ушли в прошлое грабительские цены на этот вид углеводородного топлива; образовался дефицит в финансовой системе США из-за значительных расходов в связи с войной в Корее, приведший к отмене правила конвертации доллара в золото и наоборот. Мне не хотелось бы обвинять авторов доклада в стремлении скрывать от общественности подлинные причины тех

или иных явлений в капиталистической экономике, сваливая причины возникновения кризисных явлений на развивающиеся страны и оберегая тем самым авторитет США. Отнесем эту «неточность» к недостаточной компетенции писавших этот доклад.

Далее следует анализ конкретных причин роста цен на продовольствие, начиная с 2006 года.

Сначала рассматриваются факторы на стороне предложения.

Первым назван фактор изменения *волатильности рынка*. Он был обусловлен главным образом обесцениванием доллара США по отношению к ряду национальных валют. Вторым фактором явилось *снижение производства из-за экстремальных погодных условий в 2005–2007 гг. (засухи и наводнения)*. И, наконец, третьим фактором назван стремительный *рост цен на нефть*, что вызвало увеличение цен на удобрения и повышение транспортных издержек.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что, кроме природных факторов, все-таки главную роль сыграли факторы экономические: валютная политика США и спекулятивные операции на рынке нефти.

Далее в докладе анализируются факторы на стороне спроса.

Первым назван *спрос на биотопливо*. В производстве биотоплива в 2007–2008 гг. использовано примерно 100 миллионов тонн зерновых культур. Кроме того, для производства биотоплива используется сахар, масличные культуры и пальмовое масло. Рост производства биотоплива, разумеется, стимулировался спекулятивным повышением цен на нефть, а также политикой ограничения производства продовольствия в Европейском Союзе, США, Японии и других развитых странах, где применяется практика субсидирования сельхозпроизводителей, что дает им огромные преимущества в сравнении со слаборазвитыми странами. В Европейском Союзе даже платят за то, чтобы владельцы сельскохозяйственных угодий их не засевали. Английская королева Елизавета, кстати, миллиардерша, например, получает от государства субсидии за то, что ее земли не используются в сельскохозяйственном производстве. Производство же этанола из сельскохозяйственного сырья (главным образом в США) — это прямое преступление перед миллиардом голодающих и тремя миллиардами человек, органичивающих себя в питании.

Газета «Совершенно секретно» (06/2008, с. 15) цитирует некоего владельца пекарни американца Ричарда Рейнвальда: «Почему мы наполняем едой бензобаки наших машин вместо того, чтобы наполнять желудки? У нас, пекарей, нет никаких претензий к фермерам. Они, как и все мы, пытаются заработать на жизнь. Но мне трудно объяснить своим покупателям, что мука дорожает потому, что фермеры решают выращивать злаки на биотопливо, а не на еду; правительство посредством субсидий поощряет производство кукурузы на этанол, а не для пищевой промышленности. Площади, засеянные пшеницей, продолжают сокращаться, потому что фермеры благодаря правительственным субсидиям больше зарабатывают на биотопливе, чем на производстве продовольствия».

Конечно, удельный вес затрат на производство энергии и продовольствия в составе совокупного общественного продукта остается и в третьем тысячелетии очень высоким, как и в те времена, когда люди жили в пещерах. Однако отличие современных людей от неандертальцев и кроманьонцев состоит в том, во-первых, что количество потребляемой нами энергии в расчете на одного человека в тысячи раз превышает затраты наших предков, которые имели в своем распоряжении только свою мускульную энергию и энергию

костров. А, во-вторых, что касается продовольствия, то нет никакого сомнения, что в среднем человек сейчас питается лучше (качественнее и калорийнее), чем наши древние предки. Но пропорцию между затратами (трудовых и материальных) ресурсов на производство энергии и продовольствия тысячелетия тому назад определяли *потребности людей и их разум*, а сейчас эта пропорция формируется только *жаждой воротил бизнеса и спекулянтов заработать побольше барышей*, не обращая никакого внимания на страдания современников. Пусть умирают миллионы людей от голода только для того, чтобы ничтожная прослойка богачей могла наращивать свой капитал и жить в роскоши, выкладывая за одно блюдо в ресторане больше, чем весь заработок бедняка в какой-нибудь там Замбии или Руанде!

Однако продолжим следить за мыслью экспертов ООН. После невразумительных и путанных рассуждений о том, что в Китае и Индии стали больше производить продовольствия (что позволило этим странам сократить импорт зерновых), уже в самом конце доклада в числе «прочих» названы действительно важные факторы — *торговая политика и финансовые рынки*. Наконец-то эксперты добрались до анализа истинных причин удорожания продовольствия на мировом рынке! Что касается торговой политики, то в докладе отмечается, что «в результате введения некоторыми странами экспортных ограничений и запретов сократился объем мировых поставок, усугубился дефицит и подорвалось доверие торговых партнеров... Спекулятивное пополнение или заблаговременное создание запасов крупными импортерами с относительно прочными денежными позициями также способствовало повышению цен» (с. 11).

Любопытно и другое заключение экспертов: «Недавние потрясения на рынках традиционных активов сказались на ценах на продовольствие ввиду того, что новые типы инвесторов стали осваивать рынки производных продуктов, получаемых на основе сельскохозяйственных товаров, в надежде *добиться более высоких прибылей* (курсив мой. — В.П.), чем те, что дают традиционные активы. За последние пять лет объем общемировых торговых операций с фьючерсами и опционами возрос более чем вдвое. За первые девять месяцев 2007 года он вырос на 30 процентов по сравнению с предыдущим годом. Столь высокий уровень спекулятивной активности на рынках сельскохозяйственных товаров побудил некоторых аналитиков отнести возросший объем спекуляций к существенным, определяющим факторам стремительного роста цен на продовольствие» (с. 11).

Итак, если отбросить излишнюю словесную шелуху, то обнажаются настоящие причины роста дороговизны на продовольствие: *валютная политика США, структурные изменения в производстве сельскохозяйственных культур в пользу этанола, подкрепленные соответствующими финансовыми рычагами стимулирования в условиях насыщенности внутренних рынков развитых стран продовольственными товарами и, конечно же, спекулятивные операции в погоне за максимальной прибылью*.

Ситуация в мире с продовольствием настолько обострилась, что президент Всемирного банка Роберт Зеллик уже не мог больше скрывать правду. На созванной им пресс-конференции в мае 2008 года он вынужден был сказать следующее: «Для двух миллиардов человек высокие цены на продукты питания означают, что им ежедневно приходится прилагать огромные усилия, чтобы свести концы с концами, отказываться от самого необходимого, а для многих это вообще означает ежедневную борьбу за выживание. По нашим

оценкам, за последние два года уровень доходов приблизительно ста миллионов человек вновь упал ниже черты бедности в результате повышения цен на продовольствие. Это не стихийное бедствие, не природная катастрофа. Однако для миллионов людей это действительно настоящее бедствие».

Все сказанное господином Робертом Зелликом верно, кроме цифр. Я больше доверяю оценкам (возможно, даже заниженным) экспертов ООН. Не двум, а трем миллиардам людей приходится ежедневно еле-еле сводить концы с концами.

Причем интересна география голода и систематического недоедания. Международная исследовательская компания *Gallup* провела обследование жителей 55 стран мира. Задавался вопрос — как часто за последний год им или их семьям не хватало еды? Исследование показало, что хуже всего обстоят дела в странах Африки. На этом континенте половина населения сталкивается с этой проблемой. В первой десятке — Камерун, Нигерия, Гана. В первую десятку попали также некоторые страны Азии (Пакистан, Филиппины) и, конечно же, американских континентов (Перу, Боливия, Гватемала, Мексика). В этом списке нет ни одной страны Западной Европы. Но зато десятку самых проблемных стран замыкает Россия, в которой каждый пятый житель недоедает.

Здесь уместно сделать одно отступление. В печати для массового читателя усиленно распространяются два мифа. Первый — что в царской России, до Октябрьской революции, проблем с продовольствием не было, а Россия была настолько богатой, что экспортировала зерно. Действительно, это факт — экспорт имел место, но за счет крестьянства и многих городских жителей, которые голодали. Аналогичная ситуация была и в период усиленной индустриализации в 1930-х годах, когда СССР также экспортировал зерно, несмотря на то, что хлеб в начале этого десятилетия продавался по карточкам, а во многих районах страны люди умирали от голода в буквальном смысле этого слова. Миф номер два, что СССР существовал за счет импортируемого зерна, покупаемого благодаря высоким ценам на нефть. Правда же состоит в том, что после хрущевских реформ и в 1970-х годах СССР импортировал зерно, но не продовольственное, а фуражное для производства мяса, молока и яиц. Продовольственного зерна в СССР и при Хрущеве, и при Брежневе, вплоть до горбачевской перестройки, стране хватало с лихвой.

И, наконец, чтобы завершить тему с обследованием компании *Gallup*, следует отметить, что в странах Западной Европы 7% респондентов подтвердили, что они часто голодают. О чем это говорит? И здесь мы подходим к главной причине, приводящей к голоду на нашей планете, о чем вообще не пишут эксперты ООН в своем докладе и о чем промолчал руководитель Всемирного банка на известной пресс-конференции, где он демонстрировал журналистам то мешок с рисом, то каравай хлеба. Этой причиной является неравномерное распределение доходов между жителями планеты. Если доходы семьи, где бы она ни жила — в США, в Западной Европе, в России, в Азии, Африке, Америке, Австралии или Океании, — ниже прожиточного минимума, то люди голодают. А неравномерность распределения доходов существовала, начиная с первых дней цивилизации, когда возникла эксплуатация человека человеком. И эта истина давно всем известна. Отсюда и чисто практический вывод: чтобы покончить с голодом, надо ликвидировать общественный строй, когда одни эксплуатируют других. Надо ликвидировать частную собственность на средства производства, кроме той, которая служит собственному труду.

Но решение этой вековой проблемы, находящейся в экономической плоскости, упирается в проблему политическую. Похоже, что представители всех стран мира (хотя бы на словах) уже готовы идти по пути прогресса, кроме Соединенных Штатов Америки. Она была единственным государством в ООН, которая в декабре 2008 года на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи проголосовала против резолюции об установлении нового международного экономического порядка.

В этой довольно безобидной резолюции выражается беспокойство тем, что нынешние международные экономический, финансовый, энергетический и продовольственный кризисы, а также проблемы, обусловленные изменением климата, усугубляют сложившуюся международную обстановку и отрицательно сказываются на перспективах развивающихся стран. В документе отмечается, что это, в свою очередь, может привести к еще большему увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Резолюция призывает «продолжать работы по установлению нового международного экономического порядка, основанного на принципах справедливости, суверенного права, взаимозависимости, общей заинтересованности и сотрудничества между всеми государствами». Однако США не нужны ни справедливость, ни уважение суверенитета, ни сотрудничество между странами. Ей нужна гегемония глобального капитализма, интересы которой она защищает как долларами, так и бомбами.

Петер ШУЛЬЦЕ (Германия)

ГЕОПОЛИТИКА ЗА РАБОТОЙ: РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЙ КОНФЛИКТ*

От замороженных конфликтов к военным протекторатам

8 августа 2008 года отношения между Грузией и РФ изменились радикально. В основе этой подвижки лежала попытка Саакашвили вернуть себе поддержку соотечественников, развязав войну в Южной Осетии. Однако блицкриг не удался. Его удалось предотвратить только благодаря позиции России, которая ввела свои войска на территорию Южной Осетии и тем самым не дала конфликту разгореться.

Россия официально признала Южную Осетию и Абхазию. Это, на мой взгляд, дает повод не только к тому, чтобы рассматривать их в качестве ее протекторатов, но также свидетельствует о фундаментальном изменении подхода России к принципам международного права. Очевидно, что после вмешательства Запада в дела Косова и российской операции в Чечне Москва сделала новый шаг в этом направлении.

Конфликт в Южной Осетии показал, что политика балансирования на грани войны, использовавшаяся Саакашвили в отношениях с мятежными регионами, навсегда ушла в прошлое. Однако и Кремль не достиг в этой войне главной цели — она не привела к низвержению Саакашвили. Кроме того, после завершения «горячей» фазы конфликта стало очевидно, что Запад сделает все возможное для защиты Тбилиси от внешней угрозы.

Сегодня эксперты более всего размышляют над тем, кто оказался победителем в игре «блефов» — вовлек противника в ситуацию, когда вина за взаимную бойню возлагается исключительно на него. Учитывая, что Вашингтон прекрасно знал о подготовке Грузии и России к войне, а Москва ожидала лишь первого удара со стороны Тбилиси, получается, что вне игры были только ЕС и НАТО. И если хотя бы на

* На немецком языке данный материал опубликован в журнале Международного института либеральной политики (февраль 2009, Австрия, Вена).

минуту поверить в этот сценарий, то сразу возникает несколько озадачивающих вопросов:

1. Делился ли Вашингтон информацией о наращивании Россией своей военной группировки с Саакашвили?

2. Придерживал ли Вашингтон эту информацию, чтобы спровоцировать Саакашвили на начало военных действий, не сомневаясь при этом в неизбежности российского контрнаступления?

3. Пытался ли Вашингтон безуспешно отговорить Саакашвили от удара по Цхинвали?

4. Могли ли Вашингтон и Тбилиси недооценить решительность настроя Кремля?

5. Могли ли Буш и Саакашвили принять решение о том, чтобы вместе сыграть в опасную игру, в ходе которой, как предполагалось, Саакашвили попадет в беспроектную ситуацию, независимо от исхода конфликта?

Ответов на эти вопросы автор не находит даже по прошествии шести месяцев после окончания войны. Но при этом возникли новые вопросы: делились ли США информацией с Тбилиси, поощрял ли Вашингтон Саакашвили, пообещав военную поддержку? А может быть, американская администрация преследовала иную цель, например, предвыборную, как это предположил Путин?

С позиции Вашингтона, беспроектность ситуации для Саакашвили могла заключаться в том, что конфликт не затрагивал «спокойные» регионы Грузии, оппозиция отказалась от острой критики его действий, а западные СМИ получили возможность представить Грузию форпостом западной цивилизации в море авторитарных режимов. Кроме того, в ходе конфликта казавшийся ранее принципиально неразрешимым вопрос с Южной Осетией и Абхазией, так или иначе, получал решение, что открывало дорогу в НАТО для Грузии и Украины.

Судя по всему, администрация Буша действительно попыталась воспользоваться этим шансом, но ее усилия были заблокированы европейцами: процесс прекращения огня контролирует ЕС, а оценки СМИ, которые ранее возлагали вину за развязывание конфликта только на Россию, сильно изменились.

Очистительная сила конфликтов: международное измерение

Кремль не стремился к развязыванию конфликта, но с охотой использовал возможность продемонстрировать свое желание наказать грузинского президента за его антироссийскую политику.

При этом Кремль также намеревался обозначить перед США зону своих интересов в СНГ. Участие России в конфликте ясно показало, что в нее входит территория от Балтийского моря до района между Черным и Каспийским морями, которую автор назвал «Zwischeneuropa» («Межевропье»).

Слишком слабые экономически и раздробленные политически страны этого региона неспособны организовать взаимное сотрудничество и самостоятельно обеспечить безопасность и мир. Кроме того, две волны расширения НАТО и успешная экспансия ЕС вызвали серьезное беспокойство Москвы. В первую очередь это относится к НАТО, поскольку экономическая экспансия ЕС не вызывает в России столь резкого отторжения.

Для подтверждения своего права на самостоятельную политику Москве была необходима убедительная победа, яркий шаг в отношении какого-либо государства СНГ, даже в условиях непредсказуемости реакции Запада. Он должен был продемонстрировать этим государствам, что США им не помогут, а Россия, после многолетнего игнорирования международных проблем, опять готова отстаивать свои интересы на постсоветском пространстве.

Кавказский конфликт также вновь продемонстрировал геополитические возможности трех основных игроков — ЕС, России и США. При драматическом расхождении мотиваций и интересов поведение сторон в ходе конфликта до некоторой степени предопределили те изменения в мировой расстановке сил, которые позволяют высказать некоторые предположения относительно того, как будет функционировать многополярный мир в будущем — по крайней мере, что касается европейского измерения.

В числе этих предположений:

1. ЕС в результате конфликта добился серьезного успеха в плане укрепления своего влияния и репутации. Если учесть изначально крайне слабые позиции ЕС в этом регионе, то его роль в разрешении конфликта оказалась достаточно велика. Возможно, это было вызвано, в частности, тем обстоятельством, что Москва все еще не рассматривает ЕС как своего основного противника и сравнительно легко согласилась на его посредничество.

2. Проявив активность в ходе подготовки к конфликту, Буш и его администрация оказались почти полностью исключены из процесса его урегулирования. Отчасти это было вызвано предвыборной кампанией, но существовали и другие, более фундаментальные факторы. Во-первых, перемены на мировой арене привели к сравнительно быстрому завершению однополярного мира. Во-вторых, США пострадали от феномена «имперского перенапряжения», известного еще со времен президентства Р.Никсона. Кроме того, будучи в значительной степени ответственными за развязывание конфликта, США не смогли стать партнером в поиске путей решения проблемы.

Эта ситуация сохранится и при президентстве Обамы, поскольку изменение парадигмы произошло и в самих США: мировой финансовый кризис привел к резкому росту внутриэкономического приоритета на обозримую перспективу.

3. Возвращение России в число активных великих держав на мировой арене ограничит активность и маневренность НАТО и ЕС масштабами политической безопасности Европы. Грузия стала лишь лакмусовой бумажкой: настоящая проблема в отношениях России с Европой возникнет по вопросу о будущем Украины.

4. Российская политика в отношении «ближайшего приграничья» претерпела фундаментальное изменение: с 2004 г. Россия стремится усилить политическое и экономическое сотрудничество, а также сотрудничество в области безопасности со странами СНГ без учета западных призывов к плюрализму, демократии и верховенству закона.

5. Зона потенциальных конфликтов между Россией и ЕС простирается от Балтийского моря до Кавказа. У стран этого региона нет никаких возможностей для самостоятельного обеспечения безопасности и благосостояния граждан. Внешние источники притяжения, такие, как ЕС, Россия и США, оказывают огромное влияние на их внутреннюю политическую стабильность.

На мой взгляд, существует четыре основных сценария развития событий в регионе на ближайшую перспективу.

Во-первых, регион и находящиеся там страны могут быть расколоты и подпасть под полное влияние либо ЕС, либо России.

Во-вторых, Россия и ЕС могут прийти к некоему компромиссу в отношениях и проводить согласованную политику в отношении этих стран.

В-третьих, там может сохраниться нынешний «мрачный статус-кво», когда все стороны будут избегать активных политических шагов.

В-четвертых, вопрос может быть решен путем создания новой Европейской Структуры Безопасности, в которой Россия и ЕС, включая НАТО, создадут систему реального стратегического сотрудничества для обеспечения мира и безопасности в Европе.

Последние шаги всех сторон (Россия выполнила соглашение по Грузии из шести пунктов, ЕС вновь пригласил Москву к обсуждению нового формата и содержания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, срок действия которого истек в 2007 г., НАТО восстановила работу Совета Россия–НАТО, президент Медведев призвал к разработке нового документа о мире и безопасности в Европе) показывают, что процесс, который запустил Горбачев, стремившийся к созданию «Общеввропейского Дома», и который привел к подписанию Парижской Хартии, может быть вновь возобновлен.

Тиберио ГРАЦИАНИ (Италия)

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РЫНКОВ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В последние годы процессы раздробления («балканизации») мирового территориального пространства, а также глобализации национальных и региональных рынков взаимно способствовали поддержанию гегемонии США как ведущего игрока на мировой арене и, соответственно, тех групп давления, через которые выражается это господство. Однако сегодняшний финансово-экономический кризис «западной» системы и структурная регионализация некоторых рынков (Южная Америка, Евразия), как проявление передела планеты на крупные геополитические пространства («многополярности»), ускоряют упадок «необходимой нации» и противодействуют глобализации. Этот процесс, твердо основанный на принципе экономической взаимозависимости, в среднесрочный период может смениться процессом континентальной регионализации, тесно связанным с принципом «дополняемости».

Всемирная интеграция, территориальный раскол и экономическая взаимозависимость

Во вступлении к внушительному коллективному сборнику «Мировое пространство: расколы или взаимозависимость» его кураторы П.Даллэн и А.Нонжон [1] предлагают в качестве ключа к пониманию такого сложного феномена, как процесс всемирной интеграции и унификации [2], или глобализации (термин употребляемый в англосакской культурной зоне), геоэкономический анализ, целью которого объявляется необходимость «избежать произвола какой-либо геополитической перспективы».

Оставляя в стороне всякую полемику по поводу геополитики, звучащую в приведенной цитате, мы полагаем, что бесспорной заслугой геоэкономического анализа, исследовательским полем которого стало изучение торгово-экономических и финансовых стратегий государств,

крупных примышленных предприятий, международных организаций (например, ООН, МБР и МВФ), явилась оценка как макро-, так и микроэкономических тенденций, которые вызывают, предполагают и подкрепляют такое типично геополитическое поведение [3].

Экономические переменные величины, будучи тщательно изучены на планетарном уровне, вне всяких идеологических схем или историзма, позволяют более полно понять некоторые явления геополитической практики и лучше разглядеть возможные сценарии будущего миропорядка. Кроме того, такое исследование позволяет обнаружить вес (и стратегии) некоторых важных групп финансово-экономического давления, влияющих на принятие решений национальными правительствами и нарушающих социально-политическое равновесие целых регионов на планете в угоду своим особым интересам и правительствам, поддерживаемых ими.

Приведем только один пример: общеизвестно то влияние, которое оказали военно-промышленный комплекс США и тесно связанное с ним нефтяное лобби [4] на принятие стратегических решений, касающихся все еще продолжающейся «войны терроризму», объявленной в мировом масштабе администрацией Буша [5] после событий 11 сентября 2001 года. Как, впрочем, в качестве другого примера, всем известна и та роль, которую сыграла могущественная ONG (Oklahoma Natural Gas Company) вкупе с известным финансистом «филантропом» Джорджем Соросом, в дестабилизации обстановки в бывшей Югославии [6], в потрясениях в российском «ближнем зарубежье» (Белоруссии и Украине), в некоторых критических точках евразийского континента (Чеченской республики, Грузии, Осетии, Киргизстана, Мьянмара, Тибета и т.д.). А точнее, относительно тесной взаимосвязи между экономической политикой США и процессом глобализации Жак Сапир пишет следующее: то, что в обиходе принято называть «глобализацией», на деле является сочетанием двух процессов. Первый — это всемирное распространение капитализма в его индустриальной форме в регионах, еще им не затронутых. Второй процесс в огромной мере есть не что иное, как претворение в жизнь американской политики и означает волюнтаристскую политику финансовой и коммерческой свободы» [7].

Если рассматривать государства как крупные предприятия, можно определить мировую реальность как широкое поле действия сил, которые превращают мир в господствующие и периферийные пространства, более или менее интегрированные экономически. Такое понимание государственных единиц и их роли в пространстве и в раскладе сил, в стратегиях, направленных на приобретение торгового и технологического превосходства (двух характерных элементов современной глобализации), приводит нас к признанию того, что современный процесс глобализации переживает глубочайший кризис еще и потому, что экономическая, торговая и финансовая активность все более проявляется на региональной основе и в масштабе отдельного континента.

С точки зрения политической, то есть суверенитета, мы считаем, что торговый регионализм, иными словами, региональная интеграция на экономико-финансовой и коммерческой основе, приводимая сегод-

ня в действие такими инструментами, как межгосударственная кооперация, зона свободного обмена, таможенный союз, общий рынок, единая валюта — выражает важнейшую геополитическую силу, способную стать рычагом политического объединения любой территориальной зоны, о которой идет речь.

Такая эволюция экономических процессов в сторону регионализации и континентализма может быть истолкована в социально-экономическом плане как ответ на потрясения, вызванные в последние годы процессом глобализации, произошедшим на обширной части планеты. Процесс этот, о чем стоит напомнить, уже спровоцировал (и продолжает провоцировать) дальнейшее раздробление территориального суверенитета некоторых отдельных пространств Земного шара на исключительно хрупкие, трудно управляемые государственные образования в угоду западной системе, то есть в интересах весьма незначительной части мирового населения, если вообще не особых и малочисленных элит.

Формирование крупных, экономически самодостаточных и политически суверенных пространств, начиная от консолидации/интеграции уже существующих, таких, как Россия, Китай, Индия в Северном полушарии, Бразилия и Аргентина — в Южном, могло бы послужить элементом укрепления социальной и политической стабильности во всем мире. Другой элемент, который надо выделить особо, заключается в том, что глобализация, ведя к униформированию в мировом масштабе производства и потребления, одновременно стирает своеобразие культур разных народов и, кроме того, приводит к их ассимиляции миром западных «ценностей» в духе неокOLONиализма.

По поводу глобализации вместе с П.Далленом и А.Нонжоном, которые ссылаются на лекцию Жака Тенье [8], можно констатировать, что «региональная интеграция диалектически сочетается с ней по правилу усиление/противодействие» [9]. Речь идет об усилении механизмов глобализации, когда целые регионы включаются во всеобщий рынок, исходя из принципа экономической взаимозависимости, и о противодействии им, когда, напротив, по политическим соображениям и/или геополитической необходимости целые пространства попадают в контекст так называемой самодостаточности или взаимодополнения, устраняясь тем самым от действия процессов глобализации.

Таким образом, региональная интеграция имеет в глазах аналитиков двоякий характер.

В рамках настоящего доклада мы постараемся проанализировать, как такая особенность проявляется в двух регионах планеты: в Южной Америке и в Евразии, и как она соотносится с процессами глобализации, раздробления и интеграции геополитических пространств.

Западное полушарие: случай Южной Америки

Рассмотрим сначала случай Южной Америки и как две противоположные тенденции — усиления процесса глобализации и противодействия ему — могут взаимодействовать в борьбе за влияние на будущие геополитические сценарии целого региона.

С одной стороны, можно констатировать, что США давно уже стараются завлечь страны Центральной и Южной Америки в торгово-экономические сети типа Североатлантической зоны свободной торговли (ALENA/NAFTA-North Atlantic Free Trade Area) и Зоны свободной торговли стран Америки ALCA/FTAA-Free trade area of the Americas), а также в сферу военного сотрудничества по линии Межамериканского договора о взаимопомощи (TIAR) с очевидной целью поддержать собственную гегемонию во всем Западном полушарии, следуя традиции, которую положил еще президент Монро в 1823 году.

Создание таких сетей приведет к раздроблению территорий и ослаблению национальных суверенитетов во всей Южной Америке. Обычно раздробление и ослабление осуществляются путем деполитизации руководящих классов в странах, подвергающихся торгово-экономической интеграции, или, следуя указаниям сторонников так называемой «мягкой силы» (soft power) [10], путем прямого, а зачастую и временного кооптирования некоторых избранных представителей местных олигархий (политической, культурной, экономической) в мировые экономические и финансовые структуры, или более грубо и резко, путем политической и экономической дестабилизации в зонах интереса, используя прежде существовавшую напряженность эндогенного характера или искусственно вызывая новые конфликты.

Главное условие США и крупных компаний при осуществлении интеграции, увязанной с процессом глобализации, это «распылить» суверенные территории, раздробив их на слабые и взаимозависимые государственные единицы. Вторым же условием является принцип экономической взаимозависимости целого субконтинента, а также его тотальный контроль.

Итак, препятствовать любой возможности сплочения региональных игроков, элементарно политическим последствием чего было бы оформление некоего геополитического пространства, обладающего определенной экономической самодостаточностью, становится насущной задачей сторонников (и «контролеров») создания «свободного рынка». Таким императивом, по всей видимости, и будет руководствоваться Вашингтон в стратегии, которую он применит в будущие годы для защиты собственных приоритетных интересов в своем уже бывшем «соседнем дворе».

С другой стороны, ведется постоянная работа по налаживанию согласия и отношений между различными южноамериканскими стра-

нами, в основном между Аргентиной и Бразилией, между Венесуэлой и Боливией, между Венесуэлой и Бразилией, по созданию необходимых региональных сетей, позволяющих освободить целый субконтинент от экономической и военной опеки со стороны Соединенных Штатов. Для некоторых южноамериканских аналитиков и политиков, в числе которых бразильцы Самюэль Пинхейро Гуимараш [11] и Луис Мониц Бандейра [12], а также аргентинцы Альберто Буэла и Феликс Пена, такая форма региональной интеграции, как **Южноамериканский общий рынок (Mercosur), Боливарианская Альтернатива для Америки (ALBA), Андская группа** и др., называемые сторонниками неолиберализма «региональными блоками», чтобы подчеркнуть их негативную роль по отношению к процессам глобализации [13], могла бы стать отправной точкой в создании валютного и геополитического объединения целого американского субконтинента. В этой связи вспомним, что с октября 2008 года Бразилия и Аргентина перейдут в своих взаиморасчетах на единую местную валюту (SML), которая должна заменить американский доллар. Принятие SML — первый шаг по пути валютной интеграции целого Южно-Американского региона.

На смену принципу экономической взаимозависимости — основному элементу процесса глобализации — приходит, таким образом, принцип дополнительности. Напряжение, порожденное противоречием между созданием южного экономически (и правильно) объединенного пространства и понятным сопротивлением США, по всей видимости, будет определять геополитическое будущее всего Западного полушария.

Заметим, что американские аналитики, такие, как, например, Роберт А. Пастор, прекрасно сознавая закат своей страны, считают, что для преодоления сегодняшней критической ситуации Вашингтон должен проявить «континентальный подход» в отношении Северо-Американского Сообщества, которое должно, по их мнению, включить Канаду, США и Мексику [14].

Восточное полушарие: случай Евразии

Что касается Евразии, вопрос представляется несколько более сложным. Здесь вступают в силу некоторые важные факторы геостратегического порядка, которые обуславливают, со времен Советского Союза, геополитическую и геоэкономическую стратегию США и некоторых лоббистских групп, заинтересованных в огромных ресурсах евразийской территории. Коротко перечислим, что вынужден делать Вашингтон исходя из своих геостратегических интересов:

— сохранять присутствие в западной части Евразии (в Европе, как таковой), являющейся плацдармом для контроля за Россией и Ближним Востоком;

— вызывать нестабильность в некоторых азиатских регионах, главным образом, на Кавказе и в зоне Гималайской дуги, с целью повлиять на позицию Москвы и Нью-Дели, а также довести до завершения «Проект Великого Ближнего Востока»;

— попытаться раздробить территорию КНР как минимум на 4 региона: Тибет, провинцию Хинджанг, Внутреннюю Монголию и Централь-но-Восточный Китай;

— и, наконец, опекать Японию (восточную часть Евразийской земли), как плацдарм, зеркально расположенный по отношению к Европе, для контроля за Россией и Китаем, двумя легкими Евразии.

В средней и долгосрочной перспективе сохранять такое положение представляется невыполнимым для Вашингтона. Предпринимая широкий набор мер, направленных на поддержку экспансионизма, ему следует учитывать финансово-экономический кризис, изнутри поразивший сегодня страну. Кроме того, бывшая супердержава должна осознать созревание многополярной системы, основанной на крупных континентальных пространствах, расположенных как на Севере, так и на Юге планеты, и хотя это очень дифференцированное пространство, с политической, экономической точки зрения, а также с учетом задач коллективной безопасности оно очень сплоченное. В Северном полушарии оно представлено российско-китайско-индийскими соглашениями, а в Южном — по многим аспектам оно является еще более однородным и построено на новых взаимоотношениях между Аргентиной и Бразилией.

В недавнем прошлом, по мнению Жака Сапира, «центральным моментом в стратегии гегемонии США после 1991 года было сочетание политики ослабления России, чтобы в мировом масштабе она никогда уже не смогла стать опять таким конкурентом, каким был СССР, с вовлечением этой страны в лоно интересов американской политики. Политический выигрыш от такого ослабления был очевиден. Что же касается интеграции, с ее помощью предполагалось предотвратить любой возможный альянс России и Китая, с риском для Соединенных Штатов стать свидетелем соединения технической мощи в военной области первой державы с предсказуемым экономическим динамизмом второй» [15].

Ограниченный, с одной стороны, императивами геостратегического порядка, как тяжелого наследия своего «однополярного момента» [16], а с другой — насущными задачами, диктуемыми процессом глобализации рынков, Вашингтон должен глубоко пересмотреть свою роль всемирной державы. Недавно Кондолиза Райс в своей статье, опубликованной в журнале *Foreign Affairs*, являющемся органом Совета по Международным отношениям и посвященном международным исследованиям, казалось, недвусмысленно признала сегодняшнюю слабость Вашингтона, реалистически заметив (несмотря на «миссионер-

скую» и «цивилизаторскую» риторику, сквозившую в ее публикации), что США должны иметь «постоянных союзников» [17].

Что касается Европы, североамериканская держава, с согласия своего особого партнера, Великобритании, за короткий срок сумела заставить встать на свои позиции не только правительства ее восточной части (стран Балтии, Украины, Польши, Словакии, Чешской республики, Венгрии и Румынии), то есть Новую Европу, по выражению бывшего министра обороны США Рамсфилда, а главное, Францию и Германию. Европейский Союз, контролируемый тандемами «атлантистов-модернизаторов» Меркель–Штейнмайер, Саркози–Кушнер, Браун–Миллибанд, на деле является уже не «европейским», а «атлантическим». Такая Европа, созданная в канцеляриях Лондона, Парижа, Берлина и Вашингтона, далека от того, чтобы усиливать политическую унитарность своего пространства, но, кажется, более склонна к размежеванию по трем основным линиям раскола: континентальная Европа (Германия и Франция), Новая Европа (Восточная Европа) и Средиземноморский союз.

Что касается процессов глобализации, средиземноморско-европейская интеграция атлантистов Саркози и Меркель, вместо того чтобы создать средиземноморский «региональный блок» [18], ставит своей целью деполитизировать правящие классы арабских стран, включив их в мировые механизмы рынка и финансов, повысив тем самым уровень взаимозависимости этих стран с мировой экономикой, а главное, помешав Турции Эрдогана, заинтересованной в интенсификации отношений с Москвой и Тегераном [19], стать важной и автономной фигурой, принимающей решения в Средиземноморье и на Ближнем Востоке [20].

Эта новая «трехчастная» (а значит, еще более слабая) Европа является элементом сегодняшнего трансатлантического стратегического расклада Соединенных Штатов, предусматривающего уменьшение ущерба, причиненного администрацией Буша Средиземноморскому региону, исходящего из необходимости укреплять отношения с Европой как «политическим партнером», но в то же время не допускающего и малейшего риска того, чтобы этот партнер стал хоть сколько-нибудь, пусть даже потенциально, независимым. Европа, не совсем трансатлантическая, и впрямь могла бы пересмотреть собственную роль в духе отказа от «западного» американоцентричного контекста, сближения с Россией и интенсификации взаимоотношений с Китаем и Индией — на основании принципа дополнительности, а не экономической взаимозависимости, в Западном же полушарии — со странами **Южно-Американского общего рынка (Mercosur)**.

В «кризисных зонах» (Закавказье, Средний и Ближний Восток, Гималайская Дуга), процессы глобализации происходят с применением хорошо отлаженной стратегии дестабилизации, направленной на

дальнейшее ослабление в политической и социальной сферах (Афганистан, Ирак, Пакистан, Мьянмар), а также «исключительных» кредитов, выдаваемых тем организациям и/или государственным образованиям, которые намерены встать на путь строительства демократического общества [21] и, значит, принять правила свободного рынка (как в случае с Грузией, Азербайджаном и Узбекистаном).

На пространстве Индокитая процесс глобализации, по всей видимости, протекает не в соответствии с макроэкономическими и финансовыми прогнозами. Экономические курсы, выбранные правительствами Пекина и Нью-Дели, хотя и различны, но на деле исходят из перспективы создания в ближайшие годы интегрированной системы экономик двух азиатских колоссов, начиная с китайских инвестиций в развитие индийской инфраструктуры и поддержки, оказываемой Индией китайскому сектору услуг и информации, нуждающемуся в информационных технологиях для дальнейшего развития национальной экономики.

По сути, речь явно идет об оформлении настоящего «регионального блока». Обе страны предполагают в ближайшие два-три года довести свой торговый оборот до 50 млрд. долларов. Следует также учитывать, что потребности в энергетических ресурсах двух азиатских стран, Китая и Индии — потребляемая ими нефть соответственно на 70% и на 40% является импортной, — заставляет их правительства следовать евразийскому курсу, то есть заключая прочные экономические соглашения с Россией и Ираном (дополнительными партнерами) и «южно-американскими» партнерами (соглашения с Бразилией и Венесуэлой), всеми теми, кого Вашингтон не очень-то любит. Недавний спор (июль 2008 года) между США, Китаем и Индией, произошедший в ходе переговоров по всемирной торговле по сельскохозяйственной продукции, вписывается в этот более общий контекст. В том же контексте можно рассматривать и совещание большой пятерки (Бразилии, Индии, Китая, Мексики и Южной Америки), состоявшееся в Саппоро параллельно с саммитом G8 (Хоккайдо, 7–9 июля 2008 года).

Индо-китайские соглашения могли бы способствовать новым взаимоотношениям между Пекином и Токио. Два исторических антагониста в контексте экономической коммерческой интеграции всего Восточно-Азиатского региона могли бы найти общие политические точки в деле построения многополярной системы. И в этом случае можно было бы перейти от принципа экономической взаимозависимости к принципу дополнительности. Если бы это произошло, упадок США как мировой державы мог бы стать неизбежным и быстрым. При такой потенциальной угрозе США, особенно в момент финансово-экономического кризиса и роста Китая и Индии, имеют возможность глубоко пересмотреть свою позицию, в том числе и в отношении Японии, так же, как и свою трансатлантическую политику в отношении Европы

как по очевидным стратегическим причинам, так и в интересах экономической экспансии.

Бжезинский, рассматривая новые мировые политические реалии, весьма явно указывающие на закат «Запада», считает, что «Европейское Сообщество (должно) продемонстрировать свою открытость к большему участию со стороны неевропейских стран» [22]. Бывший советник Картера отводит некоторую роль Японии (а также Южной Корее) в рамках НАТО, с целью привязать еще больше Токио к национальным интересам США.

Заключение

Как было кратко указано выше, такое явление как регионализация рынков в двух полушариях планеты, до недавнего времени тесно связанное с процессом глобализации, а главное, органически вытекающее из геополитических доктрин мирового господства, которыми руководствуются США в последние десятилетия, кажется все более эволюционирует в сторону крупных континентальных образований и способствует в среднесрочной перспективе геополитической интеграции обширных самодостаточных пространств. Принцип глобализации и приверженности всемирной экономической взаимозависимости на планетарном уровне сменяется принципом дополнительности, как новой основы для сплочения на континентальном уровне различных экономик при уважении специфики и культурных традиций народов мира.

XXI век в масштабах экономики всей планеты будет отмечен противоречием, которое возникнет между глобализацией и процессами, направленными на создание экономически дополняющих друг друга континентальных пространств.

1. Pierre Dallenne, Alain Nonjon (a cura di), *L'espace mondial: fractures ou interdépendence? Un panorama géoéconomique*, in *L'espace mondial: fractures ou interdépendances?*, Ellipses, Paris 2005, pp. 11–23.

2. Ayméric Chaupadre, François Thual, *Dictionnaire de géopolitique*, Ellipses, Paris 1999, pp. 551–555.

3. *Sui rapporti tra geopolitica e geoeconomia*, rimandiamo a Pascal Lorot (a cura di), *Introduction à la géoéconomie*, Economica, Paris 1999.

4. Franco Cardini, *Astrea e i Titani. Le lobbies americane alla conquista del mondo*, Editori Laterza, Roma–Bari 2003. Sul ruolo delle lobby, si veda anche John J. Mearsheimer, Stephen M. Walt, *La Israel lobby e la politica estera americana*, Mondadori, Milano 2007.

5. В этой особой связи напомним, что ремилитаризация политики Соединенных Штатов началась во время двухлетнего кризиса 1997–1998 годов. В 1997 году образован «мозговой центр» PNAC (The Project for the New American Century). Члены этой организации, включающей таких влиятельных лиц, как Дональд Рамсфилд, посылают 26 января 1998 года письмо тогдашнему президенту Клинтону о необходимости проведения военных акций против Ирака, доклад Рамсфилда относительно угрозы

нападения на США с применением баллистических ракет датируется июлем 1998 года (<http://www.fas.org/irp/threat/missile/rumsfeld/toc.htm>).

6. *И.Бамай*. Геополитическое будущее Сербии // Yves Bataille, Il futuro geopolitico della Serbia, in Y. Bataille, A. De Rienzo, S. Vernole, La lotta per il Kosovo, Edizioni all'insegna del Veltro, Parma 2007. *И.Бамай*, «Оранжевая революция» на Украине, происки США в Евразии и Banana Chiquita». Y. Bataille, «Rivoluzione arancione» in Ucraina, tentativi USA in Eurasia e Banana Chiquita, www.eurasia-rivista.org, 25 января 2005 года.

7. Jacques Sapir, Le nouveau XXI siècle, Paris, 2008, p. 63–64.

8. Jacques Ténier, Intégrations régionales et mondialisation. Complémentarité ou contradiction, La Documentation française, Paris, 2003.

9. Pierre Dallenne, Alain Nonjon, op. cit., p. 12.

10. Joseph Nye, Soft Power, Einaudi, Torino, 2005.

11. Самюэль Пинхейро Гумараш, «Вызов южноамериканской интеграции» Samuel Pinheiro Guimarães Le sfide dell'integrazione sudamericana, www.eurasia-rivista.org, 8 июля 2008.

12. Луис Мониц Бандейра (интервью). Южноамериканский общий рынок (Unasur): эффективная система по преодолению подчиненного положения Южной Америки. Luiz Moniz Bandeira (intervista a), Unasur: un sistema efficace per evitare la subordinazione dell'America del Sud, www.eurasia-rivista.org, 28 мая 2008.

13. Процесс интеграции Латинской Америки поддерживается Китаем и Россией, которые, являясь «дальними друзьями», воспринимаются правительствами Каракаса, Буэнос-Айреса и Бразилии как более надежные, нежели их североамериканские соседи.

14. Robert A. Pastor, The Future of North America, Replacing a Bad Neighbor Policy, Foreign Affairs, July-August 2008, vol. 87, n. 4, p. 84–98.

15. Jacques Sapir, Le nouveau XXI siècle, Paris, 2008, p. 113.

16. Richard Hass, The Age on Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance, Foreign Affairs, vol. 87, n. 3, May-June 2008, pp. 44–56.

17. Condoleezza Rice, Rethinking the National Interest. American Realism for a New World, Foreign Affairs, July-August 2008, vol. 87, n. 4, p. 7.

18. В этой связи интересно почитать, что пишет контр-адмирал Жан Дюфурк, возглавляющий сегодня Бюро Исследований при Военном Колледже НАТО в Риме, в статье «За евро-магрибскую солидарность» Pour une solidarité stratégique euro-maghrébine, Géoeconomique, n. 42, лето 2007, Choiseul, Paris 2007. Автор хотя и считает, что «региональный фактор есть достояние планеты, которое следует оберегать во имя ее генетического разнообразия» (стр. 74), полагает, однако, что общему будущему (общности судьбы и евро-магрибским интересам) должно благоприятствовать «появление формулы мирской толерантности»: иными словами, подчеркивается ведущая роль западной культуры по отношению к арабо-исламской и исламской культурам.

19. Альдо Брaccio. Россия и Турция, растет сотрудничество. Aldo Braccio, Russia e Turchia: aumenta la collaborazione; и того же автора, Турция и Иран, лаборатория союза против сценариев войны. Turchia e Iran: un laboratorio per l'intesa contro gli scenari di guerra, соответственно на сайте www.eurasia-rivista.org, 5 июня 2008 — 24 июля 2008.

20. Недавний кризис в Грузии вновь привлек внимание обозревателей к важности Дарданелл. См. Фабио Мини. Боевые испытания за пределами Дарданелл. Fabio Mini, Prove di battaglia oltre lo stretto dei Dardanelli, La Repubblica, 27 августа 2008, с. 2.

21. Francis Fukuyama, State Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century, Profile Books Ltd, Great Britain 2005.

22. Zbigniew Brzezinski, L'ultima chance, Salerno editrice, Roma 2008, p. 150.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Дэвид ХОЛЛОУЭЙ (США)

КАКИМ ВИДИТСЯ МИР, СВОБОДНЫЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В одном из сентябрьских интервью Барак Обама заявил: «Став президентом, я утвержу в политике новое направление в отношении ядерных вооружений и покажу всему миру, что Америка привержена имеющемуся обязательству, налагаемому на нее Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), делом способствовать полной ликвидации всех ядерных вооружений».

С недавних пор произошел важный сдвиг в американских обсуждениях по поводу ядерной политики, выразившийся в отходе от исключительного акцента на то, чтобы помешать другим государствам обрести ядерное оружие, и сосредоточенности на создании нового ядерного порядка, в котором все ядерные державы станут продвигаться к ликвидации этих вооружений. Ядерное разоружение стало основой политических обсуждений, наряду с ядерным нераспространением.

Выступающие за ликвидацию ядерных вооружений утверждают, что ядерное нераспространение должно сопровождаться ядерным разоружением. Ядерный порядок, основанный на дискриминации: некоторые страны обладают ядерным оружием, а другим отказывается в праве иметь его, — в долгосрочной перспективе окажется неработоспособным. Он утратит приемлемость и разумность даже в глазах тех государств, которые вообще не желают иметь ядерное оружие. Возможно, они проявят меньше готовности поддерживать и укреплять дискриминационный ядерный режим, нежели режим, в котором ядерные вооружения запрещены в целом.

Как раз это и предусматривает ДНЯО: мир, свободный от ядерного оружия. Государства, не имеющие ядерного оружия, дали обязательство не приобретать ядерных вооружений, тогда как государства, обладающие ядерным оружием, дали обязательство деятельно способствовать ядерному разоружению.

Откуда взялся этот сдвиг?

В октябре 2006 года Институт Гувера при Стэнфордском университете провел конференцию в ознаменование 20-й годовщины встречи Рональда Рейгана и Михаила Горбачева в Рейкьявике. Основными организаторами стали Джордж Шульц, который принимал участие в рейкьявикской встрече в качестве государственного секретаря Рейгана, и Сидни Дрелл, стэнфордский физик, давно занимающийся вопросами национальной безопасности и контроля над вооружениями. Цель конференции состояла в том, чтобы вновь вдохнуть жизнь в представления Рейгана–Горбачева о мире, свободном от ядерного оружия.

На конференции 2006 года царил мрачный дух в отношении ядерной обстановки в мире: за несколько дней до ее открытия в Северной Корее произошло испытание ядерного устройства. Режим нераспространения, казалось, трещал по швам, и было такое ощущение, что необходимы какие-то радикальные меры, что статус-кво смещается к плохому исходу.

Важнейшим итогом конференции стала статья в «Уолл-стрит джорнэл» от 4 января 2007 года, призывавшая к миру, свободному от ядерного оружия. Подписи под статьей поставили Джордж Шульц и Уильям Пери (министр обороны в администрации Клинтона), бывшие участниками конференции, а также Генри Киссинджер (бывший государственный секретарь) и сенатор Сэм Нанн (бывший председатель Комитета Сената США по вооруженным силам). Группа оказалась двухпартийной: два республиканца и два демократа.

Статья Шульца со товарищи (их называли «Квартет») вызвала громадный интерес в Соединенных Штатах и за их пределами. Ее авторы были поражены и признательны за отклики, которые в подавляющем большинстве оказались благоприятными (если судить по полученным письмам и редакционным статьям в газетах). Статья затронула глубоко укоренившееся беспокойство по поводу того, каким образом налаживается ядерный порядок.

«Квартет» призвал к ряду шагов для того, чтобы заложить основу мира, свободного от ядерного оружия: дальнейшее сокращение ядерных сил; лишение стратегических ядерных сил США и России системы предварительного оповещения; уничтожение ядерных вооружений малого радиуса действия, предназначенных для передового базирования; ратификация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний; обеспечение высокого уровня безопасности всех запасов ядерных вооружений и расщепляющихся материалов; интернационализация ядерного топливного цикла; прекращение производства расщепляющихся материалов, а также удвоение усилий по разрешению

региональных конфликтов, которые побуждают новые государства к приобретению ядерного оружия.

Предложения эти были, разумеется, не новы. Новым же было то, что выдвигали их такие искушенные люди, отнюдь не числившиеся среди приверженцев утопического мышления. И все же выдающиеся люди выступают с множеством обращений, которые не дают никакого результата, и многие другие призывали к ликвидации ядерного оружия, оставаясь безо всякого внимания со стороны общественности. Потребовалось некоторое сочетание личностей и насущного момента, которое дало результат: ядерное разоружение вышло на центральное место в политической повестке дня.

В октябре 2007 года состоялась вторая конференция, и вновь ее итогом стала статья в «Уолл-стрит джорнэл» (15 января 2008 г.) все той же четверки. В статье перечислен ряд шагов, которые можно было бы предпринять, чтобы указать нам направление к миру, свободному от ядерного оружия. В прошлогоднем сентябрьском интервью Обама говорил, что поддерживает не только цель ядерного разоружения, но также и конкретные шаги, предложенные Шульцем и его коллегами.

Уроки прошлого

Призыв к ликвидации ядерного оружия звучит не впервые. Сразу по окончании Второй мировой войны под эгидой Объединенных Наций велись безуспешные переговоры по установлению международного контроля за атомной энергией. Из того опыта следует извлечь два общих урока.

Во-первых, политический контекст имеет решающее значение в мышлении о ядерном разоружении. Основой согласия на международный контроль в 1946 году должно было бы стать общее понимание того, как мог и должен бы развиваться послевоенный мир, однако никакого такого общего понимания не существовало.

И в наши дни тоже необходима некоторая степень общего понимания (в первую очередь среди ядерных держав) того, каким образом предстоит развиваться миру, дабы происходило продвижение к миру без ядерного оружия. Ядерное разоружение — это основательное политическое предприятие, достичь его трудно, если нет у нас понятия о мире и о том, как ему развиваться, чтобы все мы уживались с этим.

Второй и связанный с первым урок состоит в сущностной необходимости того, чтобы ядерные державы, равно как и другие крупные державы (в особенности Германия и Япония) прочувствовали, что любая программа ядерного разоружения — это их программа. Этого не произошло в 1946 году, когда Соединенные Штаты представили план Баруха на основе «хотите берите — хотите нет».

Нынешние сложности

Инициатива, предпринятая Шульцем и его коллегами, проистекает из понимания того, что международная система не в силах совладать с ядерными опасностями в том виде, в каком они проявляются сегодня, и самое главное — с опасностью распространения, когда ядерное оружие может оказаться в распоряжении безответственных государств «изгоев» и террористских группировок. В настоящее время сдерживание не является столь же действенной стратегией для подхода к ядерным угрозам, какой, как представляется, оно было во времена «холодной войны».

В данной мере «Квартет» принимает ключевое положение доктрины Буша: сдерживание не дает результата в борьбе с новыми ядерными угрозами («государства-изгои» и террористы). Однако четверка отвергает другое ключевое положение доктрины Буша — о том, что с новыми угрозами поможет справиться превентивная сила. Шульц со товарищи в центр всех усилий по созданию нового ядерного порядка ставят дипломатию и разоружение.

Шульц и его коллеги не утверждают, будто им известно, как достичь мира без ядерного оружия, однако не вызывает сомнений, что для достижения такого мира потребуются:

- 1) сокращение ядерных вооружений до нуля;
- 2) контролируемый и гарантированный доступ к ядерному топливу;
- 3) непрерывная международная деятельность по предотвращению нового распространения.

Эти предложенные «Квартетом» шаги не приведут нас к такому миру, однако они направят нас по пути к нему.

Соединенные Штаты и Россия

Соединенные Штаты и Россия обладают 90% ядерных вооружений в мире. Тем самым сотрудничество между ними существенно важно, если мир намерен продвигаться к уничтожению ядерного оружия. Только в том случае, если эти две страны сумеют согласиться с представлением о совместном будущем, появится возможность сделать первые шаги по пути к ликвидации ядерных вооружений.

Между тем отношения между двумя этими странами переживают не лучшие времена, есть признаки, что мы находимся на грани гонки ядерных вооружений. Американо-российские отношения, следовательно, необходимо поставить на новую основу. Такая цель, как ядерное разоружение, могла бы составить основу для диалога по вопросам безопасности, задать рамки для решения некоторых важнейших проблем, которые в настоящее время разделяют эти две страны: оборона средствами баллистических ракет и расширение НАТО, например.

Предложения, выдвинутые «Квартетом», — это не генеральный план по типу плана Баруха, а приглашение к диалогу по вопросам огромной значимости.

Реален ли мир без ядерного оружия?

Ответа на этот вопрос я не знаю, хотя и надеюсь, что ответ этот — «да». Шаги на пути к такому миру сами по себе могли бы обрести большую значимость, даже если окончательная цель и не достигалась. Ведь цель крайне важна в качестве представления, которым руководствуешься, как пишет Макс Вебер в своем очерке «Политика как профессия».

Политика — это решительное и неспешное бурение твердых пластов. Она требует и энтузиазма, и видения перспективы. Несомненно, весь исторический опыт подтверждает ту истину, что человек не достигал бы возможного, если бы снова и снова не замахивался на невозможное.

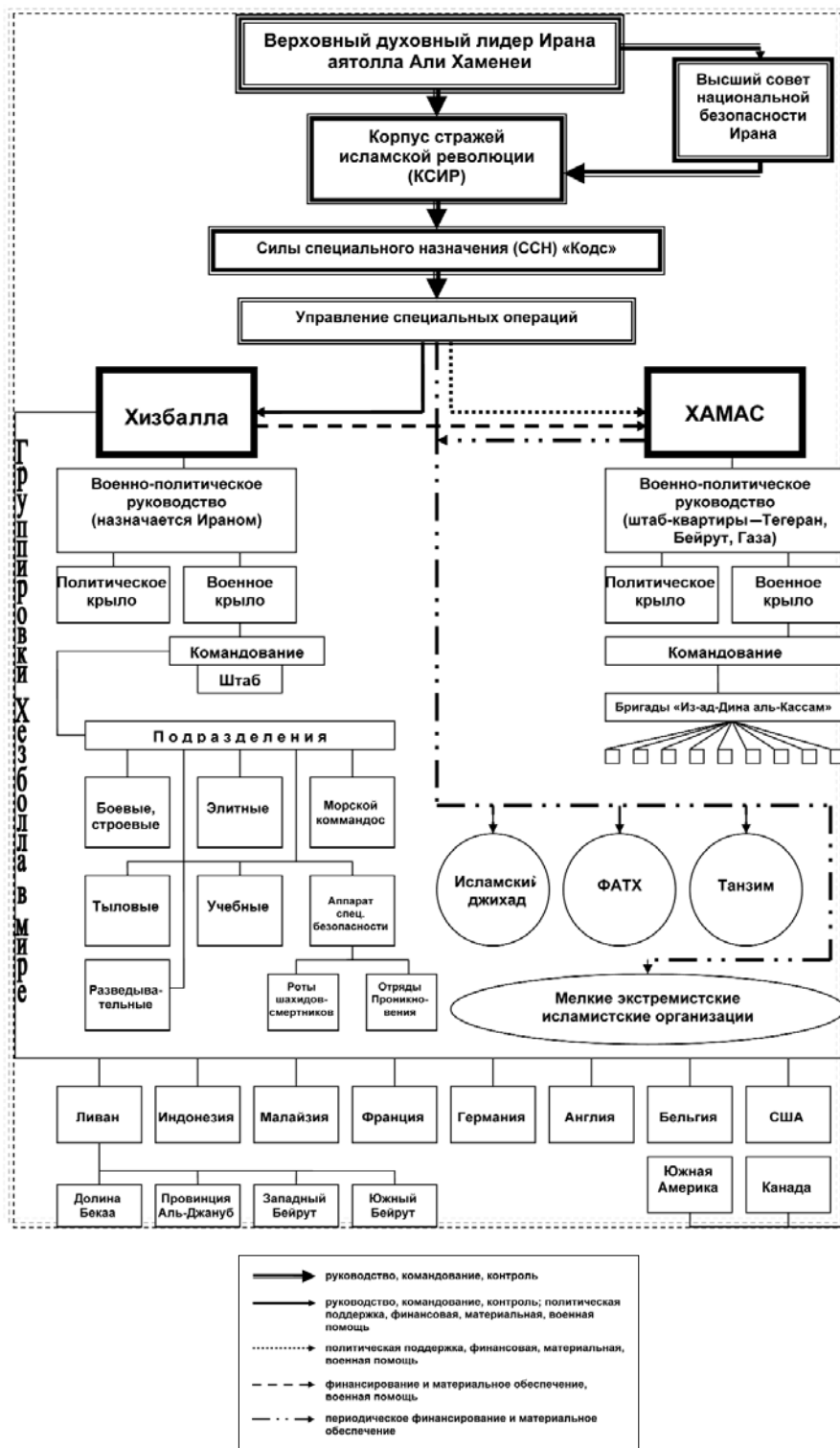
Вячеслав КАНТОР

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Ни одна газета в сегодняшнем мире не выходит без статей, в которых говорится о глобальном финансовом и экономическом кризисе. И это отчасти затеняет угрозы других, не менее опасных кризисов. Между тем, развитие ядерной программы Ирана и стремительное приближение этой страны к овладению ядерным оружием означает воен-но-политический кризис, размах которого способен превзойти все то, что испытало человечество с момента окончания Второй мировой войны. Внимания ему обычно уделяют значительно меньше, особенно в Европе. То, что происходит вдалеке от европейского порога, не слишком волнует европейцев, уверенных, что их это не слишком касается. Оба этих кризиса, разных по природе, но протекающих параллельно, стимулировали третий — кризис толерантности в Европе. Поскольку взрыв ксенофобии, расизма и экстремистского насилия на улицах европейских городов — прямое следствие происходящего отнюдь не только в экономике.

Повторение в начале XXI века политической схемы, успешно реализованной в начале века XX — с другими участниками, но схожими целями, — реальность наших дней. Благодушное отношение к экспансионистским планам лидеров Третьего рейха дорого обошлось миру. Не замечать очевидного сходства с прошлым трудно: экспансионизм — стержень политики сегодняшнего Ирана. Используя ситуацию экономического кризиса 30-х годов прошлого века, нацистский режим вербовал союзников и сателлитов, а идеология национал-социализма готовила обоснование блицкрига, мировой войны и Холокоста.

Используя сложившуюся ситуацию, руководство Исламской республики Иран вербует союзников и идеологически готовит мировое общественное мнение к ядерной катастрофе. Этим занимается иранская террористическая сеть, центральное место в которой занимают ливанская «Хизбалла» и палестинский ХАМАС (см. схему). Схема

такого рода позволяет вести операции против любого противника, не вызывая огонь на себя, и до поры вести «войну по доверенности», готовя нанесение удара на уничтожение — цель, не раз упомянутая иранскими лидерами по отношению к Израилю.

Что крайне настораживает, Иран активно готовился к возможному оправданию любым своим будущим действиям, поддерживая превращение «антирасистской» конференции ООН в Женеве, что и продемонстрировала речь президента Ирана, в очередной антиизраильский форум, каким в свое время стала конференция «Дурбан I». Напомним, что в 2001 г. «антирасистская» конференция ООН в южноафриканском Дурбане сосредоточилась практически исключительно на Израиле, приняла ряд резолюций, приравнивающих сионизм к расизму, назвала Израиль «государством апартеида» и вызвала международный скандал мирового масштаба.

«Столпы» мировой политики — США, ЕС и Россия — признают право Израиля на противодействие ядерному терроризму, но оставляют его принимать жизненно важные для него решения на свой страх и риск. Фактически в одиночку Израиль должен решать задачу, имеющую общечеловеческое значение. Именно так в конце 30-х годов прошлого века победившая в Мюнхене политика невмешательства оставила в одиночестве Чехословакию и вместо «мира на поколения» спровоцировала самую кровопролитную и разрушительную в истории войну. В начале нового века конференция «Дурбан I» стала идеологической платформой «Интифады Аль-Акса» и терактов «Одиннадцатого сентября». Что последует за «Дурбан II»? И что произойдет, если Израиль будет оставлен в положении жертвы, призванной умиротворить аппетиты нового агрессора?

Чем дальше уходит по пути развития своей ядерной программы Иран, тем громче голоса о том, что интересы мировой экономики заставляют сотрудничать с ним любой ценой. Точно такая же «экономическая целесообразность» подстегивала 70 лет назад СССР и США, которые, конкурируя друг с другом, сотрудничали с растущей экономикой нацистской Германии — и это оказалось не «политической мудростью» и «зрелостью в принятии решений», но главной ошибкой XX века. Ошибкой, которую сегодня, в аналогичной ситуации, мир вполне готов повторить.

И если эта идеология не найдет отпора, как не нашла в свое время отпора идеология национал-социализма, то новая угроза ударит далеко не только по Израилю.

В конечном счете, государство Израиль, создание которого стало итогом трагедии Холокоста, встав перед угрозой Холокоста ядерного, сумеет защитить себя в случае необходимости. Но стоит предупредить руководство шести тысяч европейских и американских компаний, активно сотрудничающих с Ираном, что в каждом долларе, который

они дают заработать иранскому руководству, есть немалая доля, которая будет использована для финансирования сети, готовящей почву для нанесения ядерного удара — не только по Израилю, но по всему современному миропорядку.

Цена вопроса — не просто возможность повторения геополитических ошибок прошлого в еще больших масштабах, но выживание человечества. Проблема не в самом «Дурбане II»: происшедшее на этой конференции — лишь симптом болезни. И проблема не в одной лишь иранской ядерной программе, и даже не в одной угрозе столкновения Ирана с Израилем, провоцируемой руководством ИРИ, какие бы масштабы оно ни приняло. Иранская ядерная бомба фактически кладет конец режиму нераспространения и порождает цепную реакцию, следствием которой станет появление ядерного оружия у значительного числа стран, как на Ближнем Востоке, так и далеко за его пределами. Причем это в равной мере касается «пороговых государств» с устойчивыми политическими системами и состоятельными амбициозных мировых игроков, рвущихся в «первую лигу». Немалая часть тех, кто вслед за Ираном будет стремиться к овладению ядерным оружием, находится в неустойчивом состоянии, балансируя на грани радикализации правящих режимов, чреватой ослаблением, а в некотором случае — распадом институтов власти. Что резко снижает порог возможности применения ядерного оружия в ближайшем будущем.

Каковы пределы толерантности в межгосударственных отношениях? До какой поры конференции ООН, посвященные благородной цели борьбы с расизмом, ксенофобией, национальной и религиозной рознью, будут играть роль детонатора, разжигающего взаимную ненависть и платформы для безответственных действий идеологических экстремистов? Что будет противопоставлено — и будет ли что-то противопоставлено — распространению ксенофобии, расизма, антисемитизма, помимо деятельности комиссии ООН, все больше напоминающей тушение пожара бензином?

Подобно тому, как кризис в экономике заставил даже самых консервативных мировых игроков признать необходимость экстренных мер по координации межгосударственных усилий, меняя всю архитектуру мировой экономической системы, кризис системы нераспространения, спровоцированный действиями руководства Ирана, требует создания своей «системы быстрого реагирования». Ее основой может стать рабочая группа на высшем уровне, на первом этапе — с участием руководства США и России, с последующим присоединением Евросоюза, для противодействия ядерному терроризму.

Коль скоро 2009 год объявлен ООН «Годом Взаимоуважения», реализация этого лозунга на практическом уровне позволяет развернуть программы толерантности в США, России и ЕС с последующим присоединением других стран. И важнейшая из этих программ должна быть

связана с определением пределов терпимости государства и гражданского общества к проявлениям расизма, ксенофобии, антисемитизма и экстремизма, закрепив его в декларации упомянутой выше рабочей группы, с последующим принятием соответствующей резолюции Организацией Объединенных Наций.

Пора прекратить, маскируя разрушительные цели и намерения красивыми фразами, противопоставлять один народ другому, в какой бы части мира эти народы ни находились — в Европе, США, России или на Ближнем Востоке. Последовательное следование этому курсу, в конечном счете, приведет к таким изменениям в руководстве стран и движений, провоцирующих столкновения с соседями, которые сделают возможным мирный выход из наметившихся и начавшихся кризисов, сегодня разрешаемых с применением силы.

К подобной программе могут скептически относиться те, кто, как и 70 лет назад, уверен, что их лично происходящее не касается, не понимая, что завтра война придет в их собственные дома. Но, уважая право всех на собственное мнение, не стоит забывать, что в случае, когда альтернативой является не просто глобальная катастрофа, но целая цепь таких катастроф, бдительность — это не то, чем стоит пренебрегать.

Шамиль СУЛТАНОВ

ПЯТЬ СЦЕНАРИЕВ ДИНАМИКИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ СИТУАЦИИ

Как известно, сценарный подход является необходимым компонентом внешнеполитического стратегического планирования. Сценарное мышление дает возможность достаточно эффективно контролировать несколько десятков основных факторов, влияющих на развитие кризисов и конфликтов. Обычно человек способен одновременно оперировать только 5–7 факторами. Кроме того, система сценариев позволяет существенно улучшить отбор и анализ событийных рядов. Наконец, наличие соответствующих сценариев — необходимая предпосылка развития стратегического мышления, использования рефлексивных стратегий, игровых моделей и т.д. в динамических конфликтных зонах, как, например, Ближний Восток.

В XXI веке Большой Ближний Восток, включающий в себя Центральную Азию, постепенно превращается в ключевую зону мировой политики.

Во-первых, из-за крупномасштабного конфликтного потенциала этого геополитического района мира, проецирующего драматически высокий уровень неопределенности для всей системы международных отношений. Именно поэтому Зб.Бжезинский упорно называет Большой Ближний Восток «новыми Балканами» нынешнего столетия.

Во-вторых, в условиях нынешнего глобального системного кризиса одним из важнейших приоритетов для основных внешнеполитических игроков — потребителей энергоресурсов является недопущение значительного роста цен на нефть и газ. В то же время ключевые региональные игроки заинтересованы в увеличении цен на экспортируемые нефть и газ.

В-третьих, в долгосрочном плане будущее устройство международной системы во многом будет зависеть от того, кто и каким образом будет контролировать основные источники энергоресурсов в мире. Поскольку основная часть доказанных углеводородных энергоресурс-

сов находится в зоне Б.Б.В, то именно борьба за контроль над нефтяными и газовыми месторождениями этого региона во многом будет определять борьбу и расклад сил в условиях нынешнего кризиса, а также пути и формы выхода из него.

Как известно, начиная с середины 1950-х годов, Соединенные Штаты почти на два десятилетия получили глобальный карт-бланш на реализацию своей ближневосточной стратегии. Однако Вашингтону не удалось поставить под свой контроль этот регион. Более того, именно американская ближневосточная политика привела к существенному усилению в этом регионе политического Ислама.

За последние 5–7 лет на Ближнем Востоке окончательно сформировался и достаточно рельефно структурировался принципиально новый баланс сил. Основная конфронтационная линия разделяет два противоборствующих, сложившихся де-факто военно-политических союза. С одной стороны, это так называемый «северный альянс» — Иран, Сирия, ХАМАС, «Хизбалла». На противоположной стороне — так называемая прозападная коалиция — США, Израиль, Египет, администрация палестинской автономии. В той или иной степени первому альянсу помогают Россия, Китай, Турция, Ливия, Катар, Алжир, Судан, Венесуэла, Боливия, сотни антиглобалистских и тысячи мусульманских организаций и движений во всем мире. Второй альянс поддерживается большинством стран НАТО.

Фактически эти два союза находятся в жестком политико-силовом и религиозно-идеологическом противостоянии по всем основным региональным проблемам, но наиболее остро — в четырех конфликтных точках: в Ираке, Палестине, Ливане, зоне Персидского залива.

Принципиально важно, что все взаимодействующие и взаимосвязанные региональные конфликты на Ближнем Востоке уже к 2005–2006 гг. фактически слились в один системный конфликтный узел, в рамках которого сохраняется достаточно устойчивое равновесие сил. Неоднократные за последние годы военно-силовые, экономические и политико-дипломатические попытки США и Израиля изменить в свою пользу сложившийся баланс сил заканчивались безуспешно. Интервенция Израиля в декабре 2008 года в сектор Газа с целью уничтожить ХАМАС стала последней такой силовой попыткой изменить сформировавшийся баланс сил.

Объективно контроль Запада над Большим Ближним Востоком за последние несколько лет существенно снизился. В случае же приобретения Ираном в ближайшие два-три года даже минимального ядерного оружия сложившееся в регионе равновесие сил станет еще более стабильным.

Поэтому эти два альянса, несмотря на сильнейшее подозрение и недоверие друг к другу, стремятся нащупать точки и направления согласования взаимных интересов для возможного начала полномас-

штабных переговорных процессов, форсировать конфиденциальные контакты через посредников, в том числе для достижения временных, тактических соглашений. Официальное же начало полномасштабных переговоров между США и ИРИ будет означать, что Запад де-факто признал особый региональный статус Ирана.

Обе коалиции готовятся к принципиально новому этапу стратегической борьбы, где главным станет попытка согласования интересов через сложные переговорные процессы. Однако при этом в ближайшие несколько лет возможны периодические резкие военно-силовые обострения и даже вариант неуправляемого перерастания регионального в глобальный конфликт.

Перспективы ситуации на Большом Ближнем Востоке зависят от значительного числа факторов, но в среднесрочной перспективе решающими становятся пять обстоятельств:

- характер, темпы и особенности развития глобального кризиса;
- уровень консолидированности элиты США и высшего западного политического истеблишмента в условиях этого кризиса;
- особенности новой ближневосточной стратегии администрации Обамы, масштабы ее поддержки американским политическим истеблишментом, активность израильского лобби;
- характер, темпы и направления расширения коалиционного потенциала этих двух альянсов;
- характер эволюции стратегий этих коалиций в ближайшие 5–7 лет.

В условиях нынешнего экономического кризиса крайне важно для Запада не допустить резкого скачка цен на энергоресурсы, что может существенно затянуть мировую рецессию. А это означает, что на Ближнем Востоке Вашингтон должен избегать резкого обострения ситуаций в тех или иных конфликтных точках. В то же время администрация Обамы должна минимизировать свои военные расходы в этом регионе.

Но аппаратная борьба по поводу характера и направлений новой ближневосточной стратегии США внутри американского истеблишмента продолжается. Значительная часть американской элиты придерживается точки зрения, что катастрофический провал США последних лет на Большом Ближнем Востоке и, прежде всего, в Ираке, связан не только с глубоко ошибочной стратегией в этом регионе группы «неоконов» во главе с вице-президентом Ричардом Чейни, но и с деятельностью мощного израильского лобби в США. За последние два с половиной года в Нью-Йорке и Вашингтоне были подготовлены несколько закрытых докладов, опубликованы ряд книг и аналитических статей, где доказывается негативная для американской внешней политики роль Израиля и израильского лобби в проталкивании ошибочного решения об американской интервенции в Ирак.

Как ответная реакция на такую позицию — существенно возросшая после избрания Обамы активность произраильского лобби в Вашингтоне. Многие ведущие израильские политики считают, что в возможном перделе зон влияния на Большом Ближнем Востоке Вашингтон именно от Тель-Авива потребует основных уступок для достижения своих стратегических целей в регионе. Не случайно, что в новой стратегии национальной обороны США Израиль не только не перечислен среди ближайших союзников Вашингтона, но и вообще не упомянут. Поэтому израильскому истеблишменту особенно важно в этой связи заручиться поддержкой Москвы, чтобы противостоять возможному усилению прессинга Вашингтона.

Тегеран, используя открытые и конфиденциальные каналы, также уделяет особое внимание укреплению своего коалиционного потенциала, прежде всего с Москвой и Пекином. Кроме того, Иран активно использует и свое «энергетическое оружие». Об этом свидетельствуют подписанные соглашения об экспорте иранского газа в Швейцарию, Индию и некоторые другие страны, активное стремление ИРИ принять участие в реализации проекта «Набукко».

В долгосрочной перспективе решающим для изменения в балансе сил и будущего этого региона является Ирак, где сосредоточены вторые в мире (после Саудовской Аравии) доказанные запасы нефти. *Тот, кто будет контролировать Ирак, получит ключи к контролю над всем Большим Ближним Востоком.*

И Иран, и Сирия оказывают помощь подконтрольным фракциям иракского Сопротивления, поскольку долгосрочное военно-политическое присутствие Соединенных Штатов в Ираке, так же как и раскол этой страны, для Тегерана и Дамаска категорически неприемлемо.

Если же Ирак, после ухода США, будет постепенно интегрирован в региональный антиамериканский альянс, то перспективы радикальной антизападной трансформации всего Ближнего Востока в ближайшие десять-пятнадцать лет существенно возрастают.

Система факторов, влияющая на взаимодействие двух альянсов в этом регионе, формирует три альтернативных, но взаимосвязанных базовых тренда развития ситуации.

I. Сохранение нынешней ситуации «контролируемой напряженности», т.е. продолжение в целом управляемого конфронтационного взаимодействия двух альянсов, включающее перемежающиеся попытки силового воздействия на противника и одновременно ведение серьезного переговорного процесса.

Такое конфронтационное взаимодействие является на самом деле формой стратегической кооперационной игры, т.е. игры с ненулевой суммы. Поэтому, рано или поздно, должен будет начаться реальный, но весьма сложный и тяжелый переговорный процесс по всему пакету региональных кризисных точек; при этом неопределенность всей

ситуации переговорного процесса может периодически резко возрастать и канализироваться в один из двух трендов.

II. Переговорный процесс будет идти под давлением США, в основном по американскому сценарию, по правилам, навязанным Вашингтоном, и приведет к политическому выигрышу прозападного альянса.

Однако реализация такого варианта может начаться либо в случае серьезного внутреннего кризиса в Иране или Сирии, либо в случае нанесения такого военно-силового удара по «северному альянсу», при котором будут серьезно подорваны потенциал и воля этого союза к среднесрочному сопротивлению. Но в условиях глобального экономического кризиса шансы на такой удар резко снижаются, поскольку это может привести к цепи непредсказуемых фатальных последствий.

III. Если же Запад не сможет системным путем изменить соотношение сил в регионе в свою пользу, и наоборот, в двух или более конфликтных точках (реализация ядерной программы Ирана, Ирак, Ливан, сектор Газа, Западный берег) будет достигнут некий существенный прорыв в пользу «северного альянса», то ход переговорного процесса будет все больше противоречить целям и интересам США.

Пять наиболее возможных и вероятностных сценариев развития ситуации на Большом Ближнем Востоке

Сценарий 1. «Промежуточное статус-кво»

Этот сценарный вариант является, по сути, промежуточным и переходным, максимальный период его действия — до середины 2010 года.

Сценарий исходит из того, что только со второй половины 2010 года начнется реальный, постепенный выход из глобального экономического кризиса, новая ближневосточная стратегия не вызовет раскола американской политической элиты, каких-либо кардинальных и неожиданных изменений в системе ключевых факторов на Ближнем Востоке не произойдет:

- американское военное присутствие в Ираке сохранится;
- внутренняя ситуация в Ираке в этот период кардинально не изменится;
- масштабные переговорные процессы между Вашингтоном и Тегераном по стратегическим вопросам не начнутся;
- не прямые переговоры между Израилем и Сирией по поводу будущего Голанских высот будут продолжены, но не приведут к существенному прорыву;
- несмотря на все попытки Вашингтона, заметного прогресса в зоне израильско-палестинского конфликта не произойдет: независимое палестинское государство, устраивающее и ХАМАС, и ФАТХ, создано не будет;

— несмотря на попытки разного рода посредников, реального примирения между ХАМАС и ФАТХ не произойдет;

— США и Израиль, несмотря на возможную новую волну массового пропагандистского блефа, не будут готовы к риску проведения в этот период широкомасштабной военной операции против Ирана;

— хотя новая администрация в Вашингтоне постарается активизировать не прямые контакты с ХАМАС, тем не менее, США не пойдут на установление официальных отношений с Движением исламского сопротивления;

— новая американская администрация, считая Сирию слабым звеном противоположного альянса, будет уделять особое внимание развитию экономических, политических и иных отношений с Дамаском;

— Исламская Республика Иран до середины 2010 года не войдет в число стран — обладателей ядерного оружия.

Поэтому умеренная и в целом управляемая конфронтация на этот период между двумя альянсами сохранится.

Сценарий 1 объективно в последующем трансформируется либо в последовательность сценариев 2 и 3, либо непосредственно перейдет к сценарию 3, либо к сценариям 4 или 5.

Соединенные Штаты вступили в фазу серьезной трансформации своей долгосрочной политической линии в Исламском мире. Стратегия администраций Клинтона и Буша, направленная на достижение полномасштабного американского контроля над углеводородными ресурсами Большого Ближнего Востока, не увенчалась успехом, несмотря на силовое, политическое и экономическое доминирование США. Без широкомасштабной региональной коалиционной поддержки, без содействия максимального количества местных союзников в этой зоне даже наиболее обеспеченная ресурсами стратегия обречена на провал.

Суть происходящей трансформации внешнеполитической линии США на Большом Ближнем Востоке сами американские эксперты выражают через формулу «Лидерство вместо гегемонии на основе целенаправленного управления региональными противоречиями». Через новую сеть переговорных процессов и достижение соответствующих договоренностей с Тегераном, Дамаском, умеренными исламскими фундаменталистами и т.д. Вашингтон хотел бы выстроить в этом регионе такую коалиционную структуру, такой баланс сил, где роль главного посредника и арбитра вновь бы перешла к США. Иначе говоря, речь идет о создании некоего особого формата стратегического партнерства «Запад — Исламский мир». Но Вашингтон при этом не строит особых иллюзий и настраивается не только на длительные, сложные переговоры, но и на вполне возможные периодические острые кризисы. Кроме того, внутри американского истеблишмента есть влиятельные группы, включающие в себя мощное произраиль-

ское лобби, которые прямо и косвенно выступают против такой возможной ближневосточной политики.

Наступающая новая стадия стратегической игры на Большом Ближнем Востоке дает хорошие шансы и существенные возможности для укрепления потенциала и реализации долгосрочной стратегии России в этом регионе.

В противовес новой формирующейся стратегии Вашингтона Москва может построить свою успешную контригру, основанную на долгосрочной поддержке региональных центристремительных сил, содействии укреплению взаимодействия региональных центров силы, помощи усилению координационных и объединительных тенденций. Собственно говоря, это тоже своего рода формат широкомасштабных переговоров, но которые должны идти на сугубо доверительном, конфиденциальном уровне между ключевыми странами Большого Ближнего Востока и при негласном, но активном участии России как важного промоутера этих процессов. Москва получает возможность минимальными средствами торпедировать стратегические планы США по установлению контроля над углеводородными ресурсами Большого Ближнего Востока.

Однако на новом этапе задачи становятся гораздо более сложными. Исламский мир — это сложнейшая система особых внутренних противоречий, имеющая длительную историю, порой насчитывающую столетия. Например, конфликтные отношения между Ираном и Саудовской Аравией включают в себя и межрелигиозные отношения между шиитами и суннитами, насчитывающие почти тысячу четыреста лет, исторически кризисные отношения между персами и арабами, память о кровавой войне между Исламской Республикой Иран и саддамовским Ираком, которого поддерживали Вашингтон и Эр-Рияд, соперничество в нынешнем Ираке, страх саудитов перед потенциальной иранской атомной бомбой и т.д. Не менее сложные отношения сохраняются между Дамаском и Каиром, как двумя историческими центрами арабизма, между Дамаском и Эр-Риядом, между Ираном и Египтом, между Ливией и Саудовской Аравией, между Ливией и Египтом, между Саудовской Аравией и Катаром и т.д.

Сценарий 2. «Массированный военно-силовой удар по Ирану»

Данный сценарий (наибольшая вероятность реализации — с лета 2010 по март-апрель 2011гг.) является в принципе возможной, но пока маловероятной частной модификацией первого сценария. Переход к этому сценарию может начаться в случае:

- резкого ухудшения мировой экономической ситуации,
- провала экономического плана администрации Обамы,
- существенного обострения противоречий внутри американского истеблишмента,

- усиления влияния на ближневосточную политику Вашингтона произраильских кланов,
- нанесения провокационного воздушного удара израильских ВВС по целям на территории Ирана,
- резкой дестабилизации внутренней ситуации в Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейте.

Но, в то же время, этот вариант может стать и промежуточным этапом для перехода к сценарию 3.

Политическая цель этого крайне высокорискового для Вашингтона сценария заключается в том, чтобы попытаться добиться благоприятных для США условий для последующего перехода к переговорному процессу. Но эффективная для американцев реализация второго сценария может означать одновременно и демонстрацию твердого намерения и решимости перейти к сценарию 3, то есть к полномасштабной войне в регионе, если тегеранский режим не изменит свою политическую линию и отвергнет предложения о начале переговорных процессов на американских условиях.

В рамках сценария 2 основными, но ограниченными целями на территории ИРИ, станут электростанции, трубопроводы, мосты, газораспределительные станции, важнейшие стратегические предприятия. Главная задача такой операции — нанести такой ущерб иранской экономике, чтобы существенно затормозить реализацию ядерной программы Ирана.

Одновременно в этом случае может резко ухудшиться ситуация вокруг Израиля и в самом Израиле. Фактически именно Израиль будет втянут в региональную войну, что может привести к усилению вероятности автоматического перехода к полномасштабному региональному силовому конфликту.

В случае осуществления сценария 2 резко осложнится положение американского оккупационного корпуса в Ираке. Если произойдет форс-мажорное ухудшение военно-оперативной ситуации для американских оккупационных сил в Ираке, может начаться частичная реализация сценария 3 — переброска по воздуху новых крупных военных контингентов (американских, французских, британских и т.д.), а также резкое наращивание военно-морского присутствия США в Персидском заливе.

Таким образом, Вашингтон будет сигнализировать, что готов к дальнейшей эскалации, в том числе к полномасштабной сухопутной операции на территории Ирана. На самом деле цель такой военной операции будет заключаться в том, чтобы оказать жесткое давление на Тегеран по вопросам иранской ядерной программы и иракской ситуации.

Вероятность реализации сценария 2 на середину 2009 года представляется крайне маловероятной, прежде всего из-за:

- жесткого противодействия этому варианту со стороны военного командования США,
- крайне ограниченной поддержки данного варианта со стороны ключевых сегментов американской элиты,
- отрицательного отношения со стороны американского общественного мнения,
- неготовности европейских союзников поддержать такую военную акцию.

Тем не менее, полностью исключать вероятность реализации этого сценария нельзя, особенно в качестве компонента перехода к сценарию 3.

Главный национальный интерес России в рамках сценариев 2 и 3 заключается в предотвращении потенциального военного конфликта между двумя альянсами. Такая гипотетическая война очень быстро может превратиться в неуправляемую и перерасти сначала в полномасштабный региональный, а затем, возможно, и в глобальный конфликт.

Теоретически Вашингтон может пойти на реализацию сценария 2 только в том случае, если американские военно-оперативные потери будут минимальными. Соответствующие поставки российских оборонительных средств ПВО иранской стороне, которые могут воспрепятствовать господству в воздухе американских и израильских ВВС, могут стать, наряду с другими дипломатическими, политическими и иными мерами, важным средством предотвращения сценариев 2 и 3.

Окончание следует.

Людмила КУЛАГИНА, Владимир АХМЕДОВ

ВНУТРЕННИЕ ИМПЕРАТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА

Намеченные на июнь 2009 года президентские выборы в ИРИ активизировали в политическом классе Ирана и иранском обществе в целом дискуссии о результатах политики М.Ахмедиенежада и породили целую серию спекуляций о будущем страны после предстоящих выборов. Противники М.Ахмедиенежада критикуют его жесткий курс во внешней политике и полагают, что если бы в результате президентских выборов 2005 г. к власти в стране пришел более умеренный лидер, то Иран смог бы стать на путь демократических преобразований и улучшить свои отношения с Западом, прежде всего с США. Другие считают, что благодаря непреклонной политике М.Ахмедиенежада Ирану удалось утвердиться в качестве региональной супердержавы и сохранить определенную независимость в вопросах продвижения своей ядерной программы.

Однако в пылу дискуссий как бы на второй план выводится роль подлинного «мастера игры» — духовного лидера Ирана (рахбара) А.Хаменеи, который оказал и продолжает оказывать решающее влияние на внешнюю политику Ирана, поддерживая до поры нынешнего иранского президента и его действия на внешнеполитической арене. Ахмедиенежад пользуется поддержкой Хаменеи и имеет влияние до тех пор, пока он выполняет его указания и нужен ему.

В соответствии с действующей в Исламской республике конституцией рахбар наделен значительными полномочиями, которые позволяют ему обладать серьезными инструментами воздействия на основные институты государственного управления страной и контролировать их работу. Он одновременно является фактическим главой государства, верховным главнокомандующим и духовным лидером Ирана. Благодаря этому он оказывает непосредственное влияние на ход основных политических, экономических, культурных процессов в ИРИ и косвенно направляет их развитие через подвластные ему различные

структуры, типа разнообразных государственных советов и общественно-религиозных организаций. За последние двадцать лет с момента прихода к власти в ИРИ А.Хаменеи сумел не только укрепить институализацию своего влияния во властных структурах страны, но и существенно расширил его, особенно в спецслужбах и войсках специального назначения. В своей деятельности Хаменеи опирается, прежде всего, на беспрецедентную поддержку спецслужб и разного рода спецподразделений, прежде всего разведорганов.

Хаменеи давно проявлял интерес к армии и органам безопасности. После свержения шаха революционные и левацкие группировки ИРИ призвали к роспуску армии. Хаменеи занял позицию невмешательства. Чтобы уравновесить влияние Вооруженных сил, при непосредственном участии Хаменеи был создан Корпус стражей исламской революции (КСИР) и милицейские отряды Басиджей, также преданные исключительно рахбару. Он был представителем имама Хомейни в министерстве обороны во время переходного правительства 1979 г., затем работал в командовании объединенных штабов, а позже служил в качестве заместителя министра обороны. Когда в 1984 г. было создано министерство разведки и безопасности, он полностью взял под свой личный контроль его работу.

Однако, в отличие от своего предшественника имама Хомейни, который ограничивался назначением главы самой могущественной спецслужбы страны — Корпуса стражей исламской революции (КСИР), А.Хаменеи лично контролирует все кадровые перемещения в КСИР, начиная с должности командующего дивизией. При этом необходимо учитывать, что религии отводится важная роль в политико-воспитательной работе и моральной подготовке солдат и офицерского корпуса, а ислам достаточно глубоко интегрирован в основные и «священные» военные ритуалы. Данное обстоятельство существенно облегчает рахбару установление контроля над силовыми структурами ИРИ, поскольку в Иране религия не только служит средством, за счет использования которого достигается лояльность населения власти, но напрямую влияет на формирование самоидентификации офицерского корпуса. В результате лояльность армии власти непосредственно связана с ее отношением к религии, поскольку именно на государстве лежит обязанность, персонифицированная в рахбаре, по защите и пропаганде религиозных ценностей и соблюдении исламской морали.

Хаменеи остро нуждается в поддержке силовых структур. Так, Ассоциация улемов в Куме отказывалась официально признать его в качестве верховного духовного лидера вплоть до 1992 г., до того момента, когда подразделения КСИР окружили штаб-квартиру этой Ассоциации. Недаром в Меджлисе и местных советах, а также в административном аппарате, за последние годы резко возросло число быв-

ших и действующих военных, хотя иранский закон о выборах запрещает военнослужащим принимать в них участие.

Другим не менее важным инструментом власти рахбара является его прерогатива в назначении ряда министров кабинета. Так, бывший президент ИРИ Рафсанджани позволил А.Хаменеи назначить в правительство «своих» министров культуры, высшего образования, внутренних дел, разведки и иностранных дел. Именно к этим постам, особенно министру иностранных дел, как и вообще к внешней политики, рахбар проявлял особый интерес.

Хаменеи также контролирует деятельность парламента. Так, в 1992 г., когда Иран начал предпринимать попытки наладить отношения с США, Хаменеи объявил организацию «Мусульманских студентов, последователей линии имама (Хомейни)», представлявших в парламенте левую фракцию, ряд членов которой были среди захватчиков американского посольства в Тегеране в 1979 г., «мятежниками». На этом основании Совет Стражей (аналог Конституционного суда) заблокировал 41 члена этой фракции к переизбранию на третий срок в парламент. С другой стороны, Хаменеи часто критиковал парламент 6-го созыва за его проамериканский курс, идущий вразрез национальным интересам ИРИ. Наоборот, он часто хвалил консервативный парламент 2004–2008 гг. 7-го созыва.

В этой связи неверно полагать, что с уходом Ахмедиенежада с поста президента ситуация в ИРИ может кардинально поменяться. Даже в случае смены президента прежний курс, особенно в сфере внешней политики, продолжится. В первую очередь это касается области внешней политики, которая не только не изменится с уходом Ахмедиенежада, но надолго сохранит свои основные параметры до тех пор, пока будут существовать государственные структуры и инструменты, обеспечивающие высшую власть в стране ее духовному лидеру А.Хаменеи¹.

Одной из констант внешней политики ИРИ являются ее напряженные отношения с США. Во многом это уходит своими корнями в поддержку США режима шаха и участие Вашингтона в перевороте 1953 г., в результате которого был смещен со своего поста премьер М.Моссадик. Отношения опустились к нулевой отметке после прихода к власти Хомейни и захвата американского посольства в Тегеране по его приказу в 1979 г. США ответили Ирану, спровоцировав войну с Ираком в сентябре 1980 г., в результате которой Иран потерял около полу-миллиона человек и понес материальный ущерб в размере 1 триллиона долларов.

После кончины Хомейни и прихода к власти в Иране Хаменеи и президента Рафсанджани иранские лидеры решили попытаться нормализовать свои отношения с Западом. Однако ситуация вновь ухудшилась в 1990-х гг. после серии убийств иранских диссидентов в Европе и

¹ Foreign Affairs. November-December.2008.

обнаружения ракетного оружия на одном из иранских кораблей, находившемся в территориальных водах Бельгии².

В начале 1997 г. Иран оказался под угрозой нанесения удара со стороны США в результате взрыва летом 1996 г. американских казарм в Хобаре (Саудовская Аравия), приведшего к гибели 19 американских морских пехотинцев. ФБР пришло к выводу, что взрыв был делом рук Ирана, а тогдашний министр обороны США У.Пери поручил Пентагону разработать план нанесения военного удара по Ирану. В тот момент Иран подвергался куда большему риску американских бомбардировок, нежели чем сегодня при Ахмедиенежаде. Однако аргументы, приведенные ФБР и военными, не убедили Б.Клинтона, и, вместо того чтобы отдать приказ о нанесении удара по Ирану, США стали проводить в отношении него так называемую «политику двойного сдерживания». Эта политика включала в себя набор мер, начиная от экономической и финансовой блокады страны и кончая психологической войной против ИРИ. После прихода к власти в мае 1997 г. президента Хатами и его выступления на Генассамблее ООН в 2001 году казалось, что в американо-иранских отношениях может наступить новый этап. Однако Б.Клинтон предпочитал не форсировать события. А Хомейни, опасаясь, что весьма популярная внутри Ирана тенденция нормализации отношений с США может набрать силу, отказался от дальнейших встреч с американцами³.

После событий 11 сентября 2001 г. Иран все же сотрудничал с США. Будучи заинтересованным в падении правительства талибов в Афганистане из-за их враждебного отношения к афганским шиитам и иранским дипломатам в Афганистане, Иран оказал значительное содействие США и силам антиталибской коалиции в формировании нового афганского правительства на конференции в Бонне и приветствовал падение режима талибов под ударами сил коалиционных войск. Даже после захвата Ирака в 2003 г. Иран продолжал проводить линию на умиротворение в отношениях с США. Так, по согласованию с Хаменеи тогдашний посол ИРИ в Париже Харрази направил в посольство Швейцарии в Тегеране неподписанное письмо, где высказывались иранские предложения по урегулированию отношений с США. Иран, в частности, был готов рассмотреть вопрос о признании государства Израиль, пересмотреть свою поддержку радикальным исламским организациям на Ближнем Востоке и начать диалог с аравийскими монархиями по вопросу о формировании системы безопасности в Персидском заливе.

Однако, окрыленные успехами в Ираке, США оставили иранские предложения без внимания. После такого демарша США все иранские руководители, включая Хатами и реформистов, пришли к выводу, что после Ирака США планируют напасть на Иран. Несмотря на все уси-

² Intelligence Newsletter. N 377. 2000.

³ The Iranian Journal of International Affairs. Vol. XII. N1.

лия наладить диалог с США со стороны Рафсанджани и Хатами, американо-иранский диалог начался именно при Ахмединежаде. Рафсанджани и Хатами хотя и считались сторонниками такого диалога, явно испытывали нехватку поддержки со стороны Хаменеи и боялись идти дальше, чтобы не подвергнуть себя риску быть обвиненными консерваторами и клерикалами в измене интересам ИРИ. Ахмединежад, имеющий репутацию революционера и исламского фундаменталиста, пользовался большим доверием со стороны Хаменеи. С его благословения Ахмединежад решил поднять уровень американо-иранских контактов, заявив о своей готовности встретиться лично с Дж. Бушем.

Оппоненты Ахмединежада обвиняли его в том, что в результате своей жесткой политики и воинственной риторики он поставил страну на грань угрозы военного удара со стороны США и Израиля. Противостояние Ирана с Западом, прежде всего с США, представлялось при прежней американской администрации неразрешимым, а вероятность нанесения удара по ИРИ была весьма высока. Однако подлинный контроль над внешней политикой осуществляет не столько президент Ахмединежад, сколько Хаменеи. По словам бывшего заместителя министра иностранных дел в правительстве Хатами Садека Харазии, если США действительно хотят найти понимание с Ираном, им не стоит пытаться избегать Хаменеи. Именно он в курсе всех нюансов любых переговорных процессов. Если внутренняя политика ИРИ может казаться несколько дезорганизованной, то внешняя политика жестко централизована. «Говорить с Хаменеи означает говорить с Ираном», — полагает С.Харрази⁴.

Сегодня позицию Хаменеи в отношении США можно охарактеризовать его же словами, согласно которым «разрыв отношений с США являлся основополагающей целью нашей внешней политики. Но мы никогда не говорили, что этот разрыв будет длиться вечно. Сегодня те условия, которые выдвигают США в обмен на восстановление отношений, противоречат интересам Ирана. Но когда придет день восстановления отношений, я буду среди первых, кто это сделает».

Одним из острых моментов в американо-иранских отношениях остается ядерная программа Тегерана, на которую у сторон имеется абсолютно противоположное мнение. По словам бывшего переговорщика по ядерной программе Рухани при президенте Хатами, план создания в Иране ядерного реактора возник после прихода к власти Хаменеи в 1989 году и продолжался при Рафсанджани и Хатами. Несмотря на то, что Хаменеи после президентства Хатами распорядился на несколько лет приостановить обогащение урана, вряд ли он сегодня пойдет на такой шаг. Тем более, иранцы открыто говорят, что приостановление программы обогащения вовсе не означает, что Иран не будет

⁴ Ibid.

совершенствовать ядерные технологии. Сам Ахмединежад придерживается такой же линии, выполняя волю Хаменеи⁵.

Еще одним существенным разногласием между ИРИ и США, которое явно не удастся скоро преодолеть, является разница в их подходах к будущему Ближнего Востока. США стремятся обеспечить свои интересы в этом регионе, но они явно не готовы учитывать озабоченности ИРИ в вопросах безопасности в Ближневосточном регионе. Иран долго стремился к тому, чтобы утвердиться в роли лидера в исламском мире и в качестве единственной региональной сверхдержавы на Ближнем Востоке. В результате Тегеран оказался глубоко вовлечен в региональные политические дела. Высший исламский совет Ирака — основная политическая партия иракских шиитов — был создан иракскими политическими эмигрантами в Тегеране в первые дни ирано-иракской войны. Лидер ливанской «Хизбаллы» шейх Х.Насрулла неоднократно заявлял, что до и после утверждения Хаменеи во власти он неизменно поддерживал с ним контакты. Несмотря на то, что иранцы время от времени оказывают определенную помощь США в афганских делах, они, как показали недавние события в регионе, стремятся надолго затянуть США в иракские дела и одновременно уменьшить активную роль Вашингтона в Ливане и на палестино-израильском переговорном треке. Целью такой политики Тегерана служит переключение внимания США с самого Ирана на более глобальные международные вопросы с тем, чтобы ослабить нажим на ИРИ и снизить степень угрозы существованию исламского режима в Иране.

Примером может служить конференция по палестино-израильскому урегулированию в Аннаполисе (США) в конце 2007 г., проведение которой Иран негласно поддержал. Это выразилось, в частности, в участии в ней стратегического союзника ИРИ — Сирии, шаг который был явно согласован с Тегераном. Таким образом, США оказались вовлеченными в трудноразрешимую проблему палестино-израильского урегулирования, тем самым была снята угроза нанесения американо-израильского удара по ИРИ, которая реально имела место в этот период, а Иран выиграл время.

Иран действительно активно вовлечен в дела региона. Он поддерживает ливанскую «Хизбаллу» и палестинский ХАМАС. Такая вовлеченность ИРИ в дела своих региональных соседей является, прежде всего, заслугой не Ахмединежада, а Хаменеи. Война в Ливане летом 2006 г., как считает ряд западных экспертов, велась под личным руководством Хаменеи. Так, по утверждению бывшего секретаря СНБ ИРИ и переговорщика по ядерной проблеме Ирана Лариджани, победа «Хизбаллы» во время ливанской войны в немалой степени является заслугой Хаменеи.

⁵ В.И.Сажин. «Иран: сентябрь 2008 года. Военно-политическая ситуация». Институт Ближнего Востока. 2008.

Израиль служит главным камнем преткновения в американо-иранских отношениях и рассматривается Тегераном как постоянная угроза на Ближнем Востоке. На деле ни один из лидеров ИРИ не верит в возможность мирного и безопасного сосуществования арабского и еврейского государств в Палестине. Как известно, Иран придерживается точки зрения создания единого арабо-израильского государства в Палестине. Такая позиция изначально высказывалась Хаменеи. Ахмединежад своей резкой антиизраильской риторикой лишь акцентировал прежние высказывания своих предшественников и верховного духовного лидера Ирана.

На самом деле разногласия между Вашингтоном и Тегераном по поводу политической карты будущего Ближнего Востока выходят далеко за рамки резких высказываний Ахмединежада и самой исламской революции в Иране. До тех пор пока США будут стремиться утвердить Израиль в регионе как сверхдержаву, а Израиль будет отказываться выполнять международные резолюции по БВУ и продекларированные им обязательства по созданию независимого палестинского государства, позиция арабских соседей Ирана не изменится и мир в регионе не будет достигнут. Несмотря на то, что бывшая администрация США возлагала на Иран всю вину за дестабилизацию положения в регионе, не Иран, а сами США вмешались силой в Ирак и Афганистан. Не стоит сбрасывать со счетов и другие влиятельные политические силы в регионе — Саудовскую Аравию, пакистанских военных и «Аль-Каиду». Возлагать всю ответственность на Иран не совсем правильно. Иран лишь воспользовался ситуацией в своих интересах, но во многом такая ситуация была спровоцирована самими США и их региональными союзниками.

Приход новой администрации в США во главе с Баракком Обамой может существенно изменить политическую обстановку на Ближнем Востоке. Недавние заявления нового американского президента и некоторых ближайших членов его внешнеполитической команды о возможности налаживания отношений США с Ираном и Сирией могут свидетельствовать об изменениях в американских подходах к событиям в Ближневосточном регионе. Тем более, США, судя по всему, не намерены ограничиваться лишь декларацией о намерениях. В январе-феврале 2009 г. состоялось несколько официальных и неофициальных визитов в Дамаск высокопоставленных американских эмиссаров. Это визит в САР делегации конгресса США, а также встречи с сирийским руководством представителей американской администрации, которые впервые за последние 6 лет официально посетили Сирию. Новый американский госсекретарь Х.Клинтон также призвала турецких руководителей возобновить начатые ранее посреднические усилия по поиску путей сирийско-израильского урегулирования. Она официально высказалась за участие Тегерана в намеченной на апрель 2009 года в Европе международной конференции по Афганистану. Имеются и

неофициальные сведения о начале закрытых переговоров представителей новой американской администрации с иранцами.

Постепенно меняется на Западе и прежнее резко негативное отношение к основным отрядам движения исламского сопротивления и политическому исламу вообще. В начале марта 2009 г. представители правительства Великобритании официально заявили о снятии запрета на контакты с политическим крылом ливанской «Хизбаллы» и готовности к прямому и официальному диалогу с ХАМАС. И хотя официальный представитель американской администрации подчеркнул, что правительство США не делает разницы между политическим руководством «Хизбаллы» и ее вооруженным крылом, вряд ли подобная инициатива Великобритании была бы возможной без неофициального согласия американцев, особенно накануне предстоящего визита британского премьера в США.

В новой американской администрации хорошо понимают, что США вряд ли удастся без определенной поддержки Ирана и его региональных союзников осуществить «малой кровью» вывод своих войск из Ирака в намеченные сроки и нормализовать положение в Афганистане.

Налаживание американо-иранских отношений требует уступок с обеих сторон. Это, прежде всего, изменение подходов к иранской ядерной программе, снятие политических и экономических санкций с Ирана и прекращение информационной войны против ИРИ и попыток ее изоляции на международной арене. Со стороны Ирана — приход в результате президентских выборов 2009 г. более умеренного лидера, расширение экономических и культурных связей со странами Запада.

Но пока существует недоверие между государствами региона, особенно между Ираном и рядом арабских стран, прежде всего Саудовской Аравией и Египтом, урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке не представляется возможным. Тем более, что в руководстве большинства арабских стран считают, что США на сегодняшний день являются единственной мировой державой, способной в военном и политическом отношениях хотя бы сохранять видимость относительно стабильной обстановки в регионе.

Однако новая американская администрация не спешит громогласно заявлять о своей безусловной поддержке правящих режимов «умеренных» арабских стран, прежде всего Египта и Саудовской Аравии. Новый американский президент неоднократно публично критиковал недемократичность правящих ближневосточных режимов. При этом он явно давал понять, что США ожидают демократических перемен, прежде всего в союзных им арабских государствах, то есть Египте и Саудовской Аравии. Подобные намеки не остались незамеченными в Каире и Эр-Рияде. Организация египетским руководством в начале марта 2009 года в Шарм эш-Шейхе международной донорской конференции в помощь восстановления Газы, освобождение из тюрьмы одного из главных оппо-

нентов правящего режима Аймана Нура явно имели целью улучшить имидж руководства Египта в глазах новой американской администрации и облегчить деятельность сыну египетского президента Гамалю Мубараку по организации предстоящего визита его отца в США. Об этом же могут свидетельствовать некоторое смягчение в позиции саудовского руководства в отношении Сирии и проведение по инициативе саудовской стороны серии встреч между официальными представителями двух стран, в том числе и на самом высоком уровне. Тем более, от внимания саудовского руководства не укрылось явное стремление США снизить свою зависимость от импорта саудовской нефти и аккуратно принимаемые американцами попытки с тем, чтобы лишить королевство его решающей роли в определении цены на ближневосточную нефть. Подтверждением серьезности подобных намерений служит принятая в США 10-летняя исследовательская программа по поиску альтернативных источников энергии, ассигнования на которую составляют по некоторым оценкам до 15 млрд. долларов в год⁶.

Однако не только политика новой администрации США подталкивает руководство Египта и Саудовской Аравии к изменениям в своей политике. Международный финансово-экономический кризис и резкое падение мировых цен на нефть болезненно сказались на планах социально-экономического развития этих стран и пробили серьезную брешь в их бюджетах, что в условиях растущей бедности и безработицы может быть чревато социальным взрывом и резкой дестабилизацией внутривнутриполитической обстановки в этих арабских государствах.

Если новая администрация США проявит определенный реализм в отношении Ирана и попытается создать такой региональный порядок на Ближнем Востоке, где будут учтены интересы всех сторон, то в этом случае может быть реализована новая схема взаимоотношений США с государствами Ближнего и Среднего Востока. В ее рамках может открыться новая страница в сотрудничестве арабских стран с Ираном.

В то же время вряд ли стоит ожидать, что даже в случае смены руководства в Египте и Саудовской Аравии они быстро откажутся от сотрудничества с США в военно-политической и экономической сферах. Элиты этих арабских государств настолько крепко привязаны в военном и экономическом отношениях к США, что еще долго будут рассматривать их в качестве своего главного экономического партнера и гаранта безопасности собственных режимов.

В любом случае начало процесса нормализации американо-иранских отношений послужит интересам союзников США в Европе, а также Китая и России, которые выступают за укрепление стабильности и безопасности в Ближневосточном регионе и добиваются равноправного доступа к энергоресурсам Ближнего Востока.

⁶ «Аль-Кудс аль-арабий», 09.03.2009.

Расим АГАЕВ (Азербайджан)

КАРАБАХСКАЯ ТРИАДА — ВОЙНА, ПЕРЕМИРИЕ, МИР

Пушки смолкли на карабахском фронте в мае 1994 года, но мир между Арменией и Азербайджаном так и не наступил.

Историю противостояния можно разделить, разумеется, условно, на несколько этапов. Первый — 1970–1989 гг. — период подготовки Арменией скрытого от внешнего взгляда силового отторжения Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана, чему предшествовали попытки добиться реализации сепаратистской идеи конституционным путем; 1989–1991 гг. — период накопления сил, создания незаконных вооруженных формирований, постепенного перехода к этническим чисткам, спровоцированным изгнанием азербайджанцев из Армении и Степанакерта, а вслед за этим армян из Сумгаита, Баку и других районов Азербайджана; 1992–1994 гг. — этап открытых военных действий, завершившихся полным захватом области армянскими военными формированиями, а затем ряда территорий АР вокруг нее; подключение к конфликту посреднических миссий России, Ирана, Минской группы (МГ) и как результат миротворческих усилий — подписание Бишкекского протокола, в соответствии с которым стороны обязались «внять голосу разума: прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая 1994 г.; 1997 г. — по сию пору — перевод проблемы карабахского конфликта под «юрисдикцию» международных сил в лице их полномочного органа МГ ОБСЕ.

Постепенно в Ереване утвердилась доктринальная точка зрения, согласно которой, обладая «наиболее боеспособными на всем кавказском регионе» вооруженными силами, Армения как страна-победительница в войне за Карабах может диктовать свои условия Азербайджану, исходя из новых военно-политических реалий (президент РА С.Саргсян). В Азербайджане даже Зардушт Али-заде (основатель Народного фронта, позже лидер местной социал-демократии, один из

активистов Хельсинкской группы, автор ряда миротворческих проектов) разработал обширный план-проект партизанской войны, который должен был положить конец армянской экспансии. Тем не менее, именно на отмеченной выше стадии внимание общественности оказалось прикованным к мирной идее, поступившей, правда, из-за океана. Американский политолог, бывший сотрудник госдепартамента Пол Гобл предложил проект политического урегулирования проблемы, изложил его в статье «Как справиться с нагорно-карабахским кризисом» (1992 г.). Ключ к решению проблемы, по его мнению, следует искать в приемлемых способах **территориального обмена**. Эта же идея прорабатывалась и в проекте американского посла Дж. Мареска, предложившего свой вариант политического урегулирования (1994 г.).

По существу, новое предложение являлось модификацией старой сахаровской идеи. План Гобла сводился к двум территориальным компонентам: часть НКАО передается Армении вместе с территориями истоков рек, текущих в сторону Азербайджана; под азербайджанский контроль переходит армянский участок, который соединит АР с ее Нахичеванской автономией. Предложения эти, к сожалению, встретили ожесточенное неприятие в Ереване и длительную дискуссию в Баку. Информационные сообщения и утечки того периода указывают на то, что они в той или иной форме рассматривались и на официальных переговорах различного уровня, включались в различные проекты политического урегулирования.

В частности, он стал составной частью плана, известного как **Парижские принципы**, явившегося результатом встречи президентов Г.Алиева и Р.Кочаряна, инициированной главой Франции Жаком Шираком (март 2001 г.). Годом позже азербайджанский президент подтвердил, что суть этих принципов сводилась к обмену коридорами — Мегри на Лачин.

Идеи территориального обмена можно рассматривать в качестве первого миротворческого проекта, первой приемлемой попытки урегулирования межнационального конфликта, основанной на взаимном компромиссе. Ценность ее состояла еще и в том, что было положено начало новой тенденции в практике улаживания межнациональных конфликтов на Кавказе — обращение к международному опыту решения аналогичных проблем. Обращение к историческим прецедентам позволяет сторонам, разгоряченным жесткими формами противостояния, лучше понять и осмыслить существо конфликта и постепенно избавиться от морально-психологических перегрузок, препятствующих налаживанию контактов, диалога, переговоров. Несмотря на то, что идею территориального обмена так и не удалось перевести в сферу политической практики, она стала важным элементом миротворческих инициатив и в этом качестве сохраняет свою перспективу.

В декабре 1993 года по инициативе Межпарламентской ассамблеи СНГ, Федерального собрания и МИД РФ на Аланских островах состоялся симпозиум парламентариев Азербайджана, Армении и НК. Участникам симпозиума была представлена новая **модель урегулирования, получившая название Аландской**. Суть ее — в использовании практического опыта урегулирования этнического конфликта между Финляндией и Швецией, имевшего место в начале XX века. Европейцам удалось избежать кровопролития благодаря тому, что конфликт разрешился путем нахождения особого статуса и границ самоопределения Аланд — 8000 островов архипелага в Балтийском море. На основе решения Лиги наций, Аланды, прежде входившие в состав Швеции, были объявлены территорией Финляндии, обязавшейся гарантировать населению островов сохранение шведского языка, обычаев, традиций, культуры в целом. Швеция получила гарантии безопасности для аландцев, право беспрепятственной связи с населением островов. Были разработаны законы, которые обеспечили Аландам полномочия суверенного государства в том, что касается вопросов самоуправления. Все остальные государственные полномочия — внешней политики, суда, уголовного права, таможни и денежных обращений — являлись прерогативой Финляндии. Не углубляясь в историю вопроса и детали законоположений, отметим, что в основных компонентах причины, вызвавшие к жизни конфликт из-за Аланд, как и политико-правовые и территориальные претензии Швеции и Финляндии, при всей своей европейской специфике, сопадают с теми, что имеют место в споре из-за Карабаха. Отличие, пожалуй, состоит в непримиримости кавказцев, отсутствии достаточной степени доверия и политической воли у их лидеров. Дискуссия, развернувшаяся в Азербайджане, обнаружила значительный интерес общественности. Реакция армянской стороны отличалась однозначностью неприятия. По официальному мнению властей НК, аландская модель не учитывает «исторических основ и психологических последствий карабахско-азербайджанского конфликта и войны — фактически за независимость НК от АР». Отказ всерьез рассмотреть наиболее удачную модель урегулирования, эффективность которой сопряжена не в первую очередь схожестью конфликтов, требовал, на наш взгляд, куда более убедительной аргументации.

Обращение к аландскому опыту тем более явилось позитивным моментом, что предлагался практически отработанный способ преодоления главного узла карабахского конфликта — противоречия между стремлением к территориальной целостности и правом на самоопределение, говоря языком М.Брайза, их уравниванием. Не без влияния этой модели сформировались миротворческие подходы, производные от аландской формулы **«Выше автономии, но не государство»**. Характерным примером может служить план урегулирования, предложенный американскими учеными Д.Лейтиным и Р.Сюни (1999 г.). Согласно их разработке, Карабах де-юре должен оставаться в составе Азербайджана в соответствии с общепринятым принципом территориальной целостности и недопустимости одностороннего изменения границ с помощью силы. Этот общепринятый международный постулат согласовывается с правом полного самоуправления Карабаха, включающего суверенные права его правительства в области безопасности, образования, культуры и инвестиций в инфраструктуру.

Формула ограниченной государственности при наличии широких возможностей самоуправления содержится в целом ряде проектов, разработанных в последующие годы. К таковым можно отнести проекты, основанные на концепции **ассоциированного государства**, опирающиеся на ряд резолюций и деклараций Генеральной Ассамблеи ООН, касающихся различных форм осуществления права наций на самоопределение. В частности, известная декларация 2625, на которую часто ссылаются сторонники безусловного и полного самоопределения, допускает как раз и статус ассоциации с уже существующим независимым государством. В качестве примера ассоциированной государственности приводится статус острова Кука и Низ с Новой Зеландией, Пуэрто-Рико, Маршалловы острова и Федерация Микронезии с США. К слову, последние два ассоциированных государства даже стали членами ООН (1990 г.). Базируясь на этом опыте, американский дипломат, бывший представитель США в Минской группе СБСЕ Джон Мареска разработал свой план политического урегулирования карабахского

конфликта (1994 г.). План предусматривает принятие Основного закона о статусе Нагорного Карабаха, на положениях которого может быть обеспечено его ассоциированное объединение с Азербайджанской Республикой. В трактовке Дж.Мареска «НК должен именоваться Нагорно-Карабахская Республика и должен быть полностью самоуправляемым законным образованием в суверенном государстве Азербайджанская Республика». Автор исходит из того, что «НКР должна быть внутри Азербайджана, ассоциированной с ним». План предусматривает известный набор государственных функций, предусматривающих реализацию принципов самоуправления, оговаривая при этом, что НКР не может быть признана в качестве суверенного независимого государства. Автор проекта предлагал также, чтобы СБ ООН и ОБСЕ стали гарантами выполнения условий проекта. Однако руководители мятежной области посчитали, что отношения НК с АР должны основываться на принципе полного равенства, исключаящем любые вертикальные связи.

Близки были по духу к ассоциированному членству предложения директора Национального института демократии США, посла Нельсона Ледски. Суть их в признании того, что НК должна реально стать частью Армении, имея в то же время определенные связи с Азербайджаном. Однако автор предложений, возможно, сам того не ведая, подложил мину под собственную идею, обосновав ее итогами армяно-азербайджанского военного противостояния: «...армяне имели успех в этой войне. И необходимо азербайджанской стороне признать, что она кое-что потеряла». Такого рода апелляции с точки зрения азербайджанской стороны являются скрытой формой капитуляции. (В Баку исходят из знаменитого изречения египетского президента Насера: «Мы проиграли битву, но не проиграли войну!») С другой стороны, трудно представить себе документ, в котором международные посредники, облаченные полномочиями ООН, благословили бы положение, противоречащее упоминавшемуся выше оновскому постулату о неприемлемости одностороннего изменения границ силой. Наконец, эксперты не без оснований считали, что в самом подходе к мирному урегулированию с базированием на неких итогах войны содержится «скрытый намек, что «военное решение» карабахской проблемы является единственно возможным». Все это вместе взятое, очевидно, и стало причиной того, что предложения директора Национального института демократии США так и не получили развития на переговорах посредников.

Впрочем, дискуссии вокруг модификаций ассоциированного государства имели то позитивное следствие, что усилия МГ постепенно сконцентрировались вокруг разработки проекта «**общего государства**», аккумулировавшего ранее сформулированные идеи и положения, наиболее полно отражающие подходы всех вовлеченных в миротворческий процесс сил. В представленном посредниками вниманию общественности документе (1998 г.) признавалось, что НК является государственным и территориальным образованием и вместе с АР составляет единое государство в ее международно-признанных границах. Последующие положения, наделяющие НК правом иметь собственную конституцию, осуществлять внешнюю политику в полном объеме, содержать армию (Национальную гвардию) и полицейские силы, свидетельствовали об эволюции взглядов на карабахское урегулирование в принципиально новом направлении. А именно — поиска мира на основе федеративных решений. Это подтвердил вскоре и тогдашний российский представитель в МГ посол Ю.А.Юкалов, заявивший, что НК было предложено согласиться стать членом некоего федеративного государства. С российской инициативой «общего государства» согласились США и Франция. Азербайджанские эксперты после тщательного изучения текста мирных предложений сопредседателей МГ ОБСЕ пришли к выводу, что речь идет все же о формировании союза государств, то есть конфедеративной форме объединения, причем ассиметричной.

Позиции сторон вновь разошлись: РА и руководство самопровозглашенной республики заявили, что готовы воспринять новую инициативу МГ в качестве основы для переговоров, АР же, ссылаясь на приоритетность норм международного права и национальных интересов, отвергла ее.

Несмотря на это, инициатива посредников оживила интерес политиков, посредников и независимых экспертов к самой идее «общего государства», попыткам создания

на ее основе новых модификаций мирного решения проблемы. Группа аналитиков Центра европейских политических исследований (Брюссель) во главе с Майклом Эмерсоном разработала свой план решения межнациональных конфликтов ЮК, включая и карабахский. По мысли разработчиков этого плана, ключом для их урегулирования, создания условий политической стабильности и динамичного развития региона может стать курс на **интеграцию государств региона**.

Авторы реализацию своего проекта обуславливали готовностью лидеров всех трех государств предпринять шаги в направлении региональной интеграции — создания Южнокавказского сообщества (South Caucasus Community) и согласием ЕС, России и США спонсировать интеграционный план, предполагавший специальные меры по поддержанию мира и безопасности и возвращению беженцев. Он также обязывал государства ЮК осуществлять государственно-правовые нормы, определяющие общеконституционное строительство, включающие высокую степень самоуправления для Нагорного Карабаха и Абхазии.

Предусматривалась также федерализация Грузии и Азербайджана с учетом районов проживания национальных меньшинств. Представляется, однако, что интеграционный вариант, или, как его еще называют, **«проект федерализации»** М.Эмерсона, плохо соотносился с политическими и культурно-этническими реалиями региона, и никак не соответствовал историческому опыту государств ЮК (*Закавказскую федерацию, созданную под мощным давлением советского центра — Москвы, в конце концов пришлось упразднить, еще менее долговечными были попытки некоторых южнокавказских лидеров создать некое федеративное образование сразу после распада Российской империи*), общественным умонастроениям и устремлениям политических элит. Нежелание лидеров государств региона принять план к рассмотрению в качестве предварительного документа только подтверждает такой вывод.

Есть основания полагать, что после Ки-Уэста, результаты которого, по словам одного американского дипломата, «растаяли, как мороженое в жаркий день», МГ стала зондировать почву для применения в карабахском урегулировании **«Ангорского варианта»**, подразумевая под этим принцип кондоминиума. В прессу были вброшены конкретные положения прорабатываемого предложения. Однако камнем преткновения для сторонников кондоминиума явилось наличие у Степанакерта собственных вооруженных сил, что исключалось при применении ангорского опыта. Дальше журналистского обсуждения при активном привлечении посредников и экспертов дело не пошло. И все же, думается, в идее кондоминиума заложен один важный элемент, делающий ее достаточно эффективной и перспективной в деле разработки новых проектов урегулирования. Это — признание необходимости демилитаризации — первоначально очага конфликта, а в последующем и расширение мирной зоны до региональных масштабов. Разумеется, реализация такого плана должна происходить под жестким международным контролем, обозначив его в качестве неотъемлемого атрибута нейтрализации острых межнациональных конфликтов. Без демилитаризационного элемента в карабахском урегулировании не обойтись, независимо от того, какому из мирных планов (аландская модель, «общее государство», ассоциированное государство, федерация, конфедерация, кондоминиум, различные «совмещенные» варианты) будет отдано предпочтение.

Таков общий перечень проектов, с помощью которых представители международного сообщества рассчитывали приступить к «размораживанию» конфликта, называемого часто «замороженным».

Необходимо, пожалуй, отметить, что активизация посреднических усилий вызвала определенное оживление интереса политических сил и в общественной среде к участию в миротворческом процессе. Социал-демократическая партия Азербайджана опубликовала (1995 г.) свое видение вопроса. В тексте, представленном вниманию общественно-

сти, содержались предложения о начале прямых переговоров между Баку и лидерами НК, установлении экономического сотрудничества с Арменией до «полного завершения конфликта», статус НК определялся в форме автономии, «живущей на основе самоуправления». Мнение значительной части общественности выражала обнародованная осенью 2001 года «Хартия четырех» (по количеству членов инициативной группы, состоящей из экспертов и известных политических деятелей). «Хартия» исходила из того, что конфликт может быть разрешен лишь поэтапно, при этом обязательным считалось: восстановление территориальной целостности Азербайджана, предоставление НК права самоуправления с передачей полномочий, реализующих государственный суверенитет высшим государственным органам власти АР.

«Хартия» особо оговаривала, что «если разрешение конфликта мирным путем станет невозможным, АР в соответствии с Уставом ООН и известными резолюциями его Совета Безопасности должна изгнать агрессора, применив силу».

К процессу разработки мирных проектов самостоятельно подключались и отдельные ученые, политологи. Н.Мехти, ученый-философ, в статье, привлечшей внимание экспертов, предложил нестандартный, внешне несколько парадоксальный подход на «принципах аномалии». Разработка ученого, по существу, представляет собой своеобразную интерпретацию Дейтонского мирного договора (1996 г.), наделившего население Боснии и Герцеговины «отложенным правом» самоопределения. «Принцип аномалии», по Н.Мехти, сводится к следующим мерам: АР признает НК в качестве НКР, как бы соглашаясь с ее независимостью, но НКР лишается возможности без всеазербайджанского референдума менять свое название или выходить из состава АР; НКР формально имеет свою армию, однако она находится под инспекцией АР и превращается в полицейские силы; каждые пять лет азербайджанский парламент ставит вопрос об упразднении НКР, но в этом вопросе представители НКР имеют право вето; в таком же порядке НКР ставит вопрос о выходе из состава АР, что отклоняется решением азербайджанского парламента и т.д. Принцип как бы обращен к ментальности конфликтующих народов, учету их этно-психологических особенностей. Таким образом, не ущемляются амбиции и достоинства сторон, что снимает в значительной мере запал конфронтации, одновременно создается патовая ситуация, которая, тем не менее, избегая острых, болезненных вопросов, способствует оздоровлению всей морально-политической атмосферы вокруг НК.

Известный бакинский журналист Эмиль Агаев выдвигал модель «Закавказской конфедерации» (ЗК). Надо сказать, при всей схожести с интеграционной концепцией М.Эмерсона, агаевская модель базировалась на возможности установления конфедеративных отношений на начальном этапе между двумя, а в последующем и тремя независимы-

ми государствами ЮК. Спорные территории — Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах — включаются в конфедерацию или «Южно-кавказский союз» (ЮС) в качестве ассоциированных членов, оставаясь при этом субъектами республик. Создание регионального объединения государств, по мысли автора концепции, происходит при непосредственном участии авторитетных международных организаций мирового сообщества, оказывающего ЮС необходимую политическую и экономическую поддержку.

Военно-политические тенденции, определившиеся в мировых делах после событий 11 сентября 2001 года, способствовали появлению концепции урегулирования с помощью силового принуждения. Правовой базой для ее реализации могли послужить положения Устава ООН о мирном разрешении споров и действий в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, а также известные международные договоренности о нерушимости границ и др. Модель **«силового принуждения»**, сформулированная автором этих строк, исходила из утвердившегося в ЮК убеждения, что внешние силы, так или иначе вовлеченные в мирный процесс, обладают достаточным потенциалом для того, чтобы принудить стороны к соглашению или заблокировать не устраивающий международное сообщество вариант. Предусматривалось создание Полномочного совета государств — гарантов мира и борьбы с международным терроризмом. В случае несогласия НК и АР с требованием определиться с принципами автономии в рамках единого государства, СБ ООН вводит жесткие меры принудительного характера против нарушителя (по примеру ЮАР, Ирака). В отношении сил и лиц, саботирующих решения Полномочного совета, принимаются меры экстрадиции или же привлечения к Международному суду (по примеру Югославии). В сочетании с другими положениями концепции постепенно создаются условия для возвращения беженцев, налаживания мирной жизни и сотрудничества.

Были и иные предложения и миротворческие идеи, что свидетельствует об определенном повороте в умонастроениях общества в целом. Значение их в том, что они, с одной стороны, служат сдерживающим фактором воинственных, силовых, милитаристских тенденций. С другой, проекты мирного урегулирования межнационального конфликта обогащают сам арсенал мирных решений, приобщают к миротворчеству все новые силы, что само по себе увеличивает шансы разрешения спора вокруг Карабаха на основе разумных компромиссов.

Таким образом, можно утверждать, что попытки избежать кровопролития, войны предпринимались с самого начала конфликта. Но верно и то, что разворот к мирному разрешению территориального спора, обремененного негативом исторического прошлого и неспособностью советской федерации поставить процесс на конституционные рельсы, не состоялся ввиду отсутствия достаточного политического

опыта у сторон и изначального замысла сепаратистов, ориентированных на силовой вариант. В условиях распада государственности и общей национальной экзальтации, подогреваемой пришедшими к власти национал-демократами, ориентация на военное решение проблемы стала доминирующей. На позиции сторон после достижения перемирия накладывали свой отпечаток итоги войны, позволившие Армении де-факто произвести сецессию НК и провозгласить образование независимой НКР. Этим определяются подходы сторон к мирным инициативам посредников — сперва России, а затем и Минской группы ОБСЕ.

В общей сложности Армения чаще отвергала мирные предложения, Азербайджан более активен в выработке миротворческих инициатив. Позиция Армении базируется на необходимости признания военно-политических реалий, Азербайджан апеллирует к международному праву, незадействованность которого в то же время оставляет за ним возможность восстановления суверенитета над всей своей территорией с помощью силы. Длительность перемирия — 15 лет — является не столько осознанным, сколько вынужденным выбором сторон, которые не могут не учитывать объективные перемены широкого геополитического порядка, вовлеченность мировых сил в кавказские дела, обострение между ними борьбы за сферы влияния, энергоресурсы и т.д. Следствием этого явилась активизация миротворческого процесса, когда конфликтующие стороны фактически принуждены идти на переговоры и диалоги различного формата, так или иначе рассматривать проекты мирного урегулирования, предложенные посредниками. Они практически охватывают весь набор способов и средств, аккумулированный международным сообществом в деле разрешения аналогичных споров, что способствовало большей информированности общественности о сути конфликта, путях преодоления его, исходя из имеющегося опыта. Тем не менее, достаточно широкого понимания безальтернативности политических решений не произошло.

Готовность сторон согласиться со многими принципами Мадридского соглашения можно считать значительным прогрессом, с одной лишь существенной оговоркой: стороны оказались в том же тупике, который привел их к ожесточенной конфронтации двадцать лет назад — статус НК. Азербайджан и в самом начале конфликта готов был рассмотреть вопрос расширения базовых функций самоуправления автономии (и в этом направлении даже принимались решения, осуществлялись практические меры), Армения же настаивала и продолжает настаивать на безоговорочном отделении, вплоть до признания независимости оспариваемой области. Стороны не готовы отказаться от контрпродуктивного подхода, сводящегося к формуле «Максимум требований при минимуме компромиссов», препятствующей выработке приемлемого варианта статуса НК. Суровая действительность для Азербайджана такова, что его дипломатия может заблокировать признание независи-

мости НК, но возможность восстановления над ним своего суверенитета силой остается в силу многих факторов, в том числе внешних, проблематичной.

И все же ориентация на политические решения стала набирающей силу тенденцией, о чем свидетельствуют недавние признания ряда армянских лидеров о том, что кавказские межнациональные конфликты, включая карабахскую, не имеют силового решения. Оптимистический взгляд на перспективы карабахского урегулирования усилила Московская декларация от 2 ноября 2008 г., свидетельствующая об изменении в подходе России, в основе которого лежит ее новая, ориентированная на экономику, повестка в регионе. Многие эксперты и наблюдатели расценили ее как исторический поворот в переговорном процессе в силу того, что он является первым документом, подписанным как армянским, так и азербайджанским президентами.

Неготовность сторон самостоятельно преодолеть отчуждение, покончить с культивированием недоверия, завышенными претензиями актуализирует проблему качественно нового подхода и роли ведущих мировых сил в наведении порядка и стратегической стабильности в ЮК — в соответствии с возросшим геополитическим значением этого региона, ставшего средоточием широких международных интересов.

И все же ответственность за дальнейший прогресс мирного процесса лежит в первую очередь на нынешних лидерах РА и АР, ибо неизбежно приближается момент, когда они должны показать, ведутся ли переговоры для достижения ожидаемого народами их стран долгожданного мира или же им более комфортно в ситуации бесконечно длящихся переговоров...

Список использованной литературы:

1. *Томасс де Ваал*. «Черный сад»; «Карабахская западня. Угрозы и дилеммы нагорно-карабахского конфликта. Южный Кавказ».
2. *Али Аббасов, Арутюн Хачатрян*. Карабахский конфликт. Варианты решения: идеи и реальность. — М.: Международные отношения. 2004.
3. *Кривопусков В.В.* Мятежный Карабах. — М., 2007.
4. Материалы семинара «Процесс мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта», 23–25 июля 2001 г.
5. *Жевахов А.* Атаюрк. — М., 2008.
6. *Примаков Е.* Годы в большой политике. — М., 1999.
7. United State Institute of Peace. War in the Caucasus/ F Proposal (by John Mareska) for Settlement of the Conflict over Nagorno Karabach. — Wash. D.C. — P. 5.
8. Гадирли Э. Выст. на Международной Кавказско-Каспийской Комиссии, 2008.
9. *Эмерсон, Точки Н.* Стенограмма выступления «Пакт стабильности для Кавказа» // Материалы международной конференции по Кавказу. Фонд Эберта. Берлин, 26–27 ноября 2001 г. — Тбилиси, 2002.
10. Бишкекский протокол, Соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г.: Казимиров В. «Эхо», 18.02.2009.

Валерий БУЯНОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Национальная безопасность страны обеспечивается рядом внутренних и внешних факторов, причем их смена и приоритетность может происходить очень быстро. К примеру, в августе-сентябре минувшего года внешнеполитические и военно-стратегические вопросы стали первостепенными для России в результате военного конфликта на Кавказе и последовавшего резкого обострения отношений с Западом. Мировой финансовый кризис, серьезно затронувший нашу страну, заставил ее руководство сосредоточиться на решении внутренних социально-экономических проблем. Внешние факторы временно отступили на второй план. Именно временно, ибо мало кто сомневается, что после завершения кризиса наступит время больших перемен.

Мир вошел в стадию острой бифуркации. И нынешний общепланетарный кризис далеко не последнее потрясение подобного рода. На подходе другие кризисы мирового масштаба. Учитывая это, отечественные и зарубежные аналитики предсказывают *мировой системный кризис*, вступление в новую эпоху, где будет изменена не только финансовая, но и политическая архитектура мира.

Правящему классу и научному сообществу России надо готовиться к возможным крутым переменам, которые скажутся в различных областях жизни, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности. Какие факторы внешнего порядка следовало бы учитывать сегодня и в перспективе? Обозначим некоторые из них.

Фактор Востока. Происходит перенос экономической и политической мощи с Запада на Восток, в район Тихого океана. Страны суперрегиона развиваются наиболее динамично. Это касается не только таких гигантов, как Китай и Индия, но и других государств. По мнению авторов доклада «Глобальные тенденции 2025», подготовленного Национальным советом по разведке США, в ближайшие 15 лет экономика Китая станет второй по величине в мире, а сам он — ведущей

военной силой. Растущую мощь КНР признают повсеместно, с ней все более вынуждены считаться США, которые наращивают стратегический диалог двух стран, а в кулуарах большой политики все чаще говорят о возможном дуумвирате США–Китай.

Академиком Е.М.Примаковым в 1998 г. была сформулирована идея о трехстороннем сотрудничестве между Россией, Китаем и Индией. Но гипотетический союз трех ядерных держав не кажется сегодня реальным из-за цивилизационной разницы между ними, расхождения позиций по ряду важных вопросов, внутреннего соперничества. Спрашивается, какую роль в данном альянсе могла бы играть Россия: «младшего брата», «организатора дружбы» против нынешнего гегемона, «перераспределителя» людских и энергетических ресурсов?

В последние годы стали много говорить о группе БРИК. Термин придумал проживающий в Лондоне экономист Джим О'Нил, и означает он четыре быстрорастущих экономики — Бразилию, Россию, Индию и Китай. Вместе взятые страны занимают четверть земной территории, население составляет 40% от мирового, а совокупный ВВП их взаимодополняющих экономик равен (до кризиса) 15 435 трлн. долл.¹ В мае 2008 г. высокопоставленные представители БРИК в совместном коммюнике заявили, что собираются превратить «группу четырех» в мощный инструмент по переустройству мира.

Как и в ситуации с РИК (Россия–Индия–Китай), в данном проекте, наряду с позитивными сторонами, немало внутренних противоречий, а реальность деклараций можно оценивать после мирового кризиса, когда будет видна новая расстановка сил.

Для национальных интересов России важно скорректировать внешнеполитическую стратегию и, не ослабляя внимания к цивилизационно близкому Западу, постепенно смещать акцентировку в регион Тихого океана.

Фактор Запада. В последние годы отношения России со странами Запада складывались таким образом, что позволили политикам с обеих сторон говорить не просто о расширении конфликтного пространства, но даже о «глобальном кризисе» во взаимоотношениях. Запад не прислушивается к опасениям российской стороны в отношении шагов, прямо угрожающих национальной безопасности России. Речь идет о расширении НАТО на Восток, стремлении создать третий позиционный район противоракетной обороны США в Польше и Чехии, вторжении в традиционную зону национальных интересов России.

С Америкой отношения дошли почти до уровня «холодной войны». Приход к власти Б.Обамы, его первые заявления по международной проблематике, равно как и выступления его ближайших помощников

¹ См.: Дикаджан Р. БРИК в новом миропорядке // Международная жизнь. 2008. №11. С. 86.

по внешнеполитическим делам, вселяют, по словам руководителей РФ, осторожный оптимизм.

Американской стороной выдвинуто, пока в предварительном порядке, предложение о беспрецедентном по масштабам сокращении ядерных арсеналов двух стран. Приветствуя это предложение, российские аналитики, тем не менее, призывают к осторожности. Россия слишком многим поплатилась, когда ее руководители конца 80-х и в 90-е годы прошлого века поверили в благородные побуждения американцев. США всегда вели прагматическую политику, где незыблемым приоритетом были их национальные интересы. И сегодня тоже нет оснований полагать, что они изменят своей внешнеполитической логике, в основе которой — американское глобальное доминирование.

Значительная часть российского военного и научного сообщества с немалой долей скептицизма относится к предложениям о сокращении на 80% ядерных арсеналов США и России. Один из аргументов таков: чтобы идти на сверхглубокое сокращение стратегических вооружений, необходимо новое качество политических отношений между двумя странами, нужен высокий уровень доверия между ними. А этого пока нет.

При возможном обсуждении вопроса о сокращении ядерного оружия двух стран нельзя не учитывать и такие обстоятельства, как наличие ядерных стратегических вооружений у третьих стран, превосходство американцев в крылатых ракетах большой дальности, их доминирование в высокоточном оружии, а также несопоставимые ни с кем возможности США концентрировать мощные наступательные группировки в любой части мира. Все это подводит к выводу о том, что российский ядерный потенциал остается главным сдерживающим фактором в оборонной стратегии страны, а его сокращение может серьезно подорвать национальную безопасность России.

Фактор Содружества. В Концепции внешней политики Российской Федерации развитие сотрудничества с государствами — участниками СНГ названо приоритетным направлением внешней политики России. В этом же документе подчеркнуто, что Россия будет наращивать взаимодействие со странами СНГ в сфере обеспечения безопасности, всемерно развивать Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В феврале 2009 г. принято решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования. Речь, по существу, идет о создании на постсоветском пространстве военно-политического блока по типу НАТО.

Фактор Содружества подразумевает укрепление не только многосторонних, но и двусторонних отношений. Ситуация здесь разная.

С Республикой Беларусь в 1999 г. Российская Федерация подписала договор о создании Союзного государства. Белоруссия является единственным союзником России на ее западных рубежах и ее военно-стра-

тегическим партнером. На территории республики находятся два важных военных объекта — радиолокационная станция (РЛС) космических войск России и узел дальней связи Военно-морского флота РФ с атомными подводными лодками. В 2009 г. Россия подписала с Белоруссией соглашение о создании единой (двусторонней) системы ПВО.

Украина, как крупнейшее после России государство на постсоветской территории, играет исключительную роль в национальных и геополитических интересах нашей страны. На заре пореформенной России считалось, что единокровная, православная, братская Украина не может представлять угрозы национальной безопасности РФ. Однако давний миф о славянском братстве вновь не подтвердился. С приходом к власти В.А.Ющенко отношения между нашими странами стали быстро ухудшаться, а политика Украины приняла антироссийский характер.

Сложным в плане обеспечения национальной безопасности России остается Кавказско-Каспийский регион. Постсоветские государства Закавказья Азербайджан, Армения, Грузия, несмотря на географическое соседство, различны по своей истории, религии, культуре, по своему отношению к России.

Армения является союзником РФ, ее армия вооружена российским оружием, юридически оформлено пребывание российских пограничных войск на территории республики. В стране располагаются российские военные базы.

Азербайджан осуществляет многовекторный курс, который позволяет сохранять дружественные отношения как с Россией, так и с более далекими партнерами. Это привело к такой ситуации, когда ни военное сотрудничество между Баку и Анкарой, ни пущенный в обход России нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, ни переход вооруженных сил Азербайджана на стандарты НАТО — ничто не разрушило отношений с Россией.

Сложнее всего строятся отношения с Грузией. Военно-политическая авантюра М.Саакашвили против Южной Осетии и российских миротворцев надолго отравила отношения между нашими странами. Признание Российской Федерацией независимости Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, с одной стороны, показало готовность России отстаивать, в том числе вооруженным путем, свои национальные интересы, но, с другой стороны, породило ряд проблем, непосредственно относящихся к вопросам национальной безопасности.

Назовем некоторые из гипотетических угроз. Это возможности: «сепаратистского резонанса» (выражение профессора В.А.Михайлова) не только на Северном Кавказе, но и в других регионах РФ; реэмиграции в Абхазию сотен тысяч абхазов, проживающих в других странах; создания новой государственно-политической конфигурации в Закавказье, инспирируемой Турцией и северокавказскими сепаратистами;

превращения Южной Осетии, Абхазии и Грузии в постоянный очаг напряженности между Западом и Россией.

В контексте национальной безопасности перед Россией стоит нелегкий выбор: либо вести затяжную борьбу с Западом, либо принять Южную Осетию и Абхазию в состав Российской Федерации. Третье «либо» — возвращение двух республик в состав Грузии — будет означать слабость России и, в конечном счете, обернется уходом нашей страны из Кавказского региона, что недопустимо.

Представляется, что в нынешних условиях целесообразно, не ставя напрямую вопрос о вхождении двух республик в состав РФ (тем более, что Абхазия никогда так четко, как Южная Осетия, не поднимала эту тему), делать последовательные шаги, которые бы «де-факто» самым тесным образом связывали Абхазию и Южную Осетию с Россией. Речь идет о двойном гражданстве, едином экономическом пространстве, открытии филиалов российских университетов в этих странах. В перспективе мог бы стать вопрос о присоединении республик к союзу Россия — Белоруссия.

Стратегическое значение для национальной безопасности России имеет Центрально-Азиатский регион. Ключевую роль здесь играет Казахстан с богатствами его недр, большим количеством русскоязычного населения, быстро развивающейся экономикой.

В обозримом будущем Россия должна сохранить свои стратегические перспективы на пространстве Содружества. Этому способствует ряд факторов: экономический (важнейший рынок для стран СНГ); привлекательность РФ для трудовых мигрантов; доминирование России в военной области; международные позиции; традиционное культурное влияние и распространенность русского языка.

Фактор многополярности² (полицентричности). За последние 100 лет человечество переживает четвертую по счету реконструкцию (модель) мироустройства. До Первой мировой войны господствующей была многополярная модель ведущих европейских государств. По сути, это было продолжением линии классической многополярности XIX в. (европейский «концерт стран»). После 1918 г. стал складываться новый миропорядок, где, учитывая фактор новой России, уже были заложены ростки биполярности, но биполярности особого рода — идеологической, формационной. После Второй мировой войны мир быстро становится биполярным, где полюсами выступали США и СССР. После распада Союза на смену биполярности пришел, как известно, однополярный мир единственной оставшейся сверхдержавы, которая ныне уже не удерживает бремени единоличного лидерства.

Сейчас мало кто оспаривает становление многополюсного, полицентричного мира. Этому миру присущи особенности, которых ранее не

² «Многополюсность», «многополярность» — понятия привычные, но неточные. На земном шаре только два полюса, в физике тоже не может быть больше двух полюсов.

было. Во-первых, это многополярность в условиях глобализации. Во-вторых, это многополярность на многоцивилизационной основе, в отличие от прежней европейско-христианской многополярности. В-третьих, это многополярность ядерных держав. В-четвертых, это многополярность, которая не оформлена институционально³.

Развивающаяся полицентричность будет способствовать образованию новых крупных региональных сообществ, обострению борьбы между центрообразующими государствами и цивилизациями. Отсюда следует, что полицентричность — это не только избавление от диктатуры однополярности, но и новый миропорядок со многими неизвестными и еще непроясненными опасностями.

На каких принципах будут строиться отношения между разными центрами силы? Возможно ли институционально оформить полицентричность? И самое главное: сможет ли Россия быть самостоятельным центром силы, не подстерегают ли ее опасности быть дезинтегрированной другими «полюсами»?

Фактор неопределенности. Для безопасности фактор неопределенности, непонятной или неосознанной угрозы, может оказаться сильнее, хотя бы психологически, чем реальная опасность.

В мире растет *политическая неопределенность*. После разрушения биполярной системы мироустройство стало неустойчивым. Возрастает уровень дестабилизации и хаотичности. Все очевиднее проявляется проблема «несостоявшихся» государств в Африке, Азии и даже в Европе. При уменьшении числа и интенсивности межгосударственных столкновений наблюдается значительный рост внутригосударственных конфликтов. В глобальную военную угрозу превратился терроризм. Усиливается неконтролируемая гонка вооружений. Приобретение ядерного оружия становится национальной идеей для ряда государств, опасных своим радикализмом.

Одним из главных факторов риска выступает *экономическая неопределенность*. Непонимание глубины и границ глобального кризиса, ухудшение социального положения множества людей порождает напряженность в ряде государств, в том числе в России.

В контексте национальной безопасности следует рассматривать и *проблему неопределенной (незавершенной) российской идентичности*. Процессы глобализации, дезинтеграция СССР, попытки ментальной революции, последовавшие за революцией политической, — все это создает угрозу цивилизационной безопасности России.

Обрушение старого не было заменено концептуально сформулированными целями будущего. Проблема национальной идентичности не нашла отражения и в официальных документах государства.

³ См.: *Рогов С.М.* Война США в Ираке и новые вызовы // Международная безопасность России в условиях глобализации. — М., Изд-во РАГС, 2007. С. 49.

Внешний мир тоже не знает, что такое сегодняшняя Россия и как ее воспринимать: как новое государство, возникшее в начале 90-х годов прошлого века? Как наследника СССР, утратившего четверть территории, половину населения и поменявшего социализм на «периферийный» капитализм? Как продолжателя «дооктябрьской» России? Отсутствие ответов на эти вопросы приводит к тому, что Российскую Федерацию воспринимают то как «переходную страну», то как ослабевшую державу с оставшимися имперскими инстинктами, то как государство, продолжающее путь саморазрушения.

Без определения современной российской идентичности невозможно грамотно определить ни жизненно важные национальные интересы, ни сформулировать стратегию национальной безопасности. Важно довести до сознания всех, что Российская Федерация — продолжательница тысячелетней России и Советского Союза, а идентичность современного российского общества есть соединение многовековых духовно-нравственных ценностей и современных реалий.

Фактор ресурсов. XXI век будет веком обостренной борьбы за ресурсы — природные и человеческие. Геополитическую значимость приобретают проблемы энергетической безопасности. Зависимость России от мировых цен на нефть и газ серьезно влияет на состояние ее национальной безопасности. Если стоимость наших основных экспортных товаров будет низкой, то это скажется не только на темпах экономического и социального развития, но и похоронит амбициозные планы России, в частности, поставленную в 2008 г. руководством РФ задачу: вывести к 2020 г. страну в пятерку мировых лидеров.

Главный ресурс любого общества — человеческий потенциал. Многие развитые страны, не имея в своем распоряжении почти никаких природных ископаемых, являются лидерами инновационного прогресса. Прежде всего, за счет человеческого капитала.

Национальную безопасность страны невозможно обеспечить, не развивая образование, науку, культуру. Интересы России нельзя реализовать, не решив демографическую проблему. К сожалению, происходит истощение жизненных сил нашего народа, ухудшается его генотип. Согласно прогнозам экспертов ООН, численность населения России сократится к 2050 г. до 108 млн. человек. В этих условиях для обеспечения национальной безопасности РФ первостепенное значение имеют вопросы долгосрочной демографической программы и обновленная миграционная политика.

Фактор управляемости. Одним из обстоятельств, снижающих уровень международной и национальной безопасности, выступает *кризис мировой управляемости*. Международная система, возникшая после Второй мировой войны, изменилась кардинально. Возникло множество новых государств. Возникают новые центры силы. Под воздей-

ствием глобализации ослабевает роль государства, но возрастает значение и влияние негосударственных субъектов.

Как отвечают на эти и другие вызовы мировые структуры? Вяло и неубедительно. Существующие организации, призванные регулировать мировые процессы, были рождены в иных геополитических ситуациях и мало приспособлены к решению новых задач.

Многие неудачи Российской Федерации также являются результатом неотработанности механизмов управления. Ни президентские «золотые сотни», ни «серебряные тысячи», ни «бронзовые пятитысячники» не решат кадровую проблему, если не будет создана эффективная система не «ручного», а иного способа управления.

По давней русской традиции, у нас желаемое нередко выдается за действительное. Претендуем на статус великой державы и одного из мировых лидеров, но не соотносим амбициозные намерения с имеющимися ресурсами. В США на внешнюю политику в год тратят 300 млрд. долл., в Японии — более 50 млрд. долл., в Англии — около 40 млрд. долл., а в России — около 8 млрд. долл.⁴ Очевидно нарушение одного из важнейших принципов государственного управления — соразмерять цели и задачи со средствами и возможностями.

В целом же всесторонний учет внешних факторов национальной безопасности, их взаимоувязка с факторами внутренними, объективный анализ нынешних реалий и тенденций будущего — неперенное условие обеспечения защищенности интересов личности, общества и государства.

⁴ См.: Кортунов С.В. Внешняя политика России: нужен капитальный ремонт // Безопасность Евразии. 2008. №3. С. 179.

Александр НАЗАРЧУК

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Характерная черта постиндустриального общества — компрессия времени и пространства, побуждающая к переосмыслению роли пространственно-временных факторов в человеческих взаимодействиях. Постиндустриальному обществу свойствен совсем иной динамизм, чем традиционному. Изменение характера и скорости протекания процессов в экономике, политике и культуре приводит к формированию единого взаимосвязанного социального пространства и меняет условия функционирования государств, институтов гражданского общества, корпораций и индивидов. Истоки этого кроются в изменении количественных и качественных параметров информационного обмена, которое стало возможным благодаря новым достижениям информационных технологий, основанных на физике высоких скоростей и микроэлектронике. Не менее, а, пожалуй, более других сфер, процессами информатизации оказались охвачены экономика и, в особенности, финансовые рынки.

Концепция рынка, определяющая наше экономическое мышление, возникла в XVII в., теория капитала, рефлексирующая социальные основы рынка, была разработана К.Марксом в XIX в., а последнее обновление теории, трактующее рынок как комплекс свободных и регулируемых государством механизмов, принадлежит эпохе Великой депрессии, кейнсианцам и экономистам неоклассической школы. Между этими этапами лежит блестящая проработка математических моделей экономической теории, с тенденцией максимального отрешения от внешних экономической системе социальных, политических и гуманитарных факторов. Тот теоретический корпус экономической мысли, который помогает нам осмыслить реалии настоящего экономического кризиса, был разработан в эпоху индустриализма и отвечал параметрам именно этой эпохи. Мы живем в постиндустриальной среде и в информационном обществе; это должно побудить нас пере-

смотреть некоторые элементы сложившейся парадигмы и помочь взглянуть на кризис по-новому.

Постулаты традиционной экономической теории зиждутся на трактовке рыночной экономики как системы товарного обмена¹. Понятия «товар», «труд», «деньги», «рынок» и т.д. разворачивают это исходное представление. В культуре «макрообъектов» — восприятия мира через призму его предметности, объектности, вещиности, размерности — это было оправдано. Однако достаточно времени прошло с того момента, как понятия этой эпохи — объект, субъект, предмет, класс, капитализм — были поставлены под вопрос. Физика видит сегодня мир скорее через призму микромира, через призму квантовой теории, чем в понятиях механики; математика его видит скорее в терминах теории n -мерных пространств, чем евклидова пространства. Социальная теория начинает трактовать общество как сеть коммуникаций, а не взаимодействие и борьбу классов. Д.Белл, заговорив о постиндустриальном обществе, дал начало процессу пересмотра классических представлений об экономической жизни общества. В настоящей статье предлагается взглянуть на экономику как на коммуникационную систему, в которой рыночный товарообмен предстает как вид коммуникаций, а «товар» — как сообщение.

Обмен товарами и услугами — это особая коммуникативная среда, в которой средством сообщения являются деньги. Предтечей данного подхода был Т.Парсонс, который предложил рассматривать общество как систему, состоящую из комплекса субсистем, имеющих собственный функциональный смысл и оперирующих собственным средством коммуникации. Функция экономики — в адаптации социальной системы к природной среде, средство сообщения, которым опосредуются ее интеракции, — деньги. Этот подход не препятствовал, а легитимировал право на постулирование особой экономической рациональности, за которую ратовал либерализм и в рамках которой оправданы теоретические построения экономической науки.

Тем не менее, трактовка хозяйственной деятельности как коммуникации делает экономическую науку зависимой от того, как в социальной теории интерпретируются коммуникации и что они собой представляют. Индустриальная эпоха под коммуникацией однозначно подразумевала сообщения между передатчиком и реципиентом. Медиум этого сообщения — физический предмет, будь это товар или письмо в

¹ «Понятие товара — вот что позволяет подключить рыночный механизм к различным факторам экономической жизни. Товары определяются здесь эмпирически как предметы, производимые для продажи на рынке; сами рынки, опять же эмпирически, определяются как фактические контракты между продавцами и покупателями» (Поляни К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. — С.-Пб., 2002. С. 86).

текстовой форме. Начиная с эпохи развития электро- и радиотехники, это представление стало постепенно меняться: средством сообщения становится электрический сигнал.

Никакая сфера не пережила в XIX–XX веках столь стремительных преобразований, как сфера коммуникации. Еще в начале XIX века коммуникация означала физическое перемещение. Развитие парового и моторного транспорта радикально расширило представление о возможностях физических перемещений — вплоть до воздушных перевозок. При этом сутью коммуникации оставалось перемещение предметов, макрофизических объектов: индустриализм вырос на базе новых масштабов этих обменных коммуникаций. Начиная с телеграфного кабеля и завершая беспроводным радиосигналом, с понятием коммуникации стали связывать новое представление — сообщение посредством электросигнала. Электросигнал (электромагнитная волна) не нес в себе предметной, вещественной составляющей: как физическое явление он был способен нести в себе исключительно информационное содержание. Долгое время передача сигнала оставалась лишь передачей информации, даже если она преобразовала индустрию медиавещания, создала телеграф, телефон, радио, телевидение. Мгновенные сообщения помогали индустриальной экономике становиться более комплексной, дифференцированной, интегрированной, эффективной в ее экспансии масштабов и в превращении социума в общество массового потребления. На этом пути, однако, обнаружился некоторый качественный рубеж, который заставил взглянуть на вещи иначе.

Если индустриальная эпоха дала импульс развитию электрических сетей, транслирующих сигнал на воспринимающие их аналоговые электрические устройства, то во второй половине XX века настало время расцвета микроэлектроники, с ее революционными технологиями полупроводниковых транзисторов. Новая техника в кратчайшие исторические сроки стала способна не просто воспроизводить сигналы, но посредством переработки информационного содержания сигналов производить настоящие действия. Для этого, разумеется, потребовались сигналы, кодирующие гораздо более сложную информацию, чем прежде. ЭВМ, а затем персональные компьютеры на основе микропроцессоров предоставили аппаратуру, которая может обрабатывать и сохранять огромные объемы информации. А каналы связи стали способны транслировать не просто волновые частоты, как в случае аналоговых устройств, а цифровые сигналы и команды. Число уже давно благодаря искусственным языкам программирования доказало свою способность описывать реальность; отныне эти описания стало возможным *воспроизводить*, по существу, репродуцируя и продуцируя новые предметы и миры. Числа в этой коммуникационной системе сумели заменить предметы и открыли для социальной коммуникации новые возможности. Онлайн-игра *Second Life* объединяет в некоторой виртуальной реальности жизнь самостоятельных героев, прототипов реальных игроков. Но такой же игрой становится деятельность той или иной транснациональной корпорации, организующей из центрального офиса жизнь своих филиалов и производственных площадок в разных странах.

Обыденные представления говорят нам о том, что в тройственной структуре адресант — сообщение — адресат субъектами коммуникации являются адресат и адресант. Они — реальные величины, субъекты сознания, в то время как сообщение — производное их деятельности, что-то заведомо менее реальное и значимое, чем участники коммуникации. В коммуникативной системе, однако, все выглядит наоборот: коммуникацию обуславливает сообщение; его событие важнее наличия передатчика и приемника. Информацию несет в себе сообщение, а не первый и не последний. Понимая нечто как коммуникативную систему, мы мыслим в этой системе оборот информации посредством сообщений и нивелируем значение статичных элементов этой системы, трактуя их как «роутеры» — точки стыковки и перенаправления сообщений от одной точки к другой. Наиболее радикальные представители социологии коммуникации пошли по этому пути: так, Н.Луман утверждал, что «коммуницируют не люди, а обще-

ство» и «общество состоит из коммуникации, а не субъектов сознания»². Концепция сетевого общества, пусть в менее решительном виде, также переносит внимание с субъектов коммуникации на средства коммуникации и вообще не мыслит членов общества вне их коммуникации между собой.

Новая система коммуникации, объединяющая в сеть посредством широких каналов связи мощные информационные накопители (ЭВМ), создает инфраструктуру для существования общества с качественно новыми характеристиками социальных связей. Перемещение информации в этом обществе становится практически одномоментным и повсеместным. Эта информация несет в себе столь сложные интегрированные комплексы команд, что значение индивидуального человеческого решения в глобальной информационно-коммуникационной системе все более нивелируется. Социум в этой новой информационно-коммуникационной системе все более воспринимает себя как глобальное целое, преодолевая границы и многообразие локальных частей. В то же время новая коммуникационная система стремится быть все более распределенной, т.е. устраняется от построения вертикальных иерархических связей и опирается на гибкие горизонтальные связи. Общество, хочет оно или нет, воспроизводит в своей деятельности черты своей технической инфраструктуры, а именно, становится «сетевым». Эти качественные изменения нашли свое отражение и в функционировании постиндустриальной экономики, а именно, в изменении коммуникативных характеристик денег и новых качествах мировой финансовой системы.

Нынешний экономический кризис не случайно начался с финансового кризиса.

Вернемся к понятию товарообмена как коммуникационного явления. Согласно общей схеме коммуникационного акта, перемещение товара от продавца к покупателю является комплексом сообщений, в котором обменивается следующая информация: о цене товара (от продавца к покупателю), о платежеспособном спросе, о финансовых возможностях покупателя. При перемещении товара из одних рук в другие понятие собственности несет в себе информацию о покупке, т.е. получении продавцом денежного эквивалента товара, который раньше принадлежал покупателю. Передаче товара в собственность покупателя соответствует передача сообщения об изменении платежных возможностей продавца. Если иметь в виду, что передача денег является не передачей предметов, а передачей информации, то очевидно, что при покупке происходит информационный обмен об изменениях в экономической системе, об изменениях финансовых характеристик актеров и предметов.

Ключевая информационная роль при товарообмене принадлежит деньгам. Деньги — не что иное, как средство счета, количественный эквивалент обменных интеракций. Если при этом происходит передача наличных денег, последние функционируют здесь как символы, нуждаясь в материальном носителе для того, чтобы реализовывать символическую функцию знака. В отличие от других символических систем, например, языка, здесь, однако, имеется существенное отличие. Как говорил И. Кант, сказав «сто талеров», не удастся ощутить их в кармане. Привязка к материальному носителю должна воплощать в

² *Luhmann N. Was ist Kommunikation? // Он же, Aufsätze und Reden. Stuttgart, 2001. С. 94.*

этом случае ограниченность ресурсов, охваченных экономическими обмена, и реализовывать принцип «недостаточности ресурсов». Поэтому носителем денег должно быть начало, не воспроизводимое по произволу. Долгое время драгоценные металлы играли в истории денег дисциплинирующую роль, материализовывали их количество. Привязка к ограниченному в своей доступности материалу не позволяет «числу», скрытому в деньгах, обрести свободу своей виртуальной природы.

Эта дисциплина могла быть реализована другими средствами. Деньги служат средством коммуникации для участников рынка. Для денег не требуется ничего, кроме того, что позволяло бы корректно считать хозяйственные обмены. С такой же легкостью, как в отношении к золоту, деньги могут быть материализованы в деревянных палочках или на бумаге. Эмиссия денег в бумажной валюте начала практиковаться европейскими странами в XIX в., и это сразу много острее, чем в эпоху драгоценных металлов³, поставило вопрос о границах свободы репродуцирования денег. Привязка бумажных денег к золоту служила следующим в исторической эволюции денег способом дисциплинирования денежной массы. С момента введения бумажных денег вопрос о ценности денег стал политическим вопросом, поскольку быстро обнаружились механизмы управления денежной массой и их влияние на стоимость валюты и, соответственно, на макроэкономические характеристики национального рынка. Возникшее различие между деньгами наличными и безналичными, по сути, лишь обозначало два подхода к знаковому обозначению денег, однако обозначало разные формы денежного оборота, сформировало два разных денежных агрегата.

Золото, благодаря своей дефицитности, было самым надежным якорем в ходе истории денег, однако, как показал К.Поланьи, коллапс золотого стандарта был неизбежен, как только экономика стала приобретать глобальный характер⁴. Неравномерность обеспечения этим ресурсом и необходимость именно его считать универсальным мериллом денег привели, по мнению экономиста, к Первой мировой войне (1914–1918) и в последующем к Великой депрессии (1929–1933). Ценность денег в глобальной экономике не могла более определяться привязкой к *материальному* фактору, поэтому в 1944 г. в Бреттон-Вудсе была осуществлена попытка привязывания ценности денег к корзине фиксированных (конвертируемых друг в друга) мировых валют. Для этого были созданы международные институты МВФ и ВБ, в компетен-

³ Примером последствий манипулирования с металлами может служить «медный бунт» 1662 г. в Москве, восстание городских низов против выпуска медных копеек, которые с 1655 г. чеканились в качестве замены серебряных монет.

⁴ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. — С.-Пб., 2002. С. 152–182.

цию которых входила координация и дисциплинирование финансовой политики стран, эмитирующих конвертируемые валюты⁵.

Революционное значение этого шага трудно переоценить, поскольку впервые стоимость валюты определялась произвольно, без какой-либо материальной привязки, структурными факторами: посредством взаимобмена валют, т.е. в силу рыночных соотношений между ведущими экономическими державами.

На деле якорем для всех валют корзины стал доллар США, который и после войны все еще оставался привязан к золоту. Это обусловило его растущее значение в послевоенном мире в качестве мировой резервной валюты. Остальные валюты добровольно привязывались к доллару. Ниточка, связывающая стабильность мировой финансовой системы посредством доллара с золотым стандартом, не просуществовала долго. Новые условия глобальной экономики, возникшие коммерческие дисбалансы, утечка капиталов из страны сделали и для США невозможным долговременное поддержание золотой конвертируемости доллара. В 1971 г. доллар был освобожден от привязки к золоту, а с 1973 г. основные мировые валюты перешли от фиксированных курсов к гибким, или «плавающим». Ямайские соглашения стран — участников Бреттон-Вудса (1976) ратифицировали и официально признали плавающий статут валют под эгидой МВФ. Ценность денег перестала зависеть от отдельной экономики, а стала складываться как результат равновесного баланса крупных региональных рынков. И хотя тем самым устанавливался первый камень в фундамент нынешнего финансового кризиса, именно этот момент обозначает новое качественно состояние мировой финансовой системы по сравнению с тем, чем она являлась на протяжении столетий. К этому моменту изменились не только макроэкономические параметры финансовой системы, но и ее технологические характеристики как коммуникационной системы. Изменению ее коммуникативной природы предшествовали три шага, изменившие привычное восприятие денег.

Как было показано выше, дисциплинирующий механизм сдерживания денег в ходе их эволюции переходит от материальных форм к *политическим формам*, перекладывается на политическую ответственность относительно независимых национальных центральных банков. Политическое управление деньгами началось с эпохи выпуска авторизованных властями бумажных денег, т.е. очень давно. В XIX в. национальные банки начинают управлять различными агрегатами денежной массы, разными классами ценных бумаг. Чтобы сохранять курс

⁵ Первоначально речь шла о возможности для этих институтов — Международного валютного фонда и Всемирного банка — принимать меры для покрытия платежного дефицита стран — участников Бреттон-Вудса вплоть до введения санкций против стран-нарушителей.

валюты стабильным, центробанкам требуется оперативно реагировать на возникающие дисбалансы в национальных экономиках, реагируя на это монетарными методами. Оперативное управление денежными агрегатами было призвано стать более гибким и эффективным механизмом, чем жесткая привязка к материальному ресурсу, равномерность распределения которого невозможно поставить под контроль. Итог, однако, очевиден: деньги, лишившись материальной опоры, стали очевидным образом опираться на «виртуальные» основания экономического расчета и политической воли. В условиях наднациональной финансовой системы основой стабильности мировой экономики стала служить взаимная опора на «добрую волю» ответственной политики и на тесную координацию между основными игроками мировой экономики. Это был *первый шаг* изменения коммуникативной среды экономики.

Вторым шагом виртуализации денег послужило развитие международного финансового рынка. Его составляющими были: 1) интеграция экономик «первого мира», снявших многие государственные барьеры для финансовых трансакций; 2) развитие фондовых рынков и бирж, позволяющих предприятиям непосредственно выступать игроком на рынках капитала и освободивших механизмы ценообразования, т.е. создавших финансовый рынок в его современном понимании; 3) возникновение наряду с простой покупкой товара новых финансовых операций и инструментов — денежных суррогатов, ценных бумаг, долговых обязательств и деривативов, имеющих в основании некоторое «условие» покупки. В концепции финансового рынка, основные черты которого сложились еще в 80-е годы прошлого века, львиную долю сделок составляют операции с ценными бумагами.

Третий шаг в процессе «виртуализации» денег связан с их новым поведением в условиях более динамичной социальной системы, чем прежде. Статичные деньги традиционного общества, привязанные к золоту, были способны обслуживать обмен товарами. Временной протяженностью товарных обменов на традиционных рынках можно было пренебречь. Гораздо сложнее деньгам обслуживать торговлю длящимися услугами, т.е. действиями, *протекающими во времени*, поскольку деньги могут обмениваться дискретно, а протекание услуги может быть континуально⁶. Услуга имеет определенную протяженность во времени, в то время как товарно-денежный обмен во многих случаях представляет собой одномоментный акт. Поэтому услуга может быть либо предоплачена (кредит предоставляет покупатель продавцу), либо оплачена, когда уже оказана (кредит предоставляет продавец покупа-

⁶ Дискретная оплата континуальной услуги означает, что при предоплате происходит кредитование потребителя услуги, при оплате в конце — кредитование продавца. Другими словами, сама оплата выступает как взаимная услуга — взаимное кредитование друг друга покупателя и продавца.

телю). Это противоречие на теоретическом уровне можно снять, если считать денежный обмен таким же длящимся во времени актом, как и саму услугу⁷. *Деньги, понимаемые в деятельном ключе, как акт, как услуга*, — это уже не товар, подобный золоту. Они обретают временную природу, форму кредита. Поскольку сфера услуг становится определяющим сегментом в постиндустриальной экономике, то деньги в экономике используются не как всеобщий эквивалент товарно-денежных операций, а преимущественно как средство кредита. Кредит по своей природе транзакционен, он обретает темпоральность и деятельную природу.

Именно это толкование денег становится господствующим в условиях развитой рыночной экономики, когда временное бытование денег начинает задавать масштаб рыночным отношениям, превращать их в капитал, в деньги, вовлеченные в оборот, дающие постоянный прирост. Одна и та же сумма денег изменяется со временем в стоимости и, напротив, товар одной и той же ценности стоит разных денег в различные периоды времени. Рынок становится бытующим во времени организмом, жизнь которого необходимо сопровождается инфляционным фоном. Бизнес-планы предприятий должны учитывать то, что товарная масса на рынке постоянно меняется и временная изменчивость его финансовых параметров заложена в его логику. Соответственно, параметры сделок не могут быть заданы навсегда, они каждый раз должны динамически генерироваться «на лету», исходя из обстоятельств момента.

Эти новые факторы обусловили возникновение системных качеств, выделивших финансовую сферу в самобытную подсистему экономики. Становление финансового рынка как системы связано с его умением переформулировать элементы неопределенности внешней для него среды на собственный язык денег. При этом внешней для него является любая, в том числе среда «реальной экономики». Финансовые рынки постиндустриального общества автономизировались и обрели способность уходить в отрыв от реальных экономических процессов. В здоровой, работающей экономике финансовая система повышает общую эффективность экономики, делает ее более дифференцированной и взаимоинтегрированной. Однако само финансовое благополучие определяется внутренней работой финансового механизма, его собственными процессами.

Самостоятельность финансовой сферы постиндустриального общества обусловлена ее комплексностью, комплексность же — порождение внутреннего многообразия и неопределенности элементов. Финансовая система сегодня базируется на волюнтаристских решениях, на отношениях генерируемых самой системой внутренних отношений, на

⁷ Любая сделка в гражданском праве трактуется как акт, предполагающий временной момент окончания предоставления услуги и расчета за нее.

неуловимости временных определений собственных трансакций. Поиск опоры, баланса порождает собственную энергичную жизнь финансовой сферы. Зыбкость временного бытия комплексных рынков вызвала к жизни финансовые деривативы, пытающиеся охватить временное пространство настоящего и будущего. Торгуя долгами, покупатель и продавец выражают в форме настоящего денежного эквивалента «ценность» прошлого; торгуя фьючерсами, участники товарообмена пытаются дать денежную определенность будущему. Деривативы находят финансовое выражение для торговли «неопределенностью» экономических факторов и множественностью возможностей. Это уже не обычная банковская или предпринимательская торговля рисками. Поскольку предметом этого обмена являются прошлые или будущие денежные сделки, эти операции имеют финансовую природу, являются денежными обменах второго порядка, не требующими выхода за пределы чисто финансовой сферы.

В современной экономике финансовая сфера превращается в собственный мир виртуальных расчетов, эшелонированную систему «финансовых продуктов». Это особый информационный мир, и деньги здесь обнажают свою информационную природу. Деньги описывают и считают не объемы товаров и услуг, они считают сами деньги: разницу в эффективности вложений денег, инвестиционные пути в наиболее прибыльные финансовые сферы и т.д. Соответственно, ценность денег привязана именно к этим расчетам. Если прежде ценность денег была привязана к характеристикам рынка обмена товара и услуг, теперь, напротив, рынок товаров и услуг в большей степени, чем когда бы то ни было, зависит от показателей финансового рынка. Хотя деньги по-прежнему обслуживают обмены товаров и услуг, их ценность определяется совсем другими, макроэкономическими факторами, а именно, тем, что информационные потоки финансовой сферы тонко и точно отражают все процессы хозяйственной деятельности. Привязка денег осуществляется не просто к глобальному экономическому балансу, но опирается на сумму локальных балансов — балансов национальных, региональных экономик, балансов предприятий или банков. Информационная экономика делает такой расчет возможным — до определенного предела.

С точки зрения финансовой системы, деньги являются информацией об информации: на национальном уровне — информацией об экономическом состоянии эмитента, выпускающего, авторизующего деньги на локальном уровне — информацией о финансовом институте, обеспечивающем сделку. Пока деньги были привязаны к драгоценным металлам, государству-эмитенту было достаточно рубить металлы по весу, чтобы обеспечивать им денежную значимость. С переходом на бумажные деньги эмитент должен был следить, чтобы количество денег соответствовало золотому запасу страны и было эквивалентно

товарной массе. Наконец, с развитием банковских безналичных денежных отношений национальный банк должен управлять денежной массой, отслеживая макроэкономические показатели страны, регулируя порядок трансакций между хозяйствующими субъектами, представителями которых для него являются банки. Контролируя банки, национальные банки контролируют параметры финансовой системы.

Это, однако, не последний предел в развитии финансовой системы. С определенного момента развития электронных расчетов в систему безналичного расчета включились не только компании, чья деятельность внимательно отслеживалась банками, но и частные лица. Появилось понятие эмиссии дебетовых и кредитных карт как формы безналичных расчетов физических лиц.

Этот процесс зашел еще дальше, когда возникло понятие «электронных денег» — денежных суррогатов, эмитируемых самими компаниями для определенных целей, например, онлайн-оплаты услуг. С помощью механизмов взаимоконвертации эти псевдодоллары вполне успешно выполняют функции денег. Рынок приближается к логическому пункту в ходе эволюции денег, который предсказывал Хайек, говоря о «приватизации» денег: эпохе, когда право эмиссии получают также иные акторы, помимо центробанков⁸. Хотя деньги при этом, как и прежде, должны находиться под контролем национальных банков и в строгом соответствии с активами банков, все это ведет к тому, что в финансовых расчетах появится новая — предельная — степень зыбкости⁹.

Эволюция денег, произошедшая в течении XX века, конечно, была бы невозможна без того поражающего воображение развитие коммуникационной системы, о котором говорилось в начале этой статьи. По сути, развитие денег было существенным выражением эволюции коммуникационных технологий, и потому стоит говорить об изменении *понятия* денег. Процессу автономизации финансовой системы и ее освобождения от любой формы привязки к материальным ценно-

⁸ См. Хайек Ф. Частные деньги. — М., 1996. Право эмиссии денег может произойти наподобие того, как сегодня к частным фирмам в ряде стран переходит прежде исключительно «государственное» право содержания тюрем, охраны границы, приема ТО автомобилей и т.д.

⁹ См. Altvater E., Mahnkopf B. Grenzen der Globalisierung, Münster, 1996. С. 173–185. Многие аналитики говорят о наступлении в мировой экономике «четвертой фазы дезинтермедиации» банковского сектора. Первая фаза была связана с перетеканием накоплений с банковских депозитов в инвестиционные фонды, специализированные пенсионные фонды и полисы страхования жизни. Вторая фаза — это переход ряда задач и функций банков к фондовым рынкам. С началом третьей фазы были упрощены многие процессы деятельности банков в результате технологических новшеств. Дезинтермедиация банковских продуктов заключается в том, что банковские услуги, благодаря возможностям Интернета, начинают оказывать акторы, не являющиеся банками. Такие «частные деньги» вызывают необходимость изменения регулирующих механизмов денежного рынка.

стям (золота) соответствовало то, что аналоговые носители денег сменились цифровыми, что «ручные» расчеты финансовых операций сменились потоком машиннообрабатываемых данных. Деньги сегодня — цифровая информация, не существующая вне информационно-коммуникационной системы глобальной экономики. Ее носитель — не бумага, а цифровые накопители данных внутри сетевых компьютерных систем¹⁰. Плюрализм программных сред, молниеносность передачи данных, глобальность и тотальность информационных обменов превратили деньги в коммуникационный сигнал, говорящий языком битов. Деньги не привязаны более ни к чему, они выражают суть сложных системных процессов, происходящих в глобальной экономике. Ценность денег является продуктом, выходящим из «черного ящика» финансовой системы, пути формирования которого не дано предвидеть никому¹¹.

* * *

После выдвижения тезиса об информационной природе денег и их переходе на цифровые носители напрашиваются выводы о новых качествах функционирования денег, их поведения на рынке и, соответственно, поведения самих рынков. Здесь находится и ответ на вопрос, какие кризисы может порождать новая финансово-коммуникационная система и каков выход из них.

В своем знаменитом манифесте «Новые правила для новой экономики» американский экономист К.Келли изложил причины, по которым информационные технологии радикально меняют экономическую среду традиционных индустрий и поведение благ на рынках¹². Феномен «новой экономики» стимулировал некоторых экономистов пересмотреть некоторые положения, на которых зиждилась традиционная неоклассическая экономическая теория, в частности, в отношении основанных на информации сетевых благ.

Сетевое благо — товар, который обладает ценностью не сам по себе, а в сети, и который продается не сам по себе, а вместе с сетью. Факс не имеет собственной потребительной ценности; она возникает в сети факсов. Но истинный вызов для экономики происходит как раз не от сетевых благ-предметов, а от информационных продуктов, создающих сети, например, программного обеспечения. Новые свойства сетевых благ как товаров определяются прежде всего той легкостью, с которой

¹⁰ В связи с этим появляются новые свойства использования денег, но и новые неудобства. Например, возможность полной потери данных.

¹¹ См. Хестанов Р. Какую карту будущего рисуют мировые финансовые элиты // Политический журнал. 2004. № 8 (11). С. 36.

¹² Келли К. Новые правила для новой экономики / <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/ZS/KELLY.HTM>

информация может повторяться и дублироваться, т.е. свойством редундантности информации. Это свойство было присуще информации всегда, однако прежде материальные носители весьма затрудняли его проявление. Электронные сигналы, по сравнению с материальными предметами, обладают иной степенью проникновения. Главное же, они допускают множество носителей и кодеров для своих сообщений. Это может быть и перфорированная лента, магнитная запись и оптический компакт-диск и т.д. Воспроизводить эти предметы или переносить их записи оказывается много легче, чем, например, печатать бумажные деньги. То же самое можно сказать о новой скорости передачи информационных благ, о дешевизне обладания ими. Из этого вытекает общий вывод Келли, касающийся новых характеристик сети как рыночно-информационной системы.

Поведение информационного блага как «дефицитного блага» и «ограниченного ресурса» радикально меняется, как только оно оказывается в сети. В обычном случае увеличение предложения товара снижает его ценность; в новой экономике с расширением доступности и охватом сети, ценность товара, напротив, увеличивается по экспоненте. В классическом случае понижение цены ведет к уменьшению маржи, в новой экономике — чем ниже цена, тем выше может оказаться прибыль за счет выигрыша в расширении сети. Прибыль генерируется не продаваемым товаром, а предоставляемая в распоряжение сеть. Возникающая благодаря распространению товара коммуникационная сеть стимулирует повышение спроса и ценность товара. Келли называл это «эффектом факса»: «Эффект, который мы можем назвать «эффектом факса», состоит в том, что чем больше узлов в сети, тем более ценной она становится... В Сетевой экономике дефицит перекрывается снижением цены. Когда стоимость следующей копии становится совершенно незначительной, резко возрастает значение стандартов и сети»¹³. В принципе, Келли писал о проявлении эффекта масштаба, который несут в себе сетевые блага.

Переносится ли этот тезис на деньги? Деньги не существуют вне сети, они изначально являются средством сетевого обмена. Однако если бумажные деньги являются скорее предметными благами, то цифровые деньги — в полном смысле информационные сетевые блага.

В то же время деньги — товар, дефицитность которого является величиной, строго координированной с параметрами рынка. Деньги нельзя копировать, даже если их носитель копируется легко. Задачу ограничения редундантности цифровых денег выполняют системы защиты электронных транзакций, системы информационной безопасности. Глобальное расширение финансовой сети происходит посред-

¹³ Келли К. Новые правила для новой экономики / <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/ZS/KELLY.HTM>

ством не «увеличения» денег, а благодаря увеличению охвата финансовой сферы едиными стандартами, благодаря свободной конвертируемости валют. Глобальные электронные финансовые сети значительно отличаются от традиционных сетей в виде национальных рынков. Они не меняют значения денег, как это следует из тезиса Келли, но *они делают деньги другим явлением*, чем то, чем последние являлись в пределах национальных экономик. В мировой финансово-коммуникационной сети деньги *уже сегодня являются мировыми*, хотя разговор о «единой мировой валюте» пока не выходит за пределы научно-политических дискуссий. Мировые деньги объединены воедино информационно-технологическим полем. Они реагируют на изменения глобальных рынков, в первую очередь изменением соотношения курсовых стоимостей национальных валют. И делают это стремительно. Их поведение уже не находится под контролем единого центробанка, хотя координированные действия национальных банков сетевым образом влияют на поведение мировых денег. Причем, подключение к мировой финансовой системе не является добровольным; из нее нельзя и отключиться по желанию.

Глобальный рынок, связывая мир плотной финансовой сетью, перекапывая его новыми бороздами разделения труда и взаимоинтеграции, делает цифровые деньги, т.е. нынешний информационный формат денег, незаменимым мировым ресурсом — ресурсом, не принадлежащим никому в отдельности, а служащий всем, как общественное благо.

* * *

Потребность в рынке на этапе его становления возникала из ограниченной способности людей к непосредственному информационному контакту. Рынок создавал удобную информационную среду, которая, фильтруя излишнюю информацию, помогала связывать покупателя и продавца товара. Ее язык — деньги, ее сообщения — цены. Процедура связывания покупателя с продавцом имела свои затраты, транзакционные издержки, это и составляло стоимость информационного контакта. В современной информационной сетевой среде дешевеют не деньги, дешевеют транзакционные издержки. Это открывает путь новым классам сделок, немыслимым прежде, а значит, путь к возникновению новых отраслей экономики, созданию новых рыночных структур. Не только банки как агрегаторы денежных ресурсов, но и фондовые рынки, венчурные и инвестиционные фонды благодаря цифровым деньгам умножили инвестиционные механизмы, напрямую связав бизнесы и инвесторов. Не только магазины и рынки, но и биржи и аукционы стали самостоятельно связывать покупателей и продавцов. Говоря о том, что стоимость сетевых благ уменьшается, мы гово-

рим о стремлении к нулю транзакционных издержек в сетевой экономике. Финансовая коммуникативная система становится средой, в которой сообщения не встречают сопротивления. Денежные транзакции в ней осуществляются молниеносно, и расходы производителей связаны по преимуществу скорее с материальными, чем с информационными затратами. Благодаря интерактивности транзакций хозяйственным предложением покрывается именно тот спрос, который генерируется потребителями.

Экономисты школы институционализма всегда обращали внимание на теоретическую несостоятельность модели свободного рынка и те разнофакторные ограничения, которые всегда довлеют над этой моделью. Речь, однако, о другом. В системе оптимального рыночного состояния, где транзакции не встречают сопротивления, а информация мгновенно доходит до потребителей, любая помеха и информационный шум могут вызвать несоразмерный с величиной помехи конфликт и, возможно, коллапс системы. Информация — величина, обратная энтропии. Если энтропия стремится к нулю и система не обладает механизмами фильтрации помех, то на участке цепи, где она возрастает, не происходит разграничения информации и помехи. В системах аналоговых или механических помеха действует континуально, т.е. зашумляет информацию только частично. В радиоволне все еще можно отличать сигнал от шума. В системах с дискретным сигналом, цифровых, между «да» и «нет» не имеется расстояния. В ответ на помеху участок цепи дает сбой. Поэтому в электрических цепях, в отличие от механики, имеющей период инерции, выход агрегата из строя осуществляется мгновенно. Против таких поломок и нацелена сетевая организация коммуникаций, предполагающая альтернативную линию связи, если основная линия дает сбой. Однако при достижении критической массы помех легко может возникать «веерный» эффект, и тогда молниеносно выпадают целые участки сетей, а то и вся сеть.

С таким сетевым эффектом нельзя не считаться. Однако это не единственный эффект, который возникает на стыке между сетевой системой и ее несетевым окружением. Сети настроены на свой темп прохождения сигнала и широту канала. Характеристики сигнала определяются в узлах — точках приема-передачи, где, как правило, встречаются разные сигналы. На этих участках и возникают конфликты и перегрузки, которые ведут к изменениям параметров всей сети — изменению скорости прохождения, а то и вовсе к затуханию и потере сигнала. Эти нарушения в силу взаимозависимости звеньев порождают «эхо» по всей сети, захватывая одно звено за другим. Пострадать может участок, который находится очень далеко от источника конфликта и никак с ним не связан. Сетевые инженеры компенсируют эти проблемы, используя механизмы дублирования источников информации и сигнала. Например, создают «зеркало» Интернет-сайта. В мировой

финансовой системе такие возможности ограничены. Узлами этой системы являются банки, организующие финансовую сеть. Принципы информационной безопасности в банковской деятельности накладывают ограничения на ввод многих дублирующих механизмов. Поэтому вероятность информационных нарушений в глобальной финансовой сети весьма велика. Сетевое эхо вызывает снижение скорости информационных потоков. Это означает не что иное, как мгновенное сжатие и замедление мировой экономики.

Адепты «новой экономики» сделали немало гипотез относительно изменения поведения экономического механизма в новых условиях. В частности, по их мнению, должно измениться представление о цикличности экономического роста. Экономические циклы неизбежны потому, что инвестиционная логика роста, заложенная в деятельность фирм, создающих предложение, не совпадает с экономической логикой, определяющей спрос и потребление. Несовпадение одного и другого, избыток предложения порождает кризисы перепроизводства и является механизмом самокоррекции рынков. Кондратьевская теория циклов говорит о том, что несоответствия накапливаются, порождая циклические кризисы. Тезис, озвученный представителями новой экономики, заключался в том, что новые коммуникационные технологии способны в большем совершенстве отслеживать спрос, превращая производство в индивидуализированное обслуживание движений спроса. Примером служили маркетинговые технологии автомобильного производства, при которых покупатель сам определял комплектацию автомобиля и через определенный срок его получал. Оперативность коммуникационных технологий способна достичь такого совершенства, что может избежать неопределенности, порожденной временным лагом между спросом и предложением. Связь всего со всем позволяет настолько тонко выстроить экономический механизм, что экономика освободится от перекосов и конфликтов, порожденных «информационными дырами». Информация сможет молниеносно распространяться по рынку, приближаясь к его «оптимальному состоянию», о котором говорил В.Парето. Как никогда прежде, рынку дается возможность реализовать себя как саморегулирующуюся систему.

Глобализация финансовых рынков и возникновение цифровых денег, безусловно, повышает степень мобильности и гибкости экономической системы, однако не ведет к исчезновению конфликтов и противоречий, а зачастую способна их многократно усиливать. Все говорит о том, что в электронной цифровой сети циклы должны быть более длинными, однако и спад должен быть более глубоким. Восстановление экономики, самокоррекция, переход к росту будет осуществляться быстрее, однако прохождение кризиса будет более болезненным. Глобальная информационно-цифровая система, как и предшествую-

щая ей аналоговая, не является системой совершенной, лишенной внутренних противоречий и напряжений.

Нарастающие области напряженности уже достаточно четко обозначены в дискуссии о глобализации и ее последствиях. Экономическая деятельность предприятий осуществляется в политико-правовой организационной среде, которая со значительным запаздыванием откликается на требования экономической глобализации; ключевой экономический ресурс — труд — подчиняется ограничениям других сфер и не способен достигать мобильности капитала; само глобальное экономическое пространство очень неравномерно, и «освобождение» его зачастую приводит не к сглаживанию, а к обострению противоречий между Севером и Югом. Институционализм, безусловно, прав: институциональная среда всегда содержит комплекс ограничений, в которые изначально погружена экономическая рациональность и которые она не может игнорировать или же подчинить себе.

История последних двух десятилетий наглядно демонстрирует это. Индустриальная экономика опиралась на иерархические системы и линейные формы связи. Маркс, отстаивая тезис о неизбежности кризисов, имел дело с ситуацией локальных кризисов, даже когда пророчил мировую (всеевропейскую) революцию. Он недооценивал возможности координации капиталистической системы, ее гибких ответов на кризисы. В рамках системы индустриальных государств национальные экономики превратили кризисы в циклические колебания. 1929 год обозначил новый момент приобретения индустриализмом глобальных масштабов, при отсутствии средств глобального регулирования. Сегодня мы имеем дело с первым глобальным кризисом постиндустриальной экономики, возникшим в новой коммуникационной среде и инициированным множеством новых факторов. Механизмы его компенсации должны иметь сетевой характер и опираться на информационные технологии.

Великая депрессия 1929–1933 гг. приводится многими исследователями как наиболее близкий аналог нынешнего кризиса. Она была по преимуществу порождена обстоятельствами товарно-индустриального рынка, а именно, невозможностью при индустриальных масштабах производства быстро реагировать на сокращения спроса. Финансовые турбулентности следовали как результат событий в реальной экономике.

Нынешний кризис не был порожден недостатком спроса. Напротив, спрос долго оставался устойчивым, когда финансовый кризис уже много месяцев шагал по земле. Причины этого кризиса имели преимущественно финансовую природу. Массовое распространение кредита создавало искусственный — финансовый спрос, который порождал предложение в реальной экономике. Однако заемщик не выступал в качестве субъекта платежеспособного спроса на жилье. Он имел дело с финансовым предложением, и его платежеспособный спрос относился именно к этому — финансовому продукту. Субъектом спроса на жилье, хотя и опосредо-

ванно, выступали банки и покупатели выпущенных ими деривативов на ипотечные кредиты. В свою очередь, девелоперы не выступали субъектами инвестиционно обеспеченного предложения. Для обеспечения возникающего ипотечного спроса они использовали кредитные ресурсы банка. Т.е. в финансовом пространстве они имели дело с финансовым предложением и предъявляли на него спрос. Банки, порождая двустороннее предложение и обслуживая двусторонний спрос, инициировали события в реальной экономике. Прорехи спроса возникли не в реальной экономике, а в финансовой — в способности заемщиков — физических лиц, а затем и юридических лиц — возвращать кредиты. В свою очередь, это привело к недееспособности ведущих финансовых институтов, породив цепную реакцию и панику по всей финансовой сети.

Локальные финансовые проблемы, порожденные ипотечным кризисом, были усилены макроэкономическими проблемами, которые испытывает ведущая мировая валюта — доллар и ведущая мировая экономика — США. Растущий внешнеторговый дефицит, огромный бюджетный дефицит США — источник «спящих» диспропорций, разбудить взрывной эффект которых могли любые локальные проблемы американской экономики.

В конце 2002 года ФРС во главе с А.Гринспеном, борясь с дефляцией, понизила учетную ставку до 1%. Ситуацию описывает американский экономист С.Хенке: «ФРС стимулировала экономику и подтолкнула объем продаж конечного продукта к переменному росту на 7% в номинальном выражении... Популярность приобрели и краткосрочные спекуляции, при которых происходит заимствование в валюте с низкими процентными ставками и последующее вложение этих денежных средств в валюту с высокими процентными ставками. Кредиты, кредиты, кредиты... Конгресс также сыграл свою роль. В 2003 и 2004 гг. Fannie Mae и Freddie Mac, спонсируемые государством приобретатели ипотечных ссуд, оказались замешаны в скандале в сфере финансовой отчетности. Чтобы получить защиту Конгресса, они стали более охотно финансировать жилье для семей с низким уровнем дохода... Fannie и Freddie стали крупнейшими покупателями субстандартных кредитов и кредитов класса Alt-A в период 2004–2007 гг. с заимствованием на общую сумму в 1 триллион долл. и таким образом сделали значительный вклад как в раздувание жилищного мыльного пузыря, так и в свой собственный последующий крах... Я со страхом и изумлением наблюдал, как воздвигалась эта неустойчивая конструкция. Она неизбежно должна была рухнуть. Так и произошло»¹⁴.

Экономические кризисы последних лет были первыми звоночками нынешнего глобального кризиса. Локальные кризисы в Мексике, Бразилии, России, Южной Корее в 1997–1998 гг. были локализованы и преодолены. Если из системы выпадает локальное звено, система должна найти пути обхода и нивелировать негативные последствия этого. Структура мировой экономики, однако, далека от равновесности распределенной сети; в мире действуют несколько мощных центров, «три кита» — США, Европа, ЮВА (Китай и Япония), экономические проблемы которых могут

¹⁴ Хенке С. Истоки финансового кризиса. http://www.cato.ru/pages/69?id-cat=638&parent_id=4 Впервые опубликовано: Forbes. 2008. 10 November.

поглотить всю систему. И тесная связанность звеньев в цепи мировой экономики в этом случае затянет здоровые элементы в пучину кризиса.

Банковский кризис в США, кульминация которого пришлась на осень 2008 г. вместе с банкротством «Lehman Brothers», должен был повлечь за собой цепочку банкротств и тем самым локализоваться. Этого не произошло. Существующая структура мировой экономики не соответствует сетевым принципам именно в по тем основаниям, что США и их доллар занимают в ней центральное место, как держатель основных финансовых и материальных активов и как важнейший субъект спроса. Кризис породил веерный эффект по всей системе, передавая негативную информацию от цепочки к цепочке, от отрасли к отрасли, от одной национальной экономики к другой, через финансовую систему воздействуя на реальную экономику.

Удар был нанесен не столько по конкретным участникам кризиса, сколько по основаниям, на которых зиждилось здоровье созданной системы: психологическое самочувствие участников рынка. В неоклассической макроэкономической теории рациональные ожидания являются основной категорией, определяющей экономическое поведение участников рынка. Этот взгляд подтверждается в эпоху спада, когда его упреждающее ожидание является фактором, подрывающим производство. В эту концепцию можно включить и такие эмоциональные факторы, как утрата взаимного доверия и подверженность стихийным настроениям, которые стимулируются быстротой распространения информации и создают иррациональность в экономическом поведении.

Новая ситуация значительно усиливает фактор неопределенности и провоцирует участников рынка к минимизации рискованных решений, а значит, к запрограммированному экономическому спаду. «Великая рецессия», как называют нынешний кризис, изменила поведение участников рынка. Негативные ожидания и панические настроения уничтожают гораздо больше производительных сил, являющихся источником перепроизводства, чем это требуется рациональной тактикой преодоления кризиса.

Финансовый кризис, порожденный сугубо внутренними причинами финансовой системы, породил нестабильность окружающей среды в самых разных областях — реальной экономике, политике и даже психологии людей. Сегодня собрано слишком мало эмпирического материала о характере и путях как распространения кризиса, так и выхода из него. Никто не в силах оценить глубину «дна» кризиса и наиболее эффективных рычагов его преодоления. Тем не менее, современный взгляд на характер взаимоотношений между финансовой системой и реальной экономикой, на новое значение и поведение денег в экономике способен обозначить путь для экономистов в их поисках действенных подходов к экономическому управлению кризисными ситуациями в условиях новой экономики.

В сегодняшнем номере – статьи студентки 5-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ Умы Шейховой и аспиранта кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации Магомеда Умаханова

Ума ШЕЙХОВА

ЯПОНИЯ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Сегодня только ленивый не говорит о проблеме мирового финансового кризиса и каждому из нас понятно, что обсуждаться она будет еще долго. Интерес к рассматриваемой теме обусловлен возникновением и развитием новых факторов современной мировой экономики и международных отношений в условиях кризиса. Последствия кризиса находят отражение в большинстве стран мира. Но, как это ни парадоксально звучит, пожалуй, наибольшие экономические трудности в Азии сейчас переживает самая развитая страна данного региона — Япония. Возможно, потому, что, номинально являясь азиатской страной, она уже давно стала неотъемлемой частью группы наиболее развитых стран.

Чтобы получить представление о масштабах современного кризиса и оценить адекватность правительственных мер по его преодолению, оглянемся на 18 лет назад — в начало 1990-х годов. Эти годы получили название потерянного десятилетия, а сама экономика того времени стала называться «экономикой мыльного пузыря», который неизбежно должен был «лопнуть», в силу того, что экономический рост в те годы базировался в основном на спекулятивных сделках с недвижимостью и ценными бумагами. В годы потерянного десятилетия Япония столкнулась с такими проблемами, как: проблема избыточных мощностей, постоянное увеличение курса иены относительно доллара (она увеличилась со 145 иен за доллар до 80 иен за доллар в 1991 году)¹. Вместе с тем первыми признаками проявления депрессии стали обвал на рынке ценных бумаг, а также кризис банковской системы. К концу 1990 года совокупная стоимость ценных бумаг сократилась на 270 трлн. иен, что соответствовало приблизительно 60% ВВП страны, и на конец 1991 года в банках Японии насчитывалось около 110 трлн. иен плохих долгов². Столкнувшись с таким набором проблем, японское правительство и Банк Японии в первую

¹ <http://www.stat-search.boj.or.jp/ssi/cgi-bin/famecgi2>

² Там же.

очередь понизили учетную ставку процента сначала до 3% в 1993 году, а затем — до 0,5% в 1995 году. Инвестиции были направлены в общественные работы. (115 трлн. иен за 3 года — с 1991 по 1993 г.) Был снижен подоходный налог и сбор специальных налогов, несмотря на то, что данная мера отрицательно повлияла на государственный бюджет и, вместе с тем, увеличена ставка потребительского налога — с 3 до 5%.

Таким образом, в начале XXI века целенаправленными усилиями правительства и деловых кругов страны экономику наконец удалось вывести на рельсы стабильного, хотя и весьма умеренного по своим темпам, развития, а банки Японии к началу 2000-х годов списали порядка 80% плохих долгов.

В 2008 году экономика Японии вновь столкнулась с серьезными проблемами. О том, что она вошла в рецессию, говорят отрицательные темпы экономического роста, зафиксированные на протяжении двух кварталов подряд. Будучи одной из крупнейших в мире держав-экспортеров, она свела впервые за последние 13 лет в январе 2009 г. счет текущих операций с рекордно высоким дефицитом. По сообщению Министерства финансов, он составил 172,8 млрд. иен (около 1,8 млрд. долл.)³ из-за резкого падения товарных поставок за рубеж.

Чтобы ощутить масштабы кризиса в Японии, рассмотрим реальный сектор экономики.

Прибыли ведущих компаний страны в финансовом 2008 г., который завершился в Японии 31 марта, сократились на 42,8%. Электротехническая промышленность Японии смогла свести свой баланс с дефицитом, на 91,6% упали прибыли автоконцернов. На 45,8% сократились они в сфере точного машиностроения⁴.

В настоящее время экономику Японии тянет вниз автомобильная промышленность, по которой мировой финансовый кризис ударил особенно сильно, так как, вследствие кредитного сжатия, резко упал спрос на японские автомобили на зарубежных рынках.

Транснациональная корпорация Toyota Motor Co. снизила свой прогноз годовой чистой прибыли до 550 млрд. иен (5,5 млрд. долл. США)⁵, что составляет всего одну треть от объема ее прошлогодней чистой прибыли. За первый квартал этого года заводы компании будут остановлены на 14 дней, что является беспрецедентным в истории автоконцерна. А производство автомобилей в этот период будет сокращено наполовину. Такие меры руководство компании принимает, чтобы разгрузить затоварившиеся склады. Nissan Motor Co. на фоне глобального падения спроса на автомобили объявила, что сокращает на предприятиях по всему миру 20 тыс. человек — примерно 8,5% всей своей рабочей силы. Увольнения были произведены до апреля 2009 года. Также компания понесла чистые потери в размере 265 млрд. иен (более 2,9 млрд. долл.) в 2008 финансовом году⁶.

Еще один крупнейший бренд Японии — корпорация «Сони» — объявила о сокращении к марту 2009 года 16 тыс. работников, что составляет 10% их общей численности. Из них 8 тыс. — это постоянные работники и столько же —

³ <http://www.mof.go.jp/english/budget/budget.htm>

⁴ Factiva Database.

⁵ Кистанов В.О. Мировой финансовый кризис: в Азии не так плохо, как на Западе? // Россия в АТР. №4, декабрь 2008.

⁶ <http://www.reuters.com/finance/economy>

временные. Это крупнейшее разовое увольнение в рамках одной компании в Японии.

Негативная ситуация в реальном секторе экономики усиливает давление на финансовые рынки.

Вопреки сложившемуся мнению о том, что японские банки, выжившие после крупномасштабного оздоровления банковской системы 1990-х гг., вышли из нее «закаленными», устойчивыми и обладают огромным опытом функционирования в ситуации кризиса, на самом деле они снова сталкиваются с такими болезненными проблемами, как падение стоимости ценных бумаг и ростом «плохих долгов».

А так как банки неохотно выдают ссуды мельчайшим, малым и средним предприятиям, на которые в Японии приходится огромная доля ВВП (примерно 55%), а также отраслям, находящимся в депрессии, существует большая вероятность того, что в стране значительно расширится число банкротств компаний из-за сокращения потоков капитала.

Например, к ноябрю 2008 г. в Японии обанкротилось 10000 фирм. В феврале 2009 г. обанкротились 1318 компаний. Число банкротств в прошлом месяце в целом по стране возросло на 10,38% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Совокупные долги потерпевших финансовый крах японских фирм и предприятий составили 1,23 трлн. иен (свыше 12,5 млрд. долл.). Тенденция к росту банкротств и долгов продолжается уже девятый месяц подряд. В промышленном секторе разорились 244 компании, а в торговом — 222 фирмы⁷.

Проанализируем меры, которые предпринимает японское правительство для борьбы с финансовым кризисом и какие уроки оно вынесло для себя со времен «потерянного десятилетия».

Вследствие недостатка денежного предложения, Банк Японии уже принял ряд мер, чтобы предотвратить снижение экономики на еще более низкий уровень. В частности, он пересмотрел систему предоставления средств коммерческим банкам с целью дать этим финансовым институтам возможность использовать низкопроцентные корпоративные облигации, предоставленные займы и другие активы в качестве дополнительного обеспечения. Эти меры способны привести к тому, что коммерческие банки станут активнее кредитовать небольшие компании и другие сектора экономики, которые в них особенно нуждаются. Кроме того, в конце октября Банк Японии понизил свою учетную ставку до 0,3%. Однако он пока не склонен к дальнейшему снижению и опасается, что это может парализовать финансовый рынок. Поэтому новой сложной задачей в стране является стимулирование денежных потоков без обращения к процентной ставке.

Осложняют этот путь выхода из кризиса некоторые факты.

Во-первых, главная проблема экономики страны заключается в том, что ресурсы для стимулирования экономики жестко ограничены. В конце 2008 года государственный долг Японии, включающий заимствования центрального правительства и местных администраций, составил 198,6% ВВП страны. Для эффективной борьбы с кризисом стране необходимы крупные заимствования, как внешние, так и внутренние, которые в подобных условиях становятся непозволительной мерой.

⁷ Токийское кредитно-исследовательское агентство Tokyo Shoko Research.

Во-вторых, экономическая стагнация привела к резкому падению доходов от корпоративных и других видов налогов. В 2008 финансовом году правительство первоначально ожидало получить 54 трлн. иен поступлений в виде доходов от налогообложения, что по курсу на сегодня составило бы примерно 562,5 млрд. долл. Но в реальности доходы оказались меньше на 6–7 трлн. иен, т.е. примерно на 68 млрд. долл. Нехватка средств и дефицит госбюджета могут быть покрыты только за счет выпуска государственных облигаций, что опять-таки увеличится в масштабы государственного долга.

В-третьих, в стране зарождается острый политический спор между сторонниками и противниками повышения потребительского налога, который в настоящее время составляет 5%. Также рассматривается возможность повышения налога на табачные изделия. Премьер-министр Таро Асо предлагал повысить налог на одну сигарету на 2–3 иены, что привело бы к удорожанию одной пачки сигарет на 40–60 иен (приблизительно полдоллара). Однако Каору Есано — министр, отвечающий за экономическую и фискальную политику — выступил против, утверждая, что повышение налога приведет к снижению объема продаж табачных изделий в стране и, соответственно, уменьшению денежных поступлений в казну. В итоге указанное повышение было отложено на неопределенное время.

В конце прошлого года правительство Японии пересмотрело свою базовую политику формирования бюджета на 2009 финансовый год и заявило о готовности использовать государственные средства для борьбы с мировым финансовым кризисом.

Один из вариантов рассмотренного плана предусматривает выделение 10 трлн. иен в течение трех лет в качестве специальной бюджетной статьи, свободной от ограничений, накладываемых на обычные статьи расходов. В соответствии с этим вариантом в течение трех лет, начиная с бюджета 2009 г., ежегодно 3 трлн. иен будут расходоваться на создание рабочих мест и оказание помощи безработным.

Другая опция состоит в формировании дополнительного бюджета, который не будет подпадать под строгие лимиты расходов, применяемые к базовому бюджету⁸.

Чтобы справиться с нарастающей проблемой банкротств, в конце января правительство Японии запустило программу стоимостью 16,7 млрд. долл., направленную на выкуп акций компаний, оказавшихся в трудном положении в условиях экономического кризиса. Банк Японии уже покупает долги компаний, чтобы дать им доступ к ликвидности, власти также расширили возможности кредитования частного бизнеса. Но эти меры пока не переломили весьма сложную ситуацию в экономике.

В целях повышения внутреннего спроса парламент Японии 4 марта принял закон о назначении всем жителям страны единовременного пособия. Каждый подданный страны теперь получит экстренное пособие в 12 тыс. иен (около 120 долл. США) и в сумме составит 20 млрд. долл. бюджетных средств. Однако, вероятнее всего, помимо стимулирования экономики, подобные меры призваны привлечь избирателей на сторону правящей коалиции и помочь ей выиграть всеобщие выборы, которые в Японии нужно обязательно провести до сентября будущего года, поэтому относиться к данной мере следует весьма скептически.

⁸ <http://www.reuters.com/finance/economy>

Меры, которые правительство Японии намеревается разработать в скором времени, будут включать в себя два четко структурированных пакета, действующих как на уровне граждан, так и на уровне предприятий: во-первых — финансовые меры для поддержки уровня жизни граждан, гарантий занятости и жилья — и, во-вторых — меры для обеспечения денежного оборота предприятий.

Меры из первого пакета призваны ослабить социальную напряженность из-за многочисленных увольнений внештатных сотрудников, которые зачастую сопровождаются потерей ими права на корпоративное жилье. Например, правительство может выплачивать работодателям на каждого уволенного определенную сумму в месяц для сохранения за ним жилья в течение какого-то времени. А в случае, когда уволенный сотрудник будет вынужден искать себе новое жилье, ему может быть выдана низкопроцентная ссуда для вселения в новую квартиру и на первоначальное обустройство.

Второй пакет мер предполагает расширение участия государственного капитала в финансовых институтах и обеспечение беспрепятственного оборота средств предприятий с помощью государственных финансовых институтов. Например, может быть продлен срок выдачи кредитов компаниям под их собственные облигации и векселя, чтобы избежать стагнации производства, или упрощена схема получения кредитов малыми и средними предприятиями.

Магомед УМАХАНОВ **КОНФЛИКТ СТРАТЕГИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Этнополитическая проблематика современной России является одной из тех социальных реальностей, которая оказывает существенное влияние на общественно-политическую жизнь страны. Растущая роль этнонационального фактора связана с той активной ролью, которую играют межэтнические, межнациональные взаимодействия в качестве одной из основополагающих реалий, определяющих ту или иную меру политической стабильности в обществе и стране. При этом и власть, и общество располагают значительными возможностями для того, чтобы межэтническое взаимодействие стимулировало и обогащало динамику развития российского общества, каждого из народов Российской Федерации. Однако следует признать, что межэтнические отношения — наиболее противоречивая, слабоконтролируемая сфера общественно-политических отношений.

Особенно трудно поддается политико-правовому регулированию та сторона межэтнических отношений, которая охватывает сферу непосредственных межличностных контактов. Может быть, именно поэтому потенциал позитивных возможностей межэтнических отношений не реализуется в полной мере из-за стихийного роста масштабов межэтнического общения, вызывающего обострение противоречий в данной сфере общественно-политических отноше-

ний. Причем, они нередко сознательно и целенаправленно провоцируются определенными политическими силами. Впрочем, есть и объективные причины усиления конфликтности межэтнического взаимодействия. Речь в данном случае идет о том, что происходит стремительный рост масс людей различных национальностей, которые вовлекаются в процессы межэтнического взаимодействия, будучи, как правило, неподготовленными к общению с носителями иных традиций, культур и конфессий.

Столь сложные и масштабные процессы в обществе должны регулироваться органами государственной власти с позиций общенациональных интересов, включая интересы защиты прав и достоинства человеческой личности, ее этнокультурных особенностей и интересов. Между тем, неконтролируемый характер стихийных массовых межэтнических контактов нередко превращает общение в пространство провокативных действий, нацеленных на межэтническое разобщение людей, создание ситуации межэтнического противостояния. В основе их обнаруживаются проявления конкретных националистические, национал-шовинистических стратегий межэтнической розни. Им, в свою очередь, противостоит гуманистическая стратегия толерантного межэтнического сотрудничества и социокультурного взаимообогащения.

В зависимости от приверженности к тем или иным идеологемам одни люди вступают в общение, руководствуясь идеей собственной национальной исключительности, проявляя высокомерное отношение к другим национальностям. С иных — космополитических — позиций национальные особенности расцениваются в качестве пережитков прошлого, что вызывает ответную протестную реакцию. Третьи участвуют в межэтническом общении, основываясь на признании равенства и равноправия народов, равноценности национальных культур и национальных идентичностей.

В первом случае, как правило, утверждаются дискриминационные позиции, во втором — пренебрежительное отношение к инациональному. И лишь в третьем — возможны уважительные партнерские отношения между различными национальностями и их отдельными представителями.

Опыт новейшей политической истории России наглядно свидетельствует: национализм, с присущим ему антидемократизмом, отрицает равноправные взаимоотношения между народами и национальными культурами, что ведет их к неизбежному противостоянию. В основе этой стратегии — абсолютизация национальных особенностей и интересов, этноцентризм — как специфическое отношение к окружающему миру. Космополитизм с характерным для него анархистским отрицанием межэтнических реалий и различий оборачивается отрицанием значимости этнических традиций и границ, что не может служить надежным основанием стабильных и полнокровных межэтнических отношений. Лишь подлинно патриотическая парадигма, сочетаемая с интернационалистскими идеями равноправия и равноценности народов и культур, может служить основой межэтнической солидарности и сотрудничества.

Одним из опасных заблуждений, культивируемых определенными политическими кругами, является представление о национализме как единственно верной идеологической и политической практике, включая своевольные, эгоцентристские интерпретации национальных ценностей и интересов, позитивный характер межэтнических отношений. Исторический опыт 1980–1990-х гг. свидетельствует, что национализм не развивает и не обогащает, а деформирует

национальное самосознание людей, их политический образ жизни. В итоге, обостряются, провоцируются межэтнические отношения, рознь и конфликты.

Есть своя закономерность в том, что национальное самосознание народов в ходе радикальных общественных изменений в стране превратилось в арену идеологических и политических противоречий между патриотическими и националистическими тенденциями, между гуманистическими, демократическими идеалами и шовинистическими, национал-сепаратистскими идеями, взглядами и политиками. Национализм как идеологический и социально-психологический феномен, обнаружив способность к активной социально-политической мимикрии, нередко паразитирует на демократических процессах и лозунгах и на деле используется в качестве инструмента насаждения межэтнического недоверия и розни. «Возрожденческие» процессы националистического прочтения истории, волюнтаристское переосмысление существующих этнополитических реалий, этноцентристские интерпретации права народов на самоопределение обнажают атмосферу идеологической и политической вседозволенности в межэтнических отношениях.

Негативным тенденциям в сфере межэтнических отношений противостоят гуманистические идеи, ценности и традиции. Они ориентированы на нравственные и правовые критерии этнонациональной политики, на приоритет человечности и межэтнической солидарности между людьми разных национальностей, признание законности реальных национально-специфических интересов в каждой национальности.

Гуманизм в сфере межэтнических отношений предполагает признание ценности человека как личности, ее прав на свободное развитие и проявление своих способностей, независимо от этнических корней и расовых особенностей. Проводить национальную гуманистическую политику — значит регулировать межэтнические отношения с учетом интересов всех участников взаимодействия. Гуманизм в политике означает последовательное проведение принципов справедливости и свободного выбора в межэтнических отношениях. Базовая идея гуманизма — создание благоприятных условий совершенствования возможностей и способностей человека, в том числе в сфере межэтнического взаимодействия и сотрудничества; свободы выражения этнонациональных интересов, традиций и ценностей; защита национального достоинства, прав и гражданских свобод каждого человека. Что же касается государства, то для его этнонациональной политики первоочередной задачей является обеспечение, удовлетворение потребностей, жизненных интересов людей, независимо от их расы, социального положения, национальности, вероисповедания.

Одной из наиболее актуальных задач государственной власти в настоящее время является обеспечение безопасности в сфере межэтнических отношений. Недостаточно учитываются последствия быстрых изменений этнической структуры многих регионов страны, демографического дисбаланса в ряде регионов, связанного с миграционными процессами, включая трудовую миграцию и вынужденное переселение. Они, в свою очередь, сопровождаются пересечением межэтнических границ представителями различных национальностей и проблемам этнокультурной адаптации. Нельзя не заметить недостатков в информационном ресурсе государственной этнонациональной политики, призванной прогнозировать ситуацию, запрещать пропаганду национальной неприязни, публично осуждать насилие в межэтнической сфере.

При огромном позитивном интеграционном потенциале культура межэтнического общения, ее возможности, принципы и нормы реально не используются в ходе непосредственного взаимодействия различных национальностей. Между тем, в работе по реализации духовно-интеллектуального потенциала культуры общения ведущая роль принадлежит политическим институтам общества и, прежде всего, государства, в лице его законодательных, исполнительных и судебных органов. Государство разрабатывает законодательные нормы, определяющие поведение граждан; формирует и закрепляет национальные, политические символы; осуществляет национальную политику, отвечающую интересам всех народов России, защищает права и свободы граждан в сфере межэтнических отношений. Судебные органы, в свою очередь, призваны стоять на страже интересов, прав и достоинства граждан различных национальностей.

Наряду с государством и в тесном с ним взаимодействии, в регулировании межэтнических отношений, формировании культуры межэтнического общения участвуют общественные организации. В первую очередь, это политические партии, религиозные институты, общественные организации и движения. Они призваны закладывать основы толерантных отношений, формировать этику поведения в многоэтнической среде. Значительные возможности для достижения межэтнического согласия и развития культуры межэтнического общения имеются у органов местного самоуправления. При этом следует заметить, что уровень культуры общения отражает не только характер поведения отдельных людей, но и уровень развития каждого данного сообщества, его образа жизни, гуманистического сознания.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что цель и культура общения заключаются в том, чтобы служить одним из способов саморегуляции межэтнического взаимодействия посредством нормативного (культурно-бытовая традиция, моральные, этнические правовые нормы) регулирования. Особенно важен учет связи культуры общения с опытом и традициями предшествующих поколений. Вместе с тем, необходимо радикальное обновление и обогащение культуры межэтнического общения либеральными демократическими ценностями в сочетании с толерантностью и культурой мира. При этом необходимо поощрять развитие и распространение ненасильственной ментальности и терпимости. Особенно в работе по профилактике этнического и религиозного экстремизма, когда этнополитическая ситуация находится под контролем органов государственной власти и не грозит перерасти в межэтнический конфликт.

Гуманистические ценности и традиции общественно-политических, межэтнических отношений складывались веками и конституированы в современных важнейших международных правовых документах и политических декларациях (Устав ООН, документы ОБСЕ и т.д.). Воплощены они и в Конституции Российской Федерации. Вопрос в том, чтобы неукоснительно и последовательно осуществлять их в реальной политической и правовой практике на всех уровнях межэтнического взаимодействия и общения.

О XVII ЕЖЕГОДНОЙ АССАМБЛЕЕ СОВЕТА ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

11–12 апреля 2009 г. состоялась XVII ежегодная Ассамблея Совета по внешней и оборонной политике — традиционный весенний форум этой старейшей общественной российской организации, сплотившей в своих рядах представителей политологической элиты страны, занимающихся проблемами внешней политики, безопасности и обороны, включая действующих политиков, представителей военно-промышленного комплекса, науки и средств массовой информации. Широко был представлен МИД России. В заседании Ассамблеи в качестве официального гостя принял участие министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров, а также его заместители, члены СВОП Александр Грушко, Александр Яковенко, Сергей Рябков.

Темой обсуждения на этот раз стала «Россия и «старый» Запад: как окончательно завершить «холодную войну»?»

В своем выступлении С.Лавров, отметив актуальность обсуждаемой темы, высказался в том духе, что Россия вышла из «холодной войны», но инерция политики «холодной войны» и ее рудименты в международных отношениях остались. Особое внимание он сосредоточил на тех проблемах, которые стоят сегодня перед российской дипломатией в контексте обсуждаемой темы, подчеркнув при этом конструктивный подход внешней политики России, готовый внести свой вклад в конструирование нового мирового и общеевропейского порядка.

На американском направлении «перезагрузка» отношений вызывает сдержанный оптимизм, но США не намерены отказываться от политики сдерживания России, как одного из конкурентов. Одним из приоритетных направлений для взаимодействия с США станет ситуация в Афганистане.

На европейском направлении Россия не намерена участвовать в проектах, разрабатываемых без ее участия. К сожалению, заметил министр, многие наши инициативы, в том числе предложение президента Медведева о новой концепции европейской безопасности, хотя и не отвергаются напрочь, но не встречают должного внимания со стороны Европы и потребуют длительной и напряженной работы по их продвижению.

Говоря о регионе Центральной Азии, Лавров подчеркнул, что этот регион ключевой в вопросах урегулирования всех проблем в Афганистане. В России понимают интерес к этому региону США и Китая, и Москва не хочет, чтобы этот регион рассматривался как чья-либо сфера влияния.

Дискуссия в рамках обсуждаемой темы развернулась не на шутку. Свою точку зрения на роль и место «холодной войны» высказали в своих докладах послы Анатолий Адамишин и Юлий Квицинский, председатель президиума СВОП Сергей Караганов, независимый политик Владимир Рыжков. Можно ли говорить о победе Запада в «холодной войне», нюансы западных подходов в этом вопросе, почему структура международных отношений после окончания «холодной войны» так и не смогла обеспечить стабильность — по всем этим вопросам мнения хотя и значительно различались, но все же сходились в главном: Запад мало что сделал для того, чтобы «новая Россия» стала частью формируемого в постхолодный период мирового и общеевропейского порядка.

Но, пожалуй, главное внимание участников дискуссии вызвала взаимосвязь системы международной безопасности и экономической системы, особенно остро проявившаяся в период нынешнего кризиса.

Одно из заседаний было посвящено обсуждению новой европейской архитектуры безопасности. Докладчики Константин Косачев, Игорь Юргенс, Владимир Барановский, Тимофей Бордачев в рамках этой темы подняли широкий круг проблем. В частности, о роли НАТО на нынешнем этапе мирового и европейского развития, плюсах и минусах американской гегемонии в европейских делах. Подробно и всесторонне обсуждены новые российские инициативы по реформированию общеевропейской системы безопасности.

На заключительном заседании Ассамблеи с большим интересом был заслушан доклад главы Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству Фарита Мухаметшина о российской гуманитарной внешней политике.

На организационном заседании Ассамблеи в ряды СВОП был принят ряд новых членов. В частности, членом этой организации стал заместитель директора Института стратегических оценок и анализа Алексей Денисов.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В обсуждении проблемы участвуют доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Московского гуманитарного университета В.А.Луков, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии В.И.Толстых, доктор философских наук, профессор Московского гуманитарного университета О.В.Долженко. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С.Гуревич.

П.Гуревич. Сто тридцать лет назад русский философ А.С.Хомяков писал:

*Бесплоден светлый дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука.*

Наверное, кощунственно переделывать написанное, но если бы сегодня какой-нибудь энтузиаст задумал выразить современные нравственные представления, строчки получились, судя по всему, иные:

*Бесплоден темный мир святыни,
Слаба молящихся рука,
Но прочно злато, сталь крепка.*

Как произошла чуть более чем за столетие такая радикальная травестия моральных взглядов? Почему сегодня так много говорится о могуществе капитала, о неоспоримом праве сильного перед слабым, о радикальном одичании народов, о бездуховности и крушении абсолютов?

Попробуем локализовать нашу дискуссию. Хотелось бы понять, почему сегодня, когда разразился глобальный кризис, многие проникательные эксперты предлагают говорить о природе и духовных основаниях капитализма, о необходимости нравственного возрождения людского рода? При этом обнаруживается значительный разброс мнений. Некоторые авторы убеждены в том, что капитализм как формация исчерпал себя и поэтому следует искать новые цивилизационные формы человеческого существования. Другие исследователи, напротив, видят конкретные пути морального оздоровления современно-

го общества путем возвращения протестантского этоса или как-то иначе. В этом свете возникают вопросы:

- Нужна ли нам мораль?
- Как соотносятся между собой мораль и право?
- Чья точка зрения на капитализм — К.Маркса или М.Вебера — оказалась исторически правильной?
- Сохраняет ли себя протестантский этос в качестве духовного фундамента капитализма?
- В чем проявляется аморальность современного образа жизни?
- Кого винить в нравственной деградации общества?
- Каково преобразование морали в современном мире?

Нужна ли нам мораль?

В.Толстых. Начну с вопроса: нужна ли нам мораль? Догадываюсь, что для моих коллег такое начало может вызвать недоумение. Но меня давно уже интересует и волнует именно этот вопрос, на мой взгляд, вполне жизненно-практический и очень актуальный для современной России. А возник он и был инициирован провалом «политики реформ», начатых нашими неоллибералами, в составе которых было немало «прозревших» партийцев и комсомольцев.

О.Долженко. Разве моральный кризис инициирован только либералами?

В.Толстых. Для начала поговорим о либеральной России. К началу нового века и тысячелетия страна оказалась, без преувеличения, в апокалиптической ситуации преддефолтного состояния буквально по всем статьям и параметрам своей жизнедеятельности — смертности и рождаемости, производительности труда и роста ВВП, социальной несправедливости и духовного одичания, короче — выживания, что мною было откровенно зафиксировано и обозначено в заметках «В Россию нужно не только верить», опубликованных в книге-сборнике «Слово не воробей... Сто откровений современной российской элиты», выпущенной издательством ПанЪинтер в 2001 году. Позднее я продолжил эту тему в книге — аналитическом докладе «О стратегии российского развития» (Русский путь, 2003). Этими подробностями хочу отметить лишь мой давний и пристальный интерес к вынесенной на обсуждение теме. Характеризуя общество и государство, возникшие на обломках обрушенного Советского Союза, я особо выделил состояние сферы общественной и индивидуально-личностной морали. Кратко плачевный результат «возрождения» России, как тогда писали, выразился в нижеследующей констатации. Все годы реформирования были прожиты как бы вне и без морали, и мы настолько привыкли к «отсутствию ее присутствия», что, кажется, и не нуждались в ней — и в политике, и в экономике, и в повседневном обиходе.

В.Луков. Простите, Валентин Иванович, вне и без морали общество жить не может. Вы ссылаетесь на собственные публикации, значит, запросы на нравственность были. Сами-то вы не были вне общества. Это, во-первых, одичание не было всеобщим, если вы осознавали этот процесс распада нравственности. Вероятно, были и другие публицисты и этики, которые возвышали свой голос против озверения общества. Во-вторых, конкретное расхождение

между реальной жизнью и моралью было всегда. Сенека, как известно, призывал к аскетизму, а сам жил в роскоши. Можно ли назвать его жизнь праведной? В-третьих, мораль всегда существует в скрытом виде. Она может выражаться, к примеру, в той боли, которая сопряжена, как вы говорите, с «отсутствием присутствия» нравственного поведения. И, наконец, в стране живут десятки миллионов людей. Они представляют различные группы населения. Стоит ли обобщать ситуацию, говоря о нравственности общества на основании практики социальных верхов и тех, кто пытался адаптироваться к новым условиям жизни?

В.Толстых. И все-таки пренебрежение простыми нормами нравственности и справедливости, тем более, моральными абсолютами Библии или Корана было в то время настолько очевидным и откровенным, что ныне мы разучились жить по совести, подменяемой сплошь и рядом «понятиями» экономической выгоды, политической целесообразности и просто «так хочу». Поэтому без конца реформируем экономику, политику.

П.Гуревич. Томас Карлейль еще в XIX веке утверждал, что любая реформа, кроме нравственной, бесполезна.

В.Толстых. Скажу и об этом. В ситуации сплошной вседозволенности, стыдливо прячась за спасительную формулу «разрешено все, что не запрещено», когда всем верховодит принцип «все продается и все покупается», воцарилась практика жестоких, в том числе и безмотивных или откровенно грабительских убийств. Явочным порядком, фактически нормой существования общества стали моральное одичание и безразличие к судьбе страны и другим людям. Отметим и подчеркнем, что речь идет не о замене «старой» морали «новой», не о рождении новой нравственной нормы поведения и бытования, а именно об отказе от морали и моральной солидарности как таковых.

О.Долженко. С таким манифестом никто не выступал...

В.Толстых. Перечитайте сборник «Иного не дано». Год выпуска — 1988. От морального кризиса не застраховано ни одно общество. В условиях революционного или «контр»-переворота с моралью вообще никто не считается, даже общество и страна, слышавшая вполне цивилизованной и культурной. Но своеобразие нашего российского морального кризиса заключалось в том, что, возникнув в условиях глубокого институционального и ценностного разлома, он изначально не нес в себе никакой моральной альтернативы прежнему состоянию общества. Спросите у «новых русских», какую нравственную норму бытия предлагают они взамен отвергнутой, «советской», и вы услышите в ответ одно лишь мычание.

О.Долженко. Насчет мычания вряд ли. Может быть, станут говорить о моральности пользы, расчета, успеха.

В.Толстых. Здесь, скорее, интересы, нежели святыни. Нулевой градус моральности и объясняет наше безоглядное и бессмысленное восприятие и усвоение наихудших образцов чужой или чуждой нам культуры и образа жизни. Зато глухих к действительно прогрессивным и гуманным акциям зарубежной общественности, вроде той же кампании «чистые руки», не говоря уже о «чистой совести». В своих изначальных программных заявлениях и обращениях президент Путин, помнится, первым заговорил о необходимости морального возрождения России, но, видимо, более важные задачи и пробле-

мы вышли на первый план, и потому до сих пор не видны сколько-нибудь серьезные и видимые знаки морального оздоровления общества и нации. Зато очевидны все те же лица и те же «икарийские игры» в политику, моралью и не пахнущие.

О.Долженко. Запах морали. Интересно.

В.Толстых. А как отразить ее присутствие в общественном пространстве? По сей день считаю, что духовный кризис 1990-х годов с особой наглядностью и остротой проявился именно в сфере морального сознания и поведения, навевая такой неэстетичный образ. Впечатление такое, что в стране прорвало центральную канализационную трубу, и все, что в ней направлялось к стоку, вылилось наружу, и мы все вынуждены в этой жиже барахтаться и жить. Пренебрежение моральными императивами и разгул безнравственности достигли такого уровня, что общественность всерьез заговорила о возможности морального дефолта. Аморализм стал «родимым пятном» российского капитализма. Суровость этой оценки объясняется не только консервативностью моего нынешнего умонастроения, но, прежде всего, высотой и значимостью авторитета морали, место и роль которой в истории человечества и обществе явно недооцениваются. И главное — не сводятся к морализаторству. Мораль — это мощное, изобретенное самим человечеством средство очеловечивания самого общества и отдельного индивида.

П.Гуревич. Давайте условимся: каждый социальный факт может быть рассмотрен с правовой, прагматической и моральной точки зрения. Когда Кант говорит о способности суждения, он имеет в виду поиск основания, дающего право прибегать к оценке события или явления. Можно судить по закону, но можно и по совести. Не исключено также, что интересы вытесняют и право, и мораль. Закон может оказаться бездушным, суровым. Народная артистка Китая, как оказалось недавно, скрывала свои доходы и недоплатила налоги. Ее приговорили к смертной казни. Но, учитывая ее заслуги в искусстве, заменили приговор пожизненным заключением. Кому-то покажется, что такое решение аморально: жизнь не идет ни в какое сравнение с утаиванием доходов. Но с точки зрения закона здесь все правильно. Есть прагматическое оправдание. Не следует прощать экономическое преступление, если оно наносит ущерб обществу. Еще один пример, и тоже из китайской действительности наших дней. Богатый предприниматель изнасиловал сельскую девушку. Крестьяне потребовали от губернатора, чтобы тот наказал преступника. Но власть медлила, колебалась. Не правда ли, сюжет, знакомый по фильму «Ворошиловский стрелок»? Так вот. Рассерженные сельчане сожгли особняк насильника в порядке самосуда. Как оценить эти факты? Китайские власти сняли с работы губернатора, осудили насильника, а по отношению к крестьянам никакой кары не последовало. Но ведь они тоже нарушили закон. Здесь в силу вступили и некие традиционные моральные императивы, связанные со справедливостью.

В.Луков. Следовательно, мы не можем судить о событиях в обществе, находясь лишь в рамках строгой моральной доктрины. Либералы, затеявая реформы, не выступали от имени цинизма и нигилизма. Они руководствовались своим пониманием исторического момента. В Лондоне стоит памятник Кромвелю. Но ведь он отрубил голову английскому королю Карлу I. С этой точки

зрения он душегуб. Но он действовал в определенной исторической ситуации и подчинялся логике своего времени. Не окажется ли, что в истории действуют одни преступники, предатели, каратели, подлецы, кретины, если мы станем подвергать других моральному суду, разместив себя в некоем внесоциальном пространстве?

В.Толстых. Законная постановка вопроса. Но тогда давайте обратимся к происхождению морали. К сведению тех, кто этого не знал или до сих пор не знает, нравственность человека началась, «зародилась», не с разрешений, а с запретов и ограничений (сначала запрета людоедства, потом — инцеста и т.д. по всему реестру людских соблазнов и грехов). И воздействие морали — порой весьма жесткое и непримиримое — отнюдь не зло, а благо. В отличие от любого проявления морализаторства, коему любят предаваться и власть, и послушное ей население, особенно в виде выпуска «пара» не только на кухнях, но и на общественных трибунах. Так, морализаторство стало неотъемлемой частью и инструментом советского идеократического мышления и образа жизни. И все же во всех учреждениях на видном месте висел «Моральный кодекс строителя коммунизма», где перечислялись хорошие, «желаемые» гражданские и человеческие качества, кстати, во многом совпадающие с добродетелями и достоинствами Нагорной проповеди. Над этим можно иронизировать, но остается фактом, что морального суда и приговора боялись не меньше (часто — больше) административного наказания или уголовного преследования.

О.Долженко. Но ведь это разные вещи: висели нравственные предписания и люди боялись морального суда. Секретарь Курского обкома партии много лет занимался приписками, слыл замечательным руководителем, получал ордена и звания, а потом после разоблачения был вынужден покончить жизнь самоубийством. Чего он больше боялся — морального суда или крушения карьеры?

В.Толстых. Но ведь вы не станете отрицать, что в 1990-х годах возникла парадоксальная ситуация: мораль явно увяла, сникла и даже морализаторство утратило былую утверждающую и обличительную силу. Коммунистическая мораль была ниспровергнута, уступив место религиозной проповеди, и это в стране, где число верующих к тому времени не превышало 5% населения. Светское общество лишилось важной институциональной (социальной) опоры и воздействия. В общественных документах вы не встретите, за редчайшим исключением, моральных оценок и суждений в анализе экономических, политических реалий и культурных процессов. Я не помню случая, чтобы кто-то из госслужащих и общественных деятелей попробовал оценить какой-то поступок с морально-этической стороны, назвав его «аморальным», а поведение человека — «бессовестным». Общественная мораль молчит, либо глухо, «не слышно», ворчит, и всюду заявляет о себе свобода безобразничать, как правило, не получающая никакого общественного отпора.

В.Луков. Свобода безобразничать получала отпор, к примеру, в ваших публикациях. Но ведь и не только. Кстати, прорабы перестройки, затеявая преобразования, в официальных документах не обходили этические проблемы.

В.Толстых. Это на уровне слова. В те годы наша этическая наука и публицистика повернулась «телесным низом» по отношению к реальной действи-

тельности и практике «капиталистического переустройства». Под знаком и сводами «свободы» появились и стали процветать всевозможные превращенные формы и обратные общие места: спекуляция уже не спекуляция, а вид посреднической предпринимательской деятельности; то, что именовалось прежде коррупцией, просто взяткой и вымогательством, называют «соглашением сторон», «дополнительной платой за услугу», «благодарностью» и т.д. Вышли из моды, вообще из обихода, понятия скромности, порядочности, стыдливости, а героями жизни и телеэкрана стали проходимцы, проныры, льстецы и лицемеры. Уже без тени юмора, всерьез могут спросить или сказать: «Если вы такой умный, то почему вы такой бедный?» Интересно узнать и понять, как эту морально-этическую ситуацию воспринимает, оценивает и определяет современная этическая мысль и наука? Каковы дальнейшие перспективы морального состояния российского общества и что последнее может предложить в качестве «рецепта» его нравственного оздоровления?

Мораль и право

П.Гуревич. Я согласен с Валентином Ивановичем относительно демаркации морали и морализаторства. Но вот что меня смущает. Неолибералы подвергли радикальной критике нравственность советского общества. Утверждая плюрализм, они изложили свои представления о морали в книге с парадоксальным названием «Иного не дано», которую упомянул Валентин Иванович. А.Бовин в этом сборнике писал: «Кричащая немота была не страшным сном, а страшной явью. Десятилетия торжествующей лжи, красноречия, духовной неподвижности обрекали правду на косноязычие, невнятицу». Пришло другое время, и мы заговорили об аморальности самих либералов. Трудно оспорить то, что говорил здесь Валентин Иванович. Ведь это либералы в захваченности агрессивным морализаторством требовали уничтожить инакомыслящих. 42 интеллигента либерального направления подписали манифест в 1993 году с грозным наказом власти в духе Вольтера — «Раздавить гадину». Неогосударственники вот уже почти десятилетие подвергают морализаторской критике либералов.

Но вот наступил мировой кризис и теперь немало публикаций о том, что именно государственники погубили нравственность. Всеобщая продажность, коррупция, высокомерие властей, попрание справедливости. Коррупция стала политикой. Можно ли продвинуться по карьерной лестнице без взяток? Вряд ли... А реализовать передовую идею без чиновничьего выкупа? Так какой смысл вообще говорить о нанотехнологиях и разных новациях! В этой связи хотелось бы понять, кто же является носителем морали? Неужели только победители, временщики, очередные хозяева жизни? Верно ли, что в истории царят лишь разные лики морализаторства, а настоящие святые служат только для прикрытия корыстных интересов тех или иных людей? Отчего экспансия агрессивного морализаторства привела парадоксальным образом к снижению уровня нравственности? Все требуют морали, а она исчезает, как шагреновая кожа. Нет ли возможностей перейти от общей критики аморальных злодеев к анализу социально-исторических закономерностей развития морали?

В.Луков. Владимир Сергеевич Соловьев писал о том, что исторический опыт застает человека уже восполненным некоторой общественной средой, и затем — что вся история есть лишь возвышение и расширение той двусторонней, лично-общественной жизни. Иначе говоря, действительно в истории моральной может оказаться некая социальная сила, выражающая новые социальные представления. Но после ухода с исторической арены или даже в момент кризиса она становится объектом критики. Однако мораль вовсе не условна, не исчерпывается конкретной эпохой. Критерием здесь могут служить универсальные идеалы, выражающие, по мнению самого Соловьева, человеческую природу. Но вопрос, прежде всего, заключается не только в том, каковы нравственные установки того или иного общества. Можно говорить также о том, насколько укоренена мораль в жизни конкретного социума. Ведь общество держится не только на морали. Оно реализует также интересы, правосознание...

П.Гуревич. Мы уже назвали эти, по крайней мере, три скрепы общественного сознания: интересы, права и ценности. Сторонники перестройки в нашей стране в свое время много говорили об интересах различных социальных групп. Они исходили именно из примата эгоистических интересов людей. О нравственных императивах говорилось меньше. Демократы были убеждены в том, что они владеют инструментами общественного преобразования. Главное — установить рыночные отношения, запустить механизмы демократии. О духовности, справедливости, сострадании говорилось мельком. По случаю. Но ведь именно ценности встают на пути интересов, когда те утрачивают нравственное измерение. Реализуя свои цели, предприниматель, как и обычный гражданин общества, может сказать себе: «нет, так я поступать не буду, это противоречит моим нравственным нормам». Но что получится, если моральные абсолюты будут оттеснены на периферию общественной жизни? Финансист скажет: «я могу обрушить национальную валюту, но зато получу хорошую прибыль для себя. Разве мне не дозволено?»

О.Долженко. Либералы видели также спасение в праве. Не случайно произошла даже некоторая путаница в вопросах: «могу ли я?», «имею ли я право?» Валентин Иванович напомнил, что мораль возникла как некое добродетельное ограничение. Острые этические споры могут возникать по сходному поводу. Полтора десятилетия назад в «Литературной газете» была напечатана статья писателя Бориса Кочубея «Дождется ли мы культа личности?» Какой парадоксальный и завораживающий заголовок! Дочитав в свое время, я вздохнул с облегчением. Речь, оказывается, шла вовсе не о сапогах генералиссимуса, не о многоорденоносном мундире другого кормчего, а о нашем повседневном партикулярном костюме. Тот культ был плохой, он лишал нас свободы и суверенности. Не пора ли противопоставить ему другой — возвеличивание индивида? Мы теперь знаем, как трудно накормить человека, обути и одеть. Догадываемся, сколь тяжело пробудить его сознание. А что легко? Нетрудно напечатать слово «человек» на верхнем регистре, одними заглавными буквами. Вполне доступно сделать культ личности массовым и вообще поставить на поток. Кто был ничем, то станет всем... Не ходим ли мы по кругу? И в той статье, и в недавних публикациях, связанных с одним нравственным сюжетом, наметилась, как мне кажется, тревожная тенденция:

персоналистская идея доводится до абсурда, освобождается от нравственных критериев, от размышлений о природе человека и его предназначении. Вот выступает по телевидению известный философ. Прислушаемся: «Все должно быть подчинено человеку — и общество, и церковь, и Бог...» Ничего не скажешь: затейливый изгиб мысли: Бог подчинен человеку. Такого индивида, в распоряжении которого оказались силы небесные, начинаю страшиться...

В.Луков. В годы свободного либерализма газеты писали об одном подгулявшем дьяконе, который, тыча пальцем в небо, кричал: «Я-то дьякон, а ты кто?»

О.Долженко. Дьякон, не признающий Бога, индивид, возвысившийся над обществом и небесами. Б.Кочубей, рассуждая о странной юридической формуле «превышение пределов необходимой самообороны», прямо спрашивал: «Почему же я не имею право убить того, кто посягнул на мою личность, мою честь и мое имущество?» Обратите внимание, сколь изящно право оказать сопротивление насильнику подменено здесь заповедью «убий!». А если я не имею право убить, рассуждает автор, нужно оставить пустые разговоры о правах человека... Конечно, если человек, обороняясь, нанес преступнику урон или случайно убил его, общество не может карать оборонявшегося как злонамеренного душегуба. Но в условиях, когда правоохранительные органы бездействуют, а христианская мораль вытравлена едва ли не под чистую, сколь соблазнительно выглядит идея самосуда. Еще раз вспомним популярность кинофильма «Ворошиловский стрелок». Он преступил дозволенные пределы, преступлю и я. Люди другого племени хотят искоренить меня — не стану медлить с упреждающим кровопролитием. Знакомый сценарий? Однако бережным отношением к жизни, к уникальности личности здесь и не пахнет. Понятное дело, когда тебя берут за кадык и начинают душить, трудно с максимальной точностью определить допустимые пределы самообороны. Вот что написано в Законе: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения».

В.Луков. Сейчас в Закон внесены коррективы.

П.Гуревич. Слава Богу. Наша новая власть тоже возлагает огромные надежды на правосознание. Борьбу с коррупцией мы начинаем не с морального осуждения, а с выработки соответствующих законов. С одной стороны, это правильно. Но до тех пор, пока в обществе не сложится нравственная оценка коррупции, закон работать не будет... Я хотел бы обратить ваше внимание на резкую критику либерального понимания прав человека, которая содержится в современной постмодернистской философии. Жан Бодрийяр в работе «Прозрачность зла» пишет, к примеру, что мы умеем произносить только речи о правах человека, — об этой благоговейной, слабой, лицемерной ценности, которая зиждется на просвещенной вере в естественную силу Добра, на идеализации человеческих отношений (тогда как для Зла не существует иной трактовки, нежели само Зло). Действительно, об идеальной ценности этого Добра всегда говорится в покровительственной, уничижительной, негативной, реакционной манере. Это есть сведение Зла к минимуму, предупреждение к насилию, стремление к безопасности. Эта снисходительная и давящая

Сила доброй воли помышляет лишь о справедливости в обществе и отказывается видеть кривизну Зла и его смысл».

В.Луков. В верховенстве закона нет ничего плохого. Но если обсуждается только право, а про моральные заветы ни слова...

П.Гуревич. На мой взгляд, действительно возможна ирония, когда речь идет о жгучей потребности обозначить, на что имеет право человек. Существует ли, к примеру, право на желание, на необдуманные поступки, на наслаждение? Полный абсурд. «Право на жизнь» заставляет трепетать все набожные души до того момента, пока из него не выводят логически право на смерть, после чего абсурдность становится очевидной. Потому, что смерть, как и жизнь, есть судьба, фатальность (счастливая или несчастная), но отнюдь не право. Почему бы не потребовать «права» быть мужчиной или женщиной? Но что значит быть мужчиной или женщиной, если на то существует право? Я могу потребовать права ходить конем по прямой, но какой в этом смысл? Права такого рода просто нелепы. По жестокой иронии мы дожили до права на труд. А в условиях кризиса и до права на безработицу! До права на забастовку! Никто даже не замечает сюрреалистического юмора таких вещей. Бывает, однако, этот черный юмор прорывается наружу. Такова, например, ситуация, когда приговоренный к смерти американец требует для себя права на казнь вопреки всем лигам защиты прав человека вместе взятым, бьющимся за его помилование.

В.Толстых. Да, допустим, право на добровольный уход из жизни. Оно действительно доведено до абсурда. В Голландии, как сообщают газеты, отправляли на тот свет совершенно здоровых людей, впрочем, с их согласия. При этом сложилась целая система аргументов, своеобразная идеология. Говорят о том, что многие люди хотят уйти из жизни, но не умеют, не знают, как это сделать. Они допускают массу ошибок, калечат себя, обрекают на страдание. И вот провозвестники права на добровольную смерть убеждены, что они занимаются благим делом. Они утверждают право на безболезненную смерть всех добровольцев. При этом не только распоряжаются чужой жизнью, но вторгаются в неподвластную им сферу.

В.Луков. Хочу внести в дискуссию некоторые актуальные соображения. Газета «Аргументы и факты» в апреле напечатала статью о том, что наши улицы нередко носят имена убийц, карателей. Известно, что Петр Войков лично выписал пять пудов серной кислоты, чтобы уничтожить следы убийства Николая Второго и его семьи. После этого он любил, как сообщает газета, посмаковать подробности той расправы.

В.Толстых. Скажу честно. Мне надоело беспардонное шельмование «проклятого прошлого», чем новоявленные манкурты пытаются оправдать свое беспамятство и неприглядность настоящего. Вместо гнева, как писал Блок, вялая тоска. Ход истории слагается из скрещивания бесчисленного множества конкретных судеб, историй жизни. На каком культурном основании мы собираемся возрождать, обновлять или воссоздавать былое величие страны? Почему мы отказываемся от нашего прошлого, предаем его анафеме, с каким-то непонятным злорадством и сладострастием, распиная себя напоказ и удивление всему миру? Мы буквально забились в истерику, оргии саморазоблачения и самоотрицания, загоняющих народ в тупик безысходности.

П.Гуревич. Согласен. Вы назвали критиков советского прошлого манкуртами. Действительно, надо помнить прошлое и дорожить им. Но, наверное, к манкуртизму относится и неспособность подвергнуть прошлое моральной оценке. Прошлое значимо, но надо ли видеть в нем только героическое, вообще связанное с эпосом? Вот пример: откликаясь на газетную статью по поводу переименования улиц, депутат Госдумы Николай Харитонов написал: «Да, большевик Петр Войков причастен к убийству последнего императора. Но разве сам император не причастен к событиям 9 января 1905 года, знаменитому Кровавому воскресенью? Безоружные люди шли с хоругвями к Зимнему дворцу просить царской милости. Но монарх дал команду казакам, и те разогнали толпу, расстреляли сотни людей, в том числе детей и стариков». В этом суждении депутата опять-таки право и мораль даны в парадоксальном сплетении. Можно дать моральную оценку императору, но оправдать его с точки зрения права. Никто в России, кроме большевиков, не отвергал законность наведения порядка в стране. И еще: одно преступление не может служить оправданием другого преступления. Если император повинен в смерти невинных людей, то это нисколько не освобождает поступок Войкова от моральной оценки. Стоит сегодня заговорить о тяжелых временах прошлого и подойти к ним с покаянием, как сразу возникает голос протеста: «а вы что, лучше?» Если не лучше, то это не означает, будто можно выдать индульгенцию преступлениям прошлого. Нравственное суждение существует как самодостаточное. Не следует называть нравственным поступок, который был вызван революционной целесообразностью или пониманием законности в условиях революции. Если это не так, то наш разговор о нравственном измерении современности лишается смысла. Мы ведь тоже действуем по логике наших дней, и неизвестно, как это отзовется в сердцах новых поколений.

О.Долженко. Поэтому и возникает необходимость критики одностороннего права без этического обоснования. Право неизбежно обретает пагубную кривизну, когда оно в силу собственной логики оказывается излишним. Права человека теряют свой смысл с того момента, когда человек перестает быть существом, лишенным своей собственной сути, чуждым самому себе, каким он был в обществе эксплуатации и нищеты. Там, где человек действительно самоутверждается, совершенствуется, сфера права начинает обуживаться. Она оказывается иллюзорной и неадекватной. Многогранный индивид, имеющий множество ценностей, перестает быть объектом права. Можно в известном смысле принять вопрос «нужно ли видеть в апофеозе прав человека непревзойденный взлет глупости, гибнущий шедевр, обещающий, однако, осветить конец века всеми огнями согласия?» Если право не освящено моралью, то, на наш взгляд, оно оборачивается тупостью.

П.Гуревич. Стало быть, проводя через Думу вопрос о коррупции, важно обозначить и моральный аспект проблемы. Толкуя, к примеру, о достоинствах ЕГЭ, хотелось бы проанализировать и некоторые нравственные измерения этой реформы, которая, по сути дела, провалилась, а кто будет отвечать за миллиарды потраченных денег? Предлагая, допустим, закон о контроле над средствами массовой коммуникации, следует думать не только о введении единомыслия в стране, но и о нравственной порче со стороны массовой культуры. В связи с этим возникает и дополнительный вопрос: возможна ли нравственность в обществе, основанном на обогащении и конкуренции?

Маркс или Вебер?

В.Луков. Интересно, что критика капитализма со стороны Маркса была не только чисто экономической или правовой. Маркс и Энгельс обличали демагогический прагматизм, холодный расчет, параноидальное стремление к наживе, которое истребило и религиозный экстаз, и рыцарский энтузиазм и даже меланхолическую сентиментальность. Мне кажется, что Маркс был гораздо реалистичнее в оценке капитализма, нежели Вебер. Исторически капитализм, судя по всему, обречен.

П.Гуревич. Мне, напротив, позиция Вебера в оценке нынешней ситуации кажется более реалистичной. Вот если спросить современного политика, каким образом появился капитализм, он, вероятно, скажет: ну, образовался рынок, банки, частная собственность. Но ведь Вебер, как известно, выводит капитализм из протестантского этоса. Частная собственность была уже в древнем мире, банки существовали в античности, рынок вообще древнее приобретение. Капитализм сложился не благодаря собственности или увлечению наживой, накоплением. Он возник благодаря строгой системе нравственных правил, которые подверглись сакрализации со стороны протестантского этоса. Что это за правила? Всякое богатство невозможно без трудового усилия. Праведная жизнь невозможна без аскезы. Раннебуржуазные отношения держатся на честности, дисциплине, сознательности, честности и профессиональном долге.

О.Долженко. Но у Маркса период первоначального накопления описан иначе.

П.Гуревич. Уже отмечалось, что разлад между моральным предписанием и социальной практикой возможен. Главное, что следует понять: Вебер писал о протестантском этосе, но он его не идеализировал. Не надо отождествлять взгляды немецкого философа и принципы протестантизма. Вебер писал, что Реформация положила начало становлению капитализма. Таким образом, капитализм можно считать продуктом Реформации. В результате возник буржуазный предприниматель, «который не преступал границ формальной корректности, считался нравственно безупречным, а то, как подобный предприниматель распоряжался своим богатством, не вызывало порицания; он мог и даже обязан был соблюдать свои деловые интересы». Но Вебер не идеализировал капитализм, его истоки и судьбу. Он показал, во-первых, что протестантские заповеди не безупречны. Согласно этому кодексу нравов, человек, который мог обмануть партнера ради прибыли, но не сделал этого, не вполне адекватен. Ради труда, ради преобразования и благоустройства земли можно и обмануть, лишь бы не угасла предпринимательская жилка. Вебер также отмечал, что по мере становления капитализма произошло отречение от христианских ценностей. Именно поэтому стремление к наживе утратило религиозно-этическую оценку. Жажда денег, богатства на высшей стадии развития капитализма приобрела характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Не случайно Вебер предумышленно вывел за скобки своей протестантской теории происхождения капитализма ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов.

В.Луков. Но в наши дни спекулянт может обрушить экономику многих стран и при этом обеспечить себе «навар», как это случилось, к примеру, с Соросом.

П.Гуревич. И вот что парадоксально. К концу прошлого века методы спекуляции были доведены до изощренности и совершенства. Даже процесс выплаты долгов был возведен в некую нравственную норму, чуть ли не инициированную Богом. Вероятно, через это представление складывалось сакрализация капитализма и демократии, поскольку сам Бог на их стороне. Именно такое толкование получила работа «Протестантская этика и дух капитализма» спустя чуть не век после ее появления. Ростовщичество стало поэтизироваться. Банки, оказавшиеся кровеносной системой экономики, превратились в учреждения, заслуживающие боготворения. Однако христианская доктрина всегда презирала ростовщиков. Осуждалось само взимание процентов за предоставляемый кредит. У Пушкина Альбер в «Скупом рыцаре» считает, что, беря деньги в займы, можно просто дать рыцарское слово, но не заклад: «его червонцы будут пахнуть ядом». А брать проценты — все равно что торговать смертельным зельем. Речь, разумеется, идет не о том, чтобы проценты были небольшими, справедливыми. Давать деньги ради прибыли — это христианский грех. Ведь тот, кто обратился к нему с просьбой, испытывает временную нужду. А кредитор пользуется временными затруднениями, спекулирует на человеческих страданиях. Скупой рыцарь у Пушкина равнодушен к слезам вдовы, которая стоит под дождем и воет, прося об отсрочке. Он принимает дуплон, который, судя по всему, получен от разбойника. Вина ростовщика с нравственных позиций нередко была предметом обсуждения. Лишить кредитора имущества, а иногда и жизни, казалось справедливым.

В.Луков. Кстати, не только христианство осуждало кредиторов. Буддисты полагали, что человек, живущий на чужие доходы с займа, никогда не достигнет нирваны. Мусульмане также презрительно относились к ростовщикам, которые часто рисковали своей жизнью и подвергались опасности. Иудейская Тора запрещает своим единоверцам ссужать под проценты.

О.Долженко. Хочу к этому добавить, что финансисты никогда не имели высокого социального статуса. Ни во времена христианства, ни в период капитализма их никто не принимал за достойных граждан, в отличие от бюргеров, торговцев и капиталистов. Все были убеждены в том, что ростовщики получают деньги ни за что, поэтому они безнравственны. На них лежит ответственность за инфляцию, причем не только в сфере денег. Вот почему они жили на грани закона. Конечно, писатели отразили и столь редкие факты, когда финансист оказывается востребованным. Он купался в лучах славы и власти. Но надолго ли? Когда надобность в них исчезала, ростовщики снова опускались в социальные низы. В 1893 году Эмиль Золя написал свой роман «Деньги», в котором рассказал о методах работы финансовых рынков, заодно описал и атмосферу всеобщего морального осуждения со стороны общества по отношению к банкирам. Главный герой романа — банкир-учредитель мсье Саккар, специализирующийся на спекуляциях акциями якобы быстро развивающихся компаний, в данном случае ближневосточных. Благодаря легкости, с которой он делает деньги, он становится звездой финансового мира. В его уста Золя вкладывает следующие слова: «Стоит ли отдавать тридцать лет

жизни, чтобы заработать какой-то жалкий миллион, когда его можно положить в карман за один час посредством простой биржевой операции...Самое худшее в этой горячке то, что перестаешь ценить законную прибыль, а в конце концов даже теряешь точное представление о деньгах». Саккар неизбежно терпит крушение, но вскоре он начинает все снова. Люди, подобные банкиру, описанному Золя, были зачастую очень богатыми, но с ними мало кто желал общаться, о них мало знали. Они были спекулянтами, маргиналами, ничего не производившими, но они всегда находились в движении. Наши современные банкиры-инвесторы — те, кого мы почитаем столпами общества и оплотами капитализма, — являются преемниками мсье Саккара.

П.Гуревич. Мировой кризис разразился именно в результате неоправданного расширения зоны ростовщичества. Характерно, что на прошедшем саммите глав двадцати ведущих государств не удалось договориться об усилении контроля над спекулятивными инструментами. Ни институтов такого контроля, ни оценки самого ростовщичества, во многом повинного в кризисе, ни реальных шагов в обуздании appetitов финансистов. МВФ получил поддержку на сумму более триллиона долларов. Но за всю свою историю этот фонд не помог ни одной стране подняться с колен или совершить рывок.

Теперь, видимо, важно обсудить вопрос о будущем морали. В специальной экономической и этической литературе обозначилось две тенденции. Одни авторы полагают, что спасение капитализма в том, чтобы вернуться к протестантскому этосу. Они пишут о подвиге Лютера, который сумел воскресить основы христианской морали. Сейчас такая работа, по их мнению, предстоит и нынешним ревнителям нравственности. Спасение от мирового кризиса многие усматривают в том, чтобы очистить мировую экономику от интриг ростовщичества, возродить достоинство труда, честности, доверия, без которых мировое сообщество не выплзет из кризиса. Но, может быть, важен поиск иных нравственных ориентиров? Не исключено, что протестантский этос исчерпал себя за четыре с половиной столетия. Как и почему может возникнуть новый нравственный кодекс? Должен ли он быть отражением новой мировой практики?

В.Луков. История мировой этики показывает, что нельзя выводить нравственные кодексы только из наличной социальной практики. Возьмем, к примеру, современную политическую практику. Она дает наглядные примеры безнравственности. И вот рождается вывод, возможно, идущий от Макиавелли: политика — вообще грязная вещь. Она и не может быть иной. Но здесь можно призвать на помощь вдохновляющую мысль Канта. Немецкий мыслитель показал, что моральные нормы не утрачивают своего достоинства, даже если никто их не соблюдает. Кант осудил мнимое право лгать из человеколюбия. Столь же категоричными, безусловно, являются все другие моральные нормы. Десять заповедей Моисея, ритуал от Конфуция, вера в Аллаха у Мухаммеда, любовь у Иисуса Христа, как отмечает в своих работах академик А.А.Гусейнов, не знают опущений. Она есть то, благодаря чему индивиды приобретают свою человеческую определенность, становясь один китайцем, другой евреем, третий — мусульманином, четвертый — христианином. В них, в этих нравственных законах, задается абсолютный предел человека, та последняя черта, которую нельзя переступить, не потеряв человеческого качества. Они поэтому не знают исключений уже по определению.

П.Гуревич. Мне попалась в руки книга видного американского политолога, профессора Принстонского университета Джеффри Стаута «Демократия и традиция», выпущенная в этом году издательством «Прогресс». Исследование содержит огромный материал, связанный не только с политической мыслью, но, в частности, и с моралью. Читать интересно, но вот что вызывает чувство протеста. Автор отмечает очевидную истину: представления о нравственности различны. Но рождение новых нравственных представлений он связывает только с конвенциональным подходом. Различия, мол, существуют. Нигилист отбрасывает идею о том, что нравственная истина возможна. Скептик оставляет мысль о том, что мы оправдываемся верой в какие бы то ни было нравственные истины. Радикальный релятивист отбрасывает идею о том, что мы можем оправданно применять моральные суждения к людям, поступкам и практикам за пределами нашей собственной культуры. Как быть? Автор уповает на возможности межкультурного морального суждения. Кто бы спорил... В конечном счете, автор игнорирует не только этику, но и огромный нравственный опыт человечества. Этика оказывается ни чем иным, как определенным соглашением между либералами и консерваторами, представителями разных культур. Но мы видели, во что превращается спор между прогрессистами и ретроградами хотя бы в нашем обществе. Об этом и говорил Валентин Иванович.

В.Луков. Вот здесь и возникает важная тема. Речь идет о моральном релятивизме. Если каждая историческая, социальная сила имеет свои резоны, свои нравственные императивы, то как, к примеру, можно осуждать агрессивный аморализм новых хозяев российской жизни? Газеты писали о том, что на тусовке в Ницце совладелец компании Mirax г-н Полонский сказал: «У кого нет миллиарда, пусть идут в ж...». А наглость, с которой современные капиталисты, капитаны бизнеса, толкая друг друга, бросились к государственной казне, чтобы ее выдоить, свидетельствует не только о полном отсутствии морали, но и определенных предпринимательских правил, этических сдержек. Однако эти факты не получают моральной оценки в среде новых русских. Критика их аморализма ведется из стана бедных. А новым русским эти сечения нужны? У них свой кодекс жизни. Видимо, современной этической мысли не хватает конструктивности. Надо подвергнуть разоблачению этический релятивизм. Человечество буквально выстрадало нравственные нормы ценой страданий, опыта революций, этической рефлексии. Они незыблемы и универсальны. Поиск оснований этих моральных установлений — актуальная задача. Иначе будет царствовать морализаторство и лицемерие.

О.Долженко. Но сохраняет ли себя протестантский этос в качестве духовного фундамента капитализма? В каждой культуре, которая прошла полный цикл развития, существует срез, соответствующий протестантскому этосу, но по ходу исторического развития этот срез жизни общества в разной степени был востребован. В ряде случаев, в частности, в России, он был просто уничтожен или подавлен. И по делу: он противоречил высшей ценности российского государства — административной вертикали, которая во все времена подавляла даже слабые попытки, связанные с возникновением самостоятельных субъектов социокультурной практики.

П.Гуревич. Вы говорите об универсальности протестантского этоса. Но ведь во многих культурах отвергается ценность труда, дисциплинированно-

сти, аскезы. Могла ли вертикаль власти уничтожить хозяйственный этос? Здесь, вероятно, дело не во власти, а в том, что социальная практика вызвала к жизни иные ценностные ориентации. Они-то и были востребованы многими людьми. Сегодня трудно убедить многих в том, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Мысли об аскезе, которая поневоле связана с кризисом, раздражают людей. Они с упоением верят в то, что вот-вот все наладится, кризис уйдет так же внезапно, как обрушился. Нравственный урок, который вытекает из катастрофы, не извлечен, не усвоен... Кого же винить в моральной деградации общества?

О.Долженко. Перечень окажется очень длинным, но начать нужно с себя: и по объективным, и по субъективным причинам и философы, и ученые-гуманитарии так и не дали ответа на вопрос: с каким человеком мы имеем дело? Где пролегает зона его ближнего и дальнего развития? Последнее — условие предупреждения идеологизации сознания. И все-таки, возьму на себя смелость утверждать: основной виновник — государство, которое исключало возможности становления новых субъектов социокультурной практики, новых форм организации жизни общества... Войдя в процесс построения общества «суверенной демократии» и воплощения в жизнь нового мифа, ему пришлось легализовать криминальную, теневую экономику, потому что в легальном поле такой практики просто не было. Дальше оно вспомнило о своей «родовой травме» и, как это было в период свертывания НЭПа, перепугалось и срочно стало формировать вечно новое и хорошо известное. И вот уже очередные носители «ума, чести и совести нашей эпохи», а в газетах публикации с оригинальным заголовком — «Верный сын партии»...

В.Луков. Власть убеждена, что преступность наших дней выросла как на дрожжах не столько из наличного денежного оборота, сколько в результате малограмотной борьбы с ним. Мы еще не до конца осознали тот масштаб, который характеризует влияние криминала на все стороны жизни современной России. Каковы сегодня отношения между государством и уголовным миром?

П.Гуревич. Власть и криминал не всегда антиподы. Эксперты нередко называют их политическими соперниками. Ведь они реализуют собственное право на насилие, иногда прибегая к союзу уголовщины и государства, порой вступая в яростную борьбу. Как только власть начинает осуществлять свое стремление к монополии, криминал поднимает голову, становится агрессивным.

О.Долженко. Вспомним, как в 1990-х годах началась криминализация в обществе, потому что ввели усиленный контроль за наличными расчетами. Ведь введение наличных расчетов оказалось радикальным, неожиданным для нашей страны. Поэтому стала складываться и организованная преступность. А сегодня? Снабжение экономики наличными средствами оказалось целой индустрией. Ее обороты можно сравнить с выгодами от продажи нефти и газа. Эта сфера дает миллиардные доходы криминальному миру. Он может вообще сосредоточить свои усилия именно здесь, и больше ему ничего не потребуется. Государство позволило криминалу получить могучий источник обогащения. А теперь без этой сферы преступного сообщества в экономике может наступить коллапс. Вот она, социальная логика. Наивно думать, будто государство противостоит криминалу по определению. Точки такого противостояния и союза различны и многообразны. Сращивание государственных структур и

криминала — сюжет бродячий. Но как может нравственное сознание примириться с тем, что вокруг все преступно, кругом все друг друга «крышуют»? Говорить о добродетели в этих условиях — все равно что премудрому пескарю задавать благородные вопросы щуке.

П.Гуревич. Тема социальной справедливости становится все более актуальной. Но власть не всегда бывает плохой. К примеру, в VI веке нашей эры граждане Афин тоже оказались в зоне кризиса. Многие из того времени похоже на то, что мы переживаем сегодня. В Афинах увеличивалась пропасть между бедными и богатыми, экономическая нестабильность грозила революцией. И что, по-моему, важно. Греки также пребывали в состоянии глубинной депрессии. Находясь в состоянии полной безнадежности, они позвали Солона, дав ему почти неурезанные полномочия. Что сделал Солон? Прежде всего, он первым же законом отменил долги. Таким образом, земля снова оказалась в руках крестьян. Граждане были освобождены от рабства. «Страхивание бремени» (сложилось такое словосочетание) предполагало уничтожение долговых обязательств. Так Солон восстановил общественный баланс в обществе, возвел в значимую норму справедливость. Затем он разработал кодекс справедливых законов и заложил основы демократической конституции. Результаты не замедлили сказаться. Выросло благосостояние общества. Стали процветать философия, театр, скульптура и архитектура.

В.Толстых. Да, можно подумать, что речь идет о далеком прошлом. Но вот что пишет по этому поводу знаменитый канадский ученый и писатель Джон Ролстон Сол в книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе» (2007): «Наше современное отношение к задолженности подтверждает, что мы перешли на новую ступень. Теперь социальная этика подчиняется эффективному функционированию системы. На этой стадии социальный контракт подчинен финансовому контракту. Этика настолько исказилась, что она стала использоваться в качестве мерил эффективности функционирования систем и для негативной нравственной оценки должников. В результате мы разучились пользоваться весами здравого смысла в оценке бедности и страданий, которые возникают из-за долгов, с одной стороны, и сравнительно слабыми негативными последствиями неплатежей на финансовую систему — с другой. За пределами национальных и международных манипуляций с деньгами с этикой существует параллельный мир, абсолютно свободный от регулирования, поскольку он не подчинен каким-либо правилам или стандартам. Его можно назвать сумеречной зоной финансов: оффшорные, безналоговые, нерегулируемые зоны не поддаются воображению, это зоны абсолютной инфляции. И все же «понятия», по которым существуют эти зоны, взяты из реальных экономических систем».

Деградация нравственности

П.Гуревич. Здесь возникает актуальная тема — диалог власти и общества. Можно говорить о различных формах общественного договора, но в основе такого взаимодействия могут быть только моральные императивы. Что же можно сказать о современном обществе? В чем проявляется аморальность современного общества?

О.Долженко. Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно написать книгу, и, может, не одну. Коротко: уровень образованности руководства страны и исполнителей, сама организационная структура, связанная с принятием и исполнением решений, оставляют желать много лучшего. Тот уровень понимания, который демонстрирует вертикаль власти, просто не позволяет войти в контекст ведущих проблем современности. В результате Россия в очередной раз уже сама себя вытолкнула на обочину истории. С другой стороны — господствующие организационно-структурные решения, ограничивающие возможности развития общества, являются неизбежной платой за размеры страны с учетом наличной плотности населения. Отсюда и аморализм.

П.Гуревич. Фургон с покойным едет по российским просторам. Его везут в родные края для окончательного упокоения. На каждом крупном перекрестке машину неизменно останавливает постовой. Получив подношение, пропускает фургон. На недоуменные вопросы родственников отвечает: а вдруг везете оружие, вокруг так беспокойно. Внутри тем не менее заглядывать не стал. Ясное дело, усопший. Вечная ему память. Какой, однако, неожиданный и зловещий образ нынешней страны! Представитель власти, радеющий о порядке... Оброк с того, кто отправляется в последний путь. Неукоснительный, на всех перекрестках. Идея предпринимательства прямо-таки на глазах получает парадоксальное претворение. Социологи свидетельствуют: люди стали гораздо прагматичнее. Нравственные запреты все чаще игнорируются. Многие утратили нравственное чувство, в моде достижение любыми средствами.

В.Толстых. Государство несет прямую ответственность за моральное состояние общества. Еще раз подчеркну: в Советском Союзе при всех издержках нравственного климата никто мораль не отменял. Бесплатное образование, бесплатное здравоохранение. Разве их осуществление было продиктовано политическим расчетом или прагматическим интересом? Это были запросы нравственного сознания. А сегодня нет-нет да и проскользнет в нашей свободной — в том числе и от стеснений совести — прессе кощунственная мыслишка о том, что, де, напрасно мы победили в войне, глядишь, сейчас бы пили баварское пиво и ели добротные немецкие сосиски. Невольно вспоминается Смердяков из «Братьев Карамазовых»: «Жаль, что Наполеон не завоевал России. Умная нация завоевала бы глупую-с. И было бы куда лучше...». У нас таких Смердяковых теперь развелось предостаточно. Им ничего не жаль, даже если страна развалится на десятки удельных княжеств и государств. Я уверен, что для них нет ничего святого не только в прошлом, но и в настоящем: вдоволь накричавшись о ценностях демократии, они начнут «сдавать» и ее, снова возлюбив авторитаризм, от которого рукой подать до деспотии, диктатуры.

О.Долженко. Согласен. Чисто по-человечески большая часть свершившегося и свершающегося в России не может не вызывать возмущения, если не сказать больше... Вызывает недоумение позиция представителей так называемых интеллектуальных кругов, которые, как мне представляется, не сумели верно оценить сущность происходящего, увидеть долгосрочные последствия принимаемых решений. На мой взгляд, значительная часть наших «интеллектуалов» приняла слишком уж горячее участие в обсуждении текущих вопросов, может, и весьма интересных, но предполагающих,

прежде всего, осмысление вопросов более общего плана, того контекста, который придает происходящему смысл. Например, мы готовы биться не на жизнь, а на смерть в связи со вступлением России в так называемый Болонский процесс или в связи с введением в практику высшей школы Единого государственного экзамена. При этом мне неизвестны попытки определить содержание того, что в наших условиях следует понимать под «образованием», что такое либеральная и традиционная, предметно-ориентированная его модели. Результат такого помутнения разума очевиден: каждое учебное заведение что-то делает, но делает нередко хаотично и бессмысленно, так как отсутствует самое важное — образ, наличие которого только и придает смысл реализуемому. В итоге рождаются вербальные немислимые монстры, с помощью которых задаются целевые установки образовательной практики: сформировать «творческую личность», «духовно-нравственный облик инспекторов ГИБДД», формулируются псевдопроблемы типа «подготовки конкурентоспособной личности учителя в учебном процессе университета». Эти сочетания я взял из авторефератов, защищенных диссертаций. В итоге мы «формируем» «неформируемое», «готовим» не подлежащее изготовлению... И даже (!) утверждаем необходимость «возрождения нравственности»! Но нравственность нельзя возродить: она или есть, или нет.

В.Луков. Тогда о чем мы толкуем?

О.Долженко. О том, что нравственность непосредственно связана с условиями ее воспроизводства. Общество может быть моральным или аморальным, но не может быть немножко нравственным... Утрата способности к пониманию происходящего — явное свидетельство той антропологической катастрофы, которую переживает российское общество: происходящее вышло за рамки наличного уровня понимания, нравственная же оценка происходящего всегда связана с пониманием. Причем, чем сложнее структура общества, тем выше должен быть уровень развития человека, гарантирующий необходимый уровень понимания. Для того чтобы прокомментировать сказанное, сошлюсь на собственный пример. В начале 1950-х гг. моя семья жила в Челябинске-40, где набирал обороты ныне всем известный комбинат «Маяк». Отец часто брал меня на рыбалку. И вот, вспоминая, ловим мы рыбку на реке Старая Течь, а рядом с нами на такой же лодочке ловит рыбу кто-то из городского начальства, чуть ли не директор комбината К.Музруков... К чему это? Все просто: радиоактивные отходы комбината попадали, насколько я понимаю, именно в эту речку. Но никто толком не знал, что такое радиация и какую угрозу она таит для человека...

В.Луков. Речь идет о незнании или об откровенной лжи?

П.Гуревич. Во Втором послании к Тимофею апостола Павла из Нового Завета говорится о «венце правды»: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия». В библейском понимании «венец правды» — высшее достижение праведника. Но мы живем в обществе, в котором ложь становится постоянным спутником политики. Не нужны особые усилия, чтобы понять, что нас опять считают недоумками. Нам сообщают о том, что доходы такого-то сановника значительно снизились, и полагают, что мы не сможем сделать выводы из смежной информации: напротив, благосостояние неработающей супруги неожиданно умножилось. Рассказывают о

том, что кризис уже выдыхается, а люди на ярких повседневных примерах видят, что он, напротив, усиливается. Власть посылает обществу сигналы о том, что она готова к диалогу с обществом, понимает глубину социальных проблем и работает в этом направлении. А люди уже привыкли к тому, что речь идет о том, чего в действительности нет и, возможно, не будет. Скоро общим станет убеждение в том, что из телевизионного ящика слышно только то, что оказывается заведомым враньем.

О.Долженко. Наша беда: мы всегда живем прошлым, которого не было, с мыслью о будущем, которого никогда не будет. Тут я приведу слова последнего министра высшего и среднего специального образования СССР В.П.Елютина, сказанные им в день его отставки. Помню, вошел Вячеслав Петрович в комнату, где должно было проходить какое-то совещание, рассеянно посмотрел в окно и как бы про себя и для себя, ни к кому не обращаясь, с какой-то грустью сказал: «Эх, привыкли мы ломать не построишь...». Тогда я еще не знал, что спустя несколько часов в зал коллегии министерства выйдет человек с каменным лицом и волчьей походкой (Г.Алиев) и объявит о назначении нового министра (Г.Ягодина). Повторюсь: история не нуждается в осуждениях. Во имя нашего будущего она испытывает потребность в объяснении и понимании. Историю нужно постигать и принимать для себя в качестве урока на будущее. И у общества, и у отдельного индивида будущее существует постольку, поскольку понято прошлое. Отказываясь от прошлого, мы устраним возможность будущего; как бы «снимаем» проблему с тем, чтобы с ней встретиться в более сложном будущем. Утрачиваем свою идентичность и становимся марионетками общесоциального исторического процесса, теряя право выступить в роли ее субъекта.

П.Гуревич. Здесь, судя по всему, мы вторгаемся в сферу ценностных ориентаций общества, его менталитета, его традиций.

О.Долженко. Утверждение об утрате исторической субъектности не столь бесплодно, как это может показаться. Достаточно вспомнить предыдущие периоды нашей истории, которые можно очень условно сопоставить с тем, что происходит сегодня. Речь идет о правлении Ивана Грозного, Петра I, «освобождении» крестьян от крепостной зависимости, о 1917 годе, да и год 1991-й недалеко от перечисленного ушел. Если уж осуждать, то нужно осудить всю историю России...

В.Толстых. Так ведь об этом я и говорил.

О.Долженко. Разумеется. Если же обратиться к русским народным сказкам, то и в них прослеживается нечто любопытное, весьма хорошо иллюстрируемое пословицей «От трудов праведных не наживешь палат каменных». В основе преобладающей части сюжетов сказок лежит представление о чуде, которое должно подменить мои личные усилия. В них мы не столкнемся с образом Ганса-дровосека. Ведущий лейтмотив — Емеля, «осуществляющий компетентностный подход в условиях перемещения с помощью печи». Скатерть-самобранка, избушка на курьих ножках, которая поворачивается без моего усилия, но «по моему хотению»...

П.Гуревич. Но в пословице «От трудов праведных...» есть и другой смысл. Если ты богат, значит и криминален. Палат каменных обычным трудовым усилием не обретишь. Кризис сегодня возвращает нас к этой простой мысли, к протестантским ценностям.

О.Долженко. Напрашивается мысль о том, что и в тот период, когда формировался сказочный репертуар российской культуры, жизнь русского человека ненамного отличалась от нынешней: никогда он не был хозяином своей судьбы. Но вернусь к многократно повторяющемуся в российской истории сценарию. Только две общие черты: во все времена неявная цель крутых виражей российской истории состояла в приостановлении процесса разрушения властной вертикали. Всегда они осуществлялись силами социальных маргиналов и прожектеров из числа интеллигенции, возводивших в абсолют какую-то очередную идею при активном участии представителей других государств. Всегда их сопровождали криминализация жизни и произвол. Всегда ведущая роль принадлежала опричнине. Всегда уничтожалась духовная или интеллектуальная элита, что снимало саму возможность глубинного анализа сложившейся ситуации.

Разве сами по себе эти факты российской истории не заслуживают пристального внимания и анализа? Или мы будем продолжать жить в логике слов В.Брюсова: «Мы вечно, вечно в центре круга. И вечно замкнут кругозор».

П.Гуревич. Вы хотите сказать об актуальных задачах этической мысли?

О.Долженко. Именно. Нравственное непосредственно связано с наличной способностью понимания, то есть эта категория работает в том случае, если намеченное лежит в зоне, которая включена в жизнь человека. Мы можем о чем-то помыслить только в том случае, если сами являемся носителями этого чего-то. Цели, выходящие за границу дальней зоны развития, для человека немислимы. И тут-то как раз и возникает потребность в идеологизации сознания, тут-то как раз и требуются вертикали и авторитаризм...

В.Луков. Сейчас много говорят о том, чтобы восстановить в правах термины «идеология» и «пропаганда». Вообще надо ли идеологизировать мораль? В истории человечества было немало примеров, когда нравственность пыталась обслужить каждый изгиб политической конъюнктуры. Это неизбежно завершалась разочарованием. Может быть, мораль должна опираться на собственные принципы существования, на свою автономность? Разумеется, есть опасность в этом случае оказаться в изоляции, утратить свою роль духовного поводыря.

О.Долженко. Я задаюсь вопросом: а не настало ли время ученым, а тем более — философам, занять более объективную позицию по отношению к происходящему и выполнить свой гражданский долг: обеспечить нужный уровень понимания и предложить средства реализации морально обоснованных целевых установок, определяющих пути развития общества?

Изнанка нравственности

П.Гуревич. Каково преобразование морали в современном мире? В каких сферах социальной жизни можно и нужно искать рычаги воздействия на нравственный климат?

О.Долженко. Конечно, причину следует искать в социальных переменах. Самое интересное, на мой взгляд, состоит в том, что принятые вчера и принимаемые сегодня решения — условия концепции догоняющего развития, когда общество стремится перепрыгнуть некоторые этапы нормальной исто-

рии. Все институты такого общества действуют в режиме решения частной задачи, которая выхвачена из общего контекста, задающего условия нормальной жизни человека. Проиллюстрирую сказанное примером. В момент резкой смены курса, как правило, в среде интеллектуалов уже существует группа людей, которые понимают смысл происходящего. Система же образования выстроена в авторитарной логике, детерминирующей решение задач определенного класса. В этой логике она и функционирует. Философия исцеления общества происходит в логике излечения больного с помощью узкоспециализированного врача, без учета общего состояния человека, но с четким представлением о том, что надо лечить ту или иную подсистему. Например, органы дыхания или систему сердечно-сосудистой деятельности...

В.Луков. Но ведь нельзя обойти и тему деградации отдельного человека, а не только общества в целом. Мы сегодня чествуем не людей труда, не святых и не праведников, а представителей власти, новых богатеев, высшее чиновничество, вчерашних бандитов и мошенников. Кто сегодня герои газетных полос? Те, кто пестует тело на дорогах курортах, получает командировки с видом на Пизанскую башню, проверяет прочность гор на служебных вертолетах, устраивает показательные свадьбы и вечеринки, охотится на горных баранов в Алтае. Чингиз Айтматов описал в свое время охоту на вертолетах как страшное преступное деяние, причем не только в смысле юридического кодекса, а именно морально, как разложение человека.

О.Долженко. Падение нравственности и морали в известной мере связано и с состоянием семьи. Семья в России исчезла уже давно. При этом практически отсутствует и представление о полной семье. Для меня полная семья — не семья, состоящая из родителей и детей. Для меня полная семья — единство трех поколений: дедушек и бабушек, являющихся носителями мудрости и нравственности, родителей — носителей знаний и морали, детей, живущих в мире мифа и информации... «Вынеся за скобки» представителей старшего поколения, мы сделали нравственность производной от внешних воздействий, объектом сторонних манипуляций...

В.Луков. Коррозия поразила многие социальные институты.

О.Долженко. Интересно, что нечто похожее можно наблюдать и в логике развития университета, который поначалу приобщал к мудрости. В XIX в. на смену мудрости пришли знания, а сегодня на смену знаниям пришла информация, которую надо «вписать» в логику становления новой «знаниево-ориентированной экономики». Теперь можно вроде бы как уже ничего не знать и не уметь: мы вступаем в эпоху «знаниевой экономики»!.. Так что для меня происходящее в России — не случайность. Скорее правильнее говорить об устойчивой традиции российской истории, сориентированной на дискредитацию роли созидательного труда человека, что в полной мере соответствует сословному, иерархически организованному обществу феодального типа, сориентированному на властную вертикаль. В этих условиях нельзя всерьез говорить о трудовой этике: в основе жизни такого общества лежит не стремление «быть» и в меру такого «бывания» — «иметь». В России эти две субстанции никогда не совпадали. Одни имели, другие бывали, а третьи просто существовали, впав в состояние возвышенного (и не очень) «духовного анабиоза» и понимая всю бессмысленность систематического труда, результаты которого

в один прекрасный момент государство зачеркнет с помощью различных фискальных средств. Накопление опыта, знаний, средств в таком обществе — просто бессмысленно. Человек в нем бесправен.

П.Гуревич. Вероятно, можно говорить также и о пришествии на социальную арену психологии асоциальных слоев общества.

О.Долженко. Да, итог каждого такого перелома — выход на политическую арену маргинальных слоев общества, ценности которых разворачиваются в логике «иметь» (власть, деньги и т.п.). Нельзя утверждать, что это — люди безнравственные. Амбиций у них много, да и немало обид накопилось в том прошлом, с которым сейчас они сводят счеты, а вот уровень понимания подлинного положения дел, перемен, которые происходят и с обществом, и с человеком, явно недостаточен. Во многом он — итог их длительной деятельности в условиях авторитарных, иерархически организованных структур. Результат: и в новых условиях они воспроизводят старые формы и методы управления, старое содержание и старые представления, которые переживают лишь вербальное перевоплощение.

*Я — мещанин! В том суть моя!
Я — оптимист от «А» до «Я»!
Я в жизнь пришел — ее восславить,
Словами классиков воспеть,
Рожать, растить и... помереть!*

Для такого «прораба перестройки» мимикрия — дело плевое (чуть не сказал «правое», хотя враг, действительно, будет разбит!). Его гражданственность не простирается дальше логики выстраивания отношений в «треугольнике» жена — любовница — дети. Задача сохранения собственной идентичности для него чужда.

П.Гуревич. Так ли? Точнее, видимо, говорить о крушении идентичности, о том, что вместо личностного ядра мы чаще фиксируем нулевую идентификацию.

О.Долженко. Россия традиционно жила в лоне концепции догоняющего развития. Первое поколение очередного этапа модернизации — в условиях упрощенной трактовки задач, которые стояли перед средне- и малообразованным человеком. Три поколения. Причем, уже третье жило на грани катастрофы. Но со временем жизнь общества становилась все сложнее. И нужно было или переходить к новой системе управления, предусматривающей диверсификацию разных форм хозяйствования, или же идти на упрощение ситуации, переориентировавшись на новую целевую установку, вырванную из контекста развития культуры как условия продуктивного существования человека, и перенеся задачу в контекст технократического подхода. Так что жизнь происходящего и происходившего в российской истории всегда была и аморальной, и безнравственной. Если же и появлялись высоконравственные люди, то они сначала уничтожались, а потом канонизировались, почитались почти святыми. Государство и свои жертвы умело поставить себе на службу...

В.Луков. Назрела потребность в социально-нравственном анализе общества. Мы все время говорим о новых хозяевах жизни и об обывателях. Но есть ли в обществе другие ареалы, другие социальные слои? Каково сегодня нрав-

ственное состояние интеллигенции? Остались ли очаги народной, деревенской культуры? Кто сегодня противостоит богачам и киллерам? С бизнесменами все понятно. Кризис показал, что у них развит только один рефлекс — хватательный. Они обретают дворцы, яхты, миллионы, гектары земли на Рублевке, особняки в Лондоне, будущие VIP-могилы на Новодевичьем кладбище. Но разве только олигархи вызвали столь пагубную деградацию человеческих отношений? Да, нынешний финансовый кризис спровоцирован спекулятивными интересами частных банков и корпораций. Но их поведение обсуждается только в экономическом аспекте. А чиновники? В борьбе с олигархами, может быть, и целесообразно было создать некий социальный противовес — государственных служащих. Но у этого сословия сформировался собственный этос. Круговая порука, карьеризм, интриги, презрение к народу. Готова ли власть к тому, чтобы поставить клерков на место, заставить их служить людям, а не себе? Как она относится к глубокой криминализации общества? Намерено ли последовательно и эффективно вести политику оздоровления общества или стремится создать только видимость такой политики? Почему государство жалует тех, кто спаивает народ, кто строит финансовые пирамиды, растлевает людей?

Качество капитализма оценивается не по роскоши особняков и количеству бриллиантов на шее любовницы, а по уровню инвестиций в экономику, в науку, в инновации, в развитие инфраструктуры. Кто озабочен, к примеру, тем, что наши судьи превратились в стряпчих, а следователи стали обыкновенными вышибалами нужных дознаний? Моральная деградация в обществе стала системной.

П.Гуревич. Вероятно, мы не смогли найти ответы на многие вопросы. Мы старательно стремились выйти за пределы морализаторства. Однако любое оздоровление начинается с диагноза, каким печальным бы он ни был. Социальные критики во всех странах с тревогой пишут о кризисе нравственного сознания. Рушится семья как социальный институт. Отменяются вековые табу. В благоденствующих цивилизованных странах, где и свобода, и деньги, и пластическая хирургия, люди не чувствуют себя счастливыми. Напротив, они выбрасываются из окон. Кинозвезды погрязают в депрессии и глотают наркотики. Интеллигенция погрязает в бездуховности. Дети вступают на путь порока. Защита личности, которая строится на индивидуалистических предпосылках, оказывается абсурдной и бессмысленной. Но больше всего разочарований в человеке.

Многое из того, о чем мы говорили, не является откровением. Действительно, в нашей стране народ стал понимать демократию как возможность красть помногу, в особо крупных размерах. Воровство заменило труд. Воруют повсеместно, по вертикали и горизонтали, снизу вверх, в обособицу и артельно. В обществе укореняется дух вселенского разграбления. Можно воровать у государства. Но, оказывается, можно грабить и при помощи государства. Из сознания людей стали выветриваться все библейские заповеди, растворяться моральные нормы. В итоге искажается, теряет форму не только социальная, но и политическая система. Поразительный факт: глава Следственного комитета называет замминистра финансов преступником, а коллеги характеризуют его как честнейшего чиновника. Что это — никчемное правосудие или пре-

ступный сговор подельников? Поражает наглость, с какой чиновники борются с коррупцией, сохраняя все свои привилегии и доходы. Ректор вуза, в котором царят вымогательство и взятки, создает антикоррупционный комитет в учебном заведении, где такой институт по определению невозможен. Профессора уже не озабочены просвещением, а приглядывают друг за другом. Неужто и в самом деле коррупция — это наше все, стиль нашей жизни, главный нерв нашей государственной системы? Но где та нравственная сила, которая объявит войну кичливому богатству, расхлябанности и безответственности чиновников, идиотизму непрофессиональных реформаторов, моральному бомжеванию интеллигенции? Кто остановит постоянное и непрерывное насильственное перераспределение собственности? Кто объяснит молодому поколению, что соблазны растлевают душу?

В ходе нашего обсуждения были затронуты разные вопросы. Мы говорили о происхождении морали, отмечали негативное воздействие социальных условий на нравственные представления людей. Но, пожалуй, не поставили вопрос о личной ответственности каждого человека за свой нравственный выбор. Некоторые исследователи считают, что человеком можно манипулировать, что человеческое поведение есть сумма воздействия среды. Но другие, напротив, уверены, что все поступки человека обусловлены его собственным выбором и не могут быть оправданы никакими ссылками на социальные обстоятельства. Вспомним, что великие этические системы возникали в результате подвижничества отдельных людей, увлекавших за собой широкие слои. Вспомним особый пиетет, который испытывал русский философ М.М.Бахтин к Поступку. Нравственное деяние не проходит бесследно.

Мировой кризис позволяет сегодня заново осмыслить нравственные императивы. Опыт нравственных исканий показывает: ни добро, ни зло не предопределены и не реализуются автоматически. Решение всегда остается за человеком. Оно зависит от его способности относиться к самому себе, к своей жизни всерьез. Оно обусловлено его готовностью принимать вызов, решать и свои собственные нравственные задачи, и моральные проблемы всего общества. Оно, наконец, зависит от его мужества быть самим собой и быть для себя. Без глубокого индивидуального поступка разговоры о морали неизменно будут агрессивным разоблачительством без ответственности отдельного человека, власти, общества в целом.

В недрах общественного сознания, безусловно, рождается сегодня протест против массового одичания. Православная церковь пытается восстановить универсальные святыни. Люди, помнящие достоинство труда, ищут коллективной опоры. Во многих странах набирает политический вес консервативное сознание с его культом святости жизни, зачатия, семьи, семейных добродетелей, моральных заветов. Новейшие научные открытия в области психологии заставляют думать о хрупкости жизни, о связи всего живого на земле, о преступном эксплуататорском отношении к природе.

Мы затронули в ходе дискуссии вопрос о моральной риторике, которая замещает праведность и святость. Не зря Фрейд говорил о том, что мы должны быть особенно бдительны там, где возникает благородная фраза. На протяжении многих столетий философы, религиозные мыслители пытались раскрыть смысл и назначение нравственности. Что такое Добро и Зло? Как

возникла нравственность? Есть ли у нашей жизни какой-нибудь смысл? Если нет, то имеет ли она нравственный характер? Вообще коренится ли этот смысл в нравственной области? Если да, то в чем он состоит? Как дать верное и полное его определение? Возможна ли жизнь общества без морали?

Таковы общие проблемы нравственности. Отечественный писатель Фазиль Искандер на вопрос одного корреспондента: «Прогрессирует ли человек духовно» ответил: « У человека есть два типа ума — технологический и этический. Технологический ум развился невероятно. Сейчас десятиклассник знает об этом мире в миллион раз больше, чем Сократ. Зато современный философ едва-едва может разобраться в тех этических вопросах, которые ставил Сократ».

Мы заговорили о справедливости. После работы Н.А.Бердяева «Философия неравенства» тема общности стала уходить из этических исследований. Но ведь труд русского философа был направлен против всеобщей уравниловки. Разумеется, мир иерархичен. Нет сомнений в том, что в условиях свободы одаренный человек может занять высокое место в обществе. Социальное неравенство Бердяев считал оправданным, потому что у людей разные способности, неодинаковые стартовые возможности, есть трудолюбивые и бездельники.

В современных условиях тема равенства и справедливости возникает вновь и на иной основе. Сегодня в России воспроизводится система неравенства, которая существовала на Западе в XIX–XX веках. Справедливость состоит не в том, чтобы все были равны, а в том, чтобы неравенство было обоснованным и сбалансированным. В литературе и в публичных выступлениях говорят о справедливости лишь как о честном распределении доходов и социальных благ. Но разве справедливость исчерпывается таким пониманием? Вспомним, как в годы перестройки герой пьесы Гельмана «Премия» говорил о том, что каждый человек не должен ощущать себя винтиком — у него есть справедливое притязание на то, чтобы быть услышанным, влиять на ход социальных событий. Но даже в этом вопросе мы соскользнули на обочину экономического прагматизма.

Неоспоримо одно: важно восстановить практику дискуссий по этическим вопросам. Мы говорим о морали как условии выживания человечества. Дальнейший прогресс общества и, прежде всего, выход из мирового кризиса, невозможен без восстановления нравственности в ее законных правах.

Светлана НИКОЛАЕВА

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В XVII–XVIII вв.**

Важной характеристикой социальной функции христианской церкви в обществе является его отношение к национальному образованию и просвещению. В светском сознании чуть не к ней одной сводится весь позитивный смысл христианского вклада в национальную историю. Для церковного сознания очевидна некая потребность в образованности для внутренних задач церкви. Однако это задача производная и второстепенная. Можно сказать так, что русское православие лучший свой период жизни просуществовало необразованным, а духовная школа возникла, когда начался процесс разложения союза церкви и общества и кризис секуляризма. Просвещение явилось тяжелым испытанием для церкви не только в своем доктринальном исполнении антиклерикализма и «вольтерьянства», но и самим социальным процессом роста образованности и повышения требований к уровню знаний высших сословий, к чему церковь была не готова.

Исповедование православия, каким оно сложилось в России, в действительности не требовало богословской и интеллектуальной работы. В нем не заронилось того элемента, который, исходя из античности, то там, то сям в средневековой Европе пробуждал разум к интеллектуальному ренессансу и постепенно сформировал школу, разросшуюся в наследие богословской схоластики. И в этом не следует видеть исключительности или чего-то негативного. Скорее напротив, исторически исключительным и необычным для религиозного сознания является этот западноевропейский интеллектуальный интерес, который в России всегда вызывал подозрение в ереси.

Стремление некоторых деятелей собрать «все книги чтомыя, которыя в русской земле обретаются» (кроме митрополита Макария, крупные библиотеки собирал Иван Грозный, патриарх Никон и некоторые другие лица) было важным историческим делом, но сугубо личным, в общественном мнении даже не значимым. Но если такой интерес и был свойственен не массе, а некоторым прогрессивным личностям, это была реальная просветительская работа, ведь книжничество в русской средневековой культуре было тоже церковным явлением. «На уровне начетничества и случайных личных дарований и стояло веками церковное просвещение... Категория развития ума, мысли, науки и вообще человеческой земной культуры отсутствовала в составе учения православной церкви. Ревность о культуре принадлежала к

попечениям мира сего... Именно отрешенность от многоученного, но еретического Запада и оправдывала опытно, наглядно то невысказанное словами, но глубоко залегшее в русском православном сердце убеждение, что для спасения души культура совсем не нужна, что она дело для церкви постороннее, даже и терпимое, но во всяком случае соблазнительное». В этом можно согласиться с А.В.Карташовым, если говорить о светской культуре, но не о культуре вообще¹.

Тем не менее, дело церковного просвещения после длинного ряда попыток завелось. Карташов красочно передает страшное смущение, происшедшее при первой встрече московской старины с веяниями учености из Украины, с которой предстояло объединяться и в которой XVII век был связан с широкой волной просвещения, возбужденного польско-литовским влиянием. Встреча киевской школьности с московской беспшкольностью произвела острое интеллектуальное и духовное брожение. Первая русская школа была создана А.Курбским в Литве в 1581 г. (Острожская школа). В 1640 г. царское правительство не отозвалось на предложение Петра Могилы открыть в Москве монастырскую школу для обучения грамоте греческой и латинской². Но основанная Петром в Киеве Академия надолго становится центром просвещенного священства и епископства, питая пробуждаемый Север. В 1650-х годах боярином Ртищевым в Москве был учрежден Андреевский-Преображенский ученый монастырь со школой, в Чудовом монастыре была открыта греко-латинская школа под началом Епифания Славинецкого. В 1679 г., при Федоре Алексеевиче, — школа в Богоявленском монастыре. Все это были недолговременные начинания. Наконец, в 1687 г. по проекту «Академии» Симеона Полоцкого открылась Славяно-греко-латинская школа, просуществовавшая несколько десятилетий³.

В конце века уже виден тренд — открывается Греко-славянская школа в Новгороде и целый ряд школ на Юге России, в Чернигове, Ростове, Тобольске. Реформы в церкви начала XVIII в., под нажимом Петра I, означают просветительский переворот: предписывается, помимо духовных семинарий, открывать при архиерейских домах и при больших монастырях начальные общеобразовательные школы. Образовательный ценз и экзамен духовенства стали условием вступления в сан. Все это означало коренное изменение условий и содержания жизни духовенства, старых московских порядков. Медленно, но верно система образованности духовенства была запущена и уже через столетие начала давать свои плоды. В XVIII в. была создана Духовная академия. В XIX в. встала на ноги православная наука, породив блестящую плеяду

¹ *Карташов А.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 545.

² Вот типичные умонастроения из документов той эпохи: «Кто по-латыни учится, тот с правого пути совратится». О первых малороссах, пришедших учить грамоте и исправлять книги, москвитяне писали доносы: «Зрим бо в них ни единого от добродетелей; Христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость, и вместо поста многоядение и пьянство любят... И лжу швиваючи самосмышлением, разум божественного писания лукаво скрываючи, своевольнее блядут на прелесть безумным человеком». *Карташов А.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. — М., 1991. С. 122.

³ Славянско-греко-латинская школа формирует модель семинарского образования. В ней могли получать образование студенты разных сословий. Обучение было бесплатным, с полным содержанием и стипендией. Выходцы школы составляли не только ряды духовенства, но самых широких категорий государственных служащих.

академических профессоров. С XIX в. просвещение стало органической частью церковной жизни.

По замыслу реформаторов XVIII в., церковь должна была стать, как много веков назад, силой, просвещающей общество⁴. По их убеждению, церковь должна была стать министерством народного образования и служить просвещению Отечества. Но если само православное просвещение стояло все еще под подозрением, тем более негативно должны были восприниматься в церковных кругах чисто светские просвещение и образованность.

Католическая церковь в Европе служила локомотивом роста образованности в средневековье, благодаря объединению богословия и наук под сенью университетского знания. В России церковное сознание, не переживая процессов интеллектуального и богословского развития, выступает против любых форм нецерковной образованности как таковой. В том, над чем мудрят философы, писал Филофей в XIV в., «в этом труды и старание велики, а результат мал». В XVIII в., будучи принуждаема к просвещению народа, церковь воспринимает светскую науку и философствование как излишнее «высоковытйствовующее мудрствование», хотя уже не так категорично. Платон Левшин, митрополит, авторитетнейший ум екатерининского времени, пишет: «Нет моего намерения касаться похвальной философии, или такой мудрости, которая с кротостию упражняется в познании вещей и в испытании дел Создательных: ибо сего требует данное нам от Бога дарование разума. Но когдаж она к чувственным вещам мира сего столь себя пригвождает, что о протчем всем духовном с презрением нерадит, и в самых тайнах спасения не пленяет ум свой в послушание веры (2 Кор. 10, 5); тогда уже она подпадает всей строгости слова Божия, и о ней исполняется тогда, что во Пророках писано есть: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну (1 Кор. 1, 19). ...Называется бо мудрость человеческая, мирская, земная и плотская (Иак 3, 15). Так как напротив премудрость, которая упражняется в делах спасения нашего, называется божественная, свыше сходящая и духовная»⁵.

Светское образование не было воспринято сердцем. Церковь принимает на себя постепенно в XVIII в. задачу организации образовательных учреждений, но скорее как государственное тягло: функционирует широкая сеть «циферных» (общеобразовательных) школ, Славяно-греко-латинская академия, в которой учатся выходцы разных сословий, сеть духовных училищ, формирующая разночинцев. Первоначальный замысел церкви, как широкой образовательной сети, реализуется в конце XIX в., как национальный проект создания церковно-приходских школ, душой и исполнителем которого был обер-прокурор К. Победоносцев⁶. Однако когда был создан Московский университет, в нем не была открыта кафедра богословия, как во всех университетах Европы⁷.

⁴ В первой половине XIX в. все дела религии и образования совокупно берет под себя Министерство народного просвещения.

⁵ Богословское творчество русских святителей. Платон (Левшин). Проповеди // Русская философская мысль XI–XVII вв. Электронное издание. — М., 2006. С. 200–201.

⁶ В рамках этой программы начального просвещения было создано 48000 школ, 46,5% всех школ низшего уровня. См. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2 // История России. Электронное издание. — М., 2005. С. 39716.

⁷ В Московском государственном университете открываются в 1804 г. кафедра нравственного богословия, а в 1835 г. — кафедра догматического и нравоучительного богословия.

Ученые и богословы XVIII в. не ломают голову над тем, как соединить истины веры с истинами науки. Задача получения грамотности была близка и понятна, но смычка с наукой давалась тяжело.

Смежным и еще более конфликтным рядом со школьным был книжный вопрос. Сводя ключевой элемент религиозной жизни почти до самодостаточности к традиции, к созерцательному богослужению и молитве, русское православие не предоставляет стимулов, которые развивали бы массовую потребность в книге: само чтение Писания уважается, но считается не необходимым, а порой даже опасным занятием. Не поощряется праздное мудрствование по вопросам веры, поэтому даже и чтение отцов Церкви не всегда получает одобрение. Само понятие душеполезного чтения получает в русской культуре распространение только в XIX веке, с охватом грамотностью широких слоев населения. В московском средневековье нет богословских споров, нет полноценной книжной традиции, нет сообщения с ученой зарубежностью, в высшем свете образованность не пользуется престижем, нет того потока еретических движений, который бы всерьез провоцировал религиозный мейнстрим⁸.

Тем не менее, энтузиазм богопознания заражает, разумеется, и русского человека, делая его книжником. Русские книжники живут своим, очень узким миром, почти не затрагивая общественную жизнь⁹. Они и грамотностью овладевают, скорее, из праздности, чем из надобности. Книги создаются, но в том же темпе, что и на заре принятия христианства. Систематической книжной культуры, умения писать, а также и умения читать книги не возникает. Каждая книга пишется «по поводу», часто из потребности публично обвинить или же публично объясниться. Книг мало, так что не требуется даже папского «Индекса запрещенных книг»¹⁰. Рукописные списки произведений известны наперечет¹¹. Тем не менее, печатному станку в России принадлежит не менее революционная роль, чем ранее в Европе.

Открытая при Иване Грозном первая типография Ивана Федорова (1552 г.) была слишком ранней пробой¹². Гораздо более далеко на этом поприще про-

⁸ Пробуждением от богословского сна служит раскол. Симеон Полоцкий описывает охватившую народ страсть к богословским спорам: «Ныне у нас многие хотят именоваться учителями Св. Писания, а не учениками... Что у нас делается: о богословии разглагольствуют и взрослые, и отроки; и в лесах дикие люди беседуют, и на торжищах скотопродавцы, и в корчмах пьяные, буия женища (глупое бабье. — *Прим. автора*) словопрение бьют безумное, наперекор мужьям своим и церкви. Конечно, чтение Св. Писания полезно всякому: и мужчине, и женщине. Но оно прилично только тому, у кого есть ключ разумения, а на это дает право одно учение». Цит. по: *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2 // *История России...* С. 25711.

⁹ «Писано есть, сице найдет на тя печаль, почитай книги... можешь своим умудрением смущен ум собрати и колеблющую мысль добре устави», — писал Авраам Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, находившемуся в заточении архимандриту Дионисию. См. *Кедров С.* Авраамий Палицын. — М., 1880. С. 195. «Не мечом должна добиваться своей славы Россия, — осознает Симеон Полоцкий в XVII в., — а «книгами». *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. — М.-Л., 1953. С. 159.

¹⁰ Впрочем, известный книжник митрополит Киприан в своем Молитвеннике поместил целую статью «о книгах запрещенных». См. *Иловайский Д.И.* Церковь и книжная словесность / Он же. Собиратели Руси // *История России...* С. 30143.

¹¹ См. *Иловайский Д.И.* Состояние просвещения в Московской Руси XVI века / Царская Русь. // *История России...* С. 31008.

¹² Впрочем, исторически это была далеко не первая из типографий на кириллице: в конце XV века православными русинами учреждается типография в польском Кракове.

двинулся кружок издателей Острожской Библии во главе с Андреем Курбским (здесь нашел прибежище и Иван Федоров). К 1551 г. им были подготовлены и изданы полные тексты первой славянской Библии¹³. С конца XVI в. московские церковные и светские власти овладевают технологией печати и открывают в ней новые возможности. А задача издания книг становится повседневной и насущной задачей первоиерархов. Почти ежегодно выходят из печати новые книги. Вместе с новыми возможностями приходят новые смущения; книгоиздание становится оселком внутрицерковных конфликтов. Печатный станок жестко поставил власти перед фактом многообразия редакций богослужебных книг.

Игнорировать эту проблему, как это происходило последние два века под сурдинку жалоб на разночтения, более было нельзя. Начиная с начала XVI в., с Максима Грека, и вплоть до конца XVII в. — на протяжении долгих двух столетий — вновь и вновь разворачивается один и тот же сценарий: очевидная, необоримая потребность унификации книг — обращение к источнику и исправление перевода — публичный конфликт после издания — наказание переводчиков и издателей¹⁴. Один из примеров — правка и издание Типикона по указу царя в 1613 г. игуменом Троице-Сергиевой лавры Дионисием, Арсением (Глухим), священником Иваном Наседкой. По завершении усердного труда Собор во главе с митрополитом Ионой вместо вознаграждения приговорили правщиков к жестокому наказанию¹⁵. Впрочем, книжные правки постепенно входят в обиход, уже не поражая сознание москвитов. И лишь неосторожное и, по сути, прямолинейное предприятие Никона, поручившего правку руководству самих греков и соединившего ее с обрядовой реформой, разожгло пламя раскола¹⁶.

Никон был тем, кто поставил вопрос о правке книг принципиально, как о реформе, по сути, объявив о принципиальном недоверии к старине. И ответом на такую постановку вопроса не мог не быть такой же принципиальный ответ — раскол. Разумеется, гораздо острее был вопрос об исправлении обрядов. К ошибкам в тексте книг привыкли, это понимали. Но чтобы русские обряды были повреждены в сравнении с греческими, это московский народ никак принять не мог. Такая порча шла вразрез с глубоким обратным и вековым

В ней была издана Псалтырь (1491). В 90-х годах XV столетия появляются церковно-славянские книги, напечатанные в Венеции и даже в Цетинье, т.е. в Черногории; в начале XVI в. они печатаются и в Молдо-Валахии. Франциск Скорина, русский человек, родом из Полоцка, в 1517–1519 гг. напечатал в чешской Праге Библию на западно-русском наречии. Он же потом печатал книги в Вильне. См. *Иловайский Д.И.* Состояние просвещения в Московской Руси XVI века / Он же. Царская Русь // История России. С. 31013.

¹³ Первая полная славянская письменная Библия была создана архиепископом Геннадием Новгородским в 1490 г., в целях борьбы с ересью жидовствующих.

¹⁴ *Карташов А.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 150.

¹⁶ «Идея исправления книг для патриарха Никона была попутной случайностью, выводом из главной его идеи. А самое дело книжной sprawy было для него старым традиционным делом патриархов, которое надо было просто по инерции продолжать». *Карташов А.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 147. «Сам Никон уже к концу своего патриаршества значительно отступил от принципа, а в Иверском монастыре, где закончил свою жизнь, даже печатал книги по-старому». *Карташов А.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 165.

убеждением москвичей, что именно в Москве, как в Третьем Риме, русские сохранили подлинную православную старину. Надо сказать, что напористость и энергия Никона по преимуществу исходила из идеи и амбиций, общих для него вместе с Алексеем Михайловичем, о задаче выхода России и русской церкви на вселенский простор, для чего русская церковь должна достичь единообразия с другими православными церквями. Царь Алексей Михайлович всерьез задумывался о Константинопольском троне, а Никон готовил почву для возможности сослужения в ряду пяти вселенских патриархов. «Теократическая идеология «единого вселенского православного царя всех христиан» толкала московских царей на путь сближения с греками и всеми другими православными, — замечает А. Карташов. — А доморощенная Москва, загородившая свое православие китайскими стенами, не пускала своих царей на вселенское поприще»¹⁷.

Пришедшая вместе с книгой возможность тиражируемости была высоко оценена для задачи объединения страны под куполом единого обряда. Однако общество не смогло достичь единогласия в содержании единого для всей страны текста. Русская культура не выдержала испытания книгопечатанием. Она пока не была готова к новому формату культуры, которую несла с собой печатная книга¹⁸. Тем не менее, и здесь, как в образовании и науке, православная церковь, не умея быть мотором, становится важным стимулом социальных процессов. Вплоть до конца XVIII в. церковное книгопечатание загружает работой отрасль, лишь постепенно уступая место массовому потоку светской литературы.

¹⁷ *Карташов А.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. — М., 1991, С. 121.

¹⁸ Впрочем, таким же искушением книга, конкретно Библия, послужила и для западной культуры. Но там революционное действие вызвало не столько содержание книги, сколько ее тиражируемость и доступность, позволившая «впустить» в культуру самостоятельного чтения огромное число верующих и тем самым спровоцировать Реформацию. См. *Назарчук А.* О влиянии книгопечатания на развитие протестантизма в Европе. // Новая и новейшая история. №4, 2006. С. 69.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

НАРОДОВЛАСТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ЗЛО

Стаут Джеффри. Демократия и традиция. — М.: Прогресс, 2009, тираж 1200 экз., 464 с.

Книга видного политолога и религиоведа, профессора Принстонского университета Дж. Стаут посвящена анализу двух противоположных тенденций в современной политической жизни Запада — демократического либерализма и религиозного традиционализма. Судя по названию книги, можно полагать, что автор проводит радикальное различие между демократией и традицией. Но это не совсем так. Стаут доказывает, что надо рассматривать демократию тоже как уже сложившуюся традицию, укорененную в обществе.

Автор анализирует взгляды своих духовных учителей, столь видных теоретиков демократии, как У. Уитмен, Р. Эмерсон, Дж. Дьюи и их последователей. Большое внимание автор уделяет также разбору положений, выдвигаемых крупнейшими американскими исследователями, стоящими на позициях современной теологии. Они доказывают, что современный политический дискурс должен вестись с привлечением аргументации религиозно-нравственного характера.

Следуя за мыслью автора, невольно вступаешь в мир во многом утраченных этических размышлений. Политика со времен Н. Макиавелли считается поприщем, где всякое нравственное побуждение оказывается архаизмом. Политические философы внушали нам, что если прежде существовали политические страсти, то сегодня мы наблюдаем необузданность в сочетании с глубоким отвращением к политике. Тон книги Стаута иной. Он призывает к нравственности, он возлагает надежды на единение людей и народов. *«Но до последнего времени мы сосредоточивались на наших этнических, расовых и религиозных противоречиях. Мы не привыкли задумываться о том, что же нас объединяет, — если такие факторы вообще существуют»* (с. 15).

Нет нужды доказывать, что в современных демократических обществах, судя по всему, отсутствует объединяющий антураж. Современные социумы либерального толка опустошены морально и духовно. Демократия и есть традиция, которая прививает определенный стиль мышления, отношения к различиям и власти, к определенным благам и добродетелям. Действительно, почти всякая нация в наши дни не скупится на громкие заявления демократического характера. Однако пустая риторика едва ли может служить подходящим фундаментом для построения политического сообщества. Что же позволяет автору все же сохранить свои симпатии к демократии? Только

философское остережение. Что, мол, может произойти в эру глобального капитализма, корпоративной коррупции, политики идентичности, недовольства религиозных кругов светским обществом, теократического терроризма, если отказаться от демократической практики взаимной подотчетности?

Что и говорить, своевременное напутствие. Но каким образом в демократических обществах свили гнездо все эти криминальные процессы? Автор вовсе не утверждает, что демократию можно рассматривать как сущность современности. В нынешних социальных практиках демократические идеалы во многом воплощены. Демократия зачастую предпочтительнее своих предшественников и конкурентов. Но, по мнению автора, следует обратить внимание и на то, что современные демократии включают в себя и многое другое, кроме демократии. *«Заявление, что современное демократическое стремление есть благо, не должно уменьшать нашу способность распознавать современное зло: отчуждение, расизм, антисемитизм, перспектива ядерной войны, страдания бедных, банальность политического дискурса и так далее»* (с. 393).

Перечисление пороков демократии впечатляет, но оно не несет ощущения новизны. В условиях современного кризиса под сомнение ставятся не только эти особенности современной жизни. Многие политические философы ставят под сомнение весь «проект Просвещения», основные устои современного образа жизни. В наши дни бизнес-элиты занимается накоплением богатств, эксплуатированием иностранных рабочих, разрушением профсоюзов. Парадокс состоит в том, что все происходит от имени демократии и под прикрытием демократии.

Наиболее ценная часть книги связана с обсуждением этики как социальной практики. Этические нормы, по мнению Гегеля, создаются не благодаря чему-то вроде договора (между изначально рациональными участниками), а благодаря форме этической жизни (которая формирует субъективность и рациональность участвующих в ней индивидов). Эта форма жизни одновременно порождает и этические нормы, и рациональных индивидов, которые используют, изучают и пересматривают эти нормы.

Но такой взгляд на нравственные нормы страдает односторонностью. Еще Кант предостерегал от попытки «вылущивать» этические заповеди из наличной социальной практики. Если, допустим, мы видим, что действующая политика безнравственна и ее так оценивают все рационально мыслящие члены общества, то это вовсе не означает, что этику не следует соотносить с политикой. Нравственная норма не утрачивает своей ценности, считал Кант, даже если никто в обществе ее не соблюдает. Тем хуже для общества. Автор замечает, что *«демократические этические нормы первоначально образовались из общей для людей склонности реагировать определенным образом на поведение определенного рода»* (с. 370).

Реагируя определенным образом на социальную реальность, можно вызвать к жизни безнравственные эталоны поведения и оправдать их самим фактом коллективной поддержки. Прагматизм рассматривает права и обязанности как продукты социальной практики. Но это неполный взгляд. Выработка этических норм предполагает не только наличную коллективную практику, но еще и философскую рефлексию над тем, что считается сегодня этическим. Практика в целом может быть отражением произвольного выбора, делом субъективным.

Но Дж. Стаута в большей степени заботит другая сторона вопроса. А что будет, если мы вдруг поставим под сомнение общие установки и начнем искать для них иную подоснову? Стоит нам отказаться от привычных стандартов — и проявится этический произвол? Обнаружится множество субъективных оценок, решений, партикуляристских взглядов. Но разве при опоре на коллективное мнение, не пропущенное через огниво мысли, нет такой перспективы? Скорее всего, в современном мире именно корпоративные интересы подменяют собой сложную и обостренную нравственную работу.

Разумеется, автор замечает, что он вовсе не одобряет сведение истины или объективности к тому, что считает таковым современное общество. Но Стаут заведомо убежден в том, что в каждом поступке человека неизменно присутствует нравственная подоплека. Вот это, мол, и есть опора, позволяющая проводить различие между истинностью и оправданностью. Выставляя собственное мнение, я, мол, наталкиваюсь на множество других суждений. Это и есть гарантия, позволяющая каждому участнику социального процесса войти в русло нравственной оценки.

Д. Стаут отвлекается от мысли, что в современном мире существуют корпоративные мнения, которые подпитывают совсем не ценности, а интересы. В такой коллективной сплотке можно легко забыть и про категорический императив Канта.

Автор справедливо отмечает, что критики демократии изображают ее как тенденцию, согласно которой неоспоримый авторитет приписывается этическим мнениям граждан, кристаллизующим некий средний результат. Такой подход действительно может обернуться авторитарностью. Тем более, что политическая нечистоплотность вовлекает в русло своих интересов граждан, полных страха и негодования по отношению к своим противникам. Такой конформистский тип социальности автор отвергает. Но при этом он признает право каждого человека быть состоятельным в качестве этического арбитра. Но, в свете ранее сказанного, на чем может строиться такое убеждение? Разве только на отвлеченной благожелательности и общих упованиях.

Книга Стаута интересна, но социальная практика сегодня протекает в иных скоростях, невольно опережающих академическую мысль.

Эльвира Спирова

С.Кортунов. «Национальная идентичность. Постигание смысла». — М.2009.

Монография профессора кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУВШЭ С.В.Кортунова посвящена исключительно актуальной теме. Стремительные изменения в мире в конце XX — начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему национальной идентичности.

Целый ряд процессов глобализации непосредственно влияет на обострение кризиса идентичности. Эти процессы — демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и др. — неизбежно наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие своему естественному развитию. При этом развиваются многообразные конфликты, исход которых зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому, или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер.

Для России, находящейся в стадии социально-экономической трансформации и одновременно сохраняющей по объективным причинам преемственность своих не только региональных, но и глобальных интересов, все эти проблемы являются особенно важными и актуальными. Дело в том, что именно в тот момент, когда глобализация начала свое триумфальное шествие по планете, беспощадно и безжалостно уничтожая основы национальной идентичности различных, казалось бы, состоявшихся на века стран мира, Россия сознательно отказалась от советской идентичности, с которой она жила на протяжении почти 75 лет, что, собственно, и разрушило СССР. Тем самым Россия сама себя поставила перед сложнейшим и мучительным выбором самоопределения. Но такой выбор пока не сделан.

Автор рецензируемой работы, исследуя все эти крайне сложные проблемы, связанные со столкновением ослабленной национальной идентичности России с ценностями глобализирующегося мира, приходит к ряду интересных и оригинальных выводов.

Особую ценность представляет обоснование вывода о том, что в современной конкурентной борьбе выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности неизбежно растворяются в процессах глобализации. Это, в свою очередь, заставляет автора поднимать другую проблему: проблему взаимного влияния модернизации и идентичности. Вполне аргументированным представляется тезис о том, что успешно проведенная

модернизация не может не затронуть культурные, а следовательно, идентификационные коды нации. Более того, успешная модернизация во многом основана на адаптивной трансформации этих кодов. Можно поэтому предположить, что проблема адаптивной трансформации идентичности — одна из основных (а, возможно, и главная) проблема модернизации. С другой стороны, чрезмерно жесткая конструкция национальной идентичности, не способная к гибкой трансформации, может стать непреодолимым препятствием к модернизации страны. В этом случае часто возникают и распространяются представления об «особом» пути развития. Такие представления, будучи по существу реакцией на неудачи и провалы модернизации, способны привести к скатыванию в традиционализм или даже в архаику.

Можно согласиться с автором и в том, что идентичность России никогда не была собственно национальной. Она была наднациональной — сначала имперской, а затем советской. Естественно, что после распада СССР Россия не могла в одночасье сформировать национальную идентичность, поскольку население этого самого большого осколка СССР не представляло собой нацию в западном смысле этого слова. Если же взять всю историю России, то можно увидеть, как одна идентичность неоднократно насаждалась на другую, при этом прорастая сквозь нее так, что новая идентичность «мутировала», испытывая к тому же воздействие других культур и цивилизаций хотя бы в силу того, что Россия находилась с ними в непосредственном соседстве.

На большом историческом материале С.В.Кортунов аргументирует следующую точку зрения: национальная идентичность России представляет собой не «плавильный котел» (как, например, в США), а своего рода «слоеный пирог», ни один из слоев которого российской цивилизацией полностью не отторгнут. Это следующие слои (они же измерения идентичности): православный (религиозный); коммунистический (идеологический); либеральный (аксиологический); евразийский (геополитический или территориальный); культурный (европейский); националистический (этнический); имперский; технологический (модернизационный).

Весьма любопытны рассуждения автора о том, что, пытаясь самоопределиться в начале XXI века, Россия делает сразу несколько выборов: между Большой Европой и собственным геополитическим проектом; между империей и национальным государством; между относительной изоляцией и полной открытостью; между максимальной свободой и патерналистским государством; между индивидуализмом и коллективизмом (соборностью); между мобилизационным и инновационным типами развития (модернизации); между построением политической нации («граждане РФ») и возрождением империи; между протестантской трудовой этикой и этикой общинного (артельного) труда.

Весьма своевременным представляется вывод автора о том, что сама история делает за Россию выбор в пользу европейского вектора развития, учитывая ее неблагоприятную демографическую ситуацию, геополитическую уязвимость, технологическое отставание, неспособность самостоятельно освоить свою территорию, включая природные ресурсы, натиск мирового ислама, грядущее давление растущего Китая и другие факторы. Значимость «европейской самоидентификации» для формирования как внутри-, так и внешнеполитического курса страны год от года будет только возрастать. Формирование новой российской идентичности, которая не противостоит европейской, а сочетается с ней, — возможно и необходимо. Для этого, однако, необходимы глубокие изменения в массовом и элитном сознании, которые еще не завершены. Россия является европейской страной в силу своей судьбы, культурных

традиций, географического положения. Ее будущее неразрывно связано с Европой. Потенциал российской нации может раскрыться только через творческое освоение ценностей европейской цивилизации, в формирование которой внесла существенный вклад великая русская культура.

Отдельные вопросы национальной идентичности в условиях глобализации поднимаются в работах А.Г.Арбатова, А.С.Ахиезера, Э.Я.Баталова, Л.М.Дробжевой, В.В.Ильина, В.К.Кантора, В.В.Коротеевой, В.Н.Кузнецова, В.Л.Лобера, Н.А.Нарочницкой, Ю.С.Пивоварова, Э.А.Позднякова, М.М.Решетникова, И.С.Семененко, Н.А.Симония, А.И.Солженицына, С.В.Чугрова, А.С.Ципко и др. Что касается работ, по которым наиболее адекватно можно судить о восприятии становления национальной идентичности России в последние 10-12 лет западными странами, то к ним в первую очередь следует отнести книги З.Бжезинского, И.Валлерстайна, Ш.Гарнетта, Т.Грэма, Дж.Гудби, Г.Киссинджера, С.Коэна, Дж.Къезы, Р.Легволда, А.Рара, С.Сестановича, С.Тэлботта, М.Тэтчер, Ф.Фукуямы, С.Хантингтона и др.

Однако комплексных исследований проблем национальной идентичности России в условиях глобализации в настоящий момент нет. В монографии С.В.Кортунова предпринимается попытка, и, на наш взгляд, весьма удачная, восполнить этот пробел.

Полагаю, что автор опубликовал прекрасную работу, которой суждено стать весьма заметной и влиятельной книгой — как среди отечественных интеллектуалов, так и среди политиков. Серьезным подспорьем она является и для профессоров и студентов отечественных ВУЗов, изучающих дисциплины, связанные с отечественной историей, философией, обществоведением, международными отношениями и мировой политикой.

На наш взгляд, С.В.Кортунову следовало бы продолжить работу над проблематикой национальной идентичности и подумать о переиздании книги на эту тему через некоторое время, причем большим тиражом. В ходе такой работы стоило бы еще раз уточнить используемый понятийный аппарат, дать более строгую трактовку понятиям «идентичность», «цивилизация», «евразийство», «атлантизм», «ценности», «культурное ядро» и проч. Нуждается в дополнительном исследовании ключевой вывод автора: **национальная идентичность является важнейшим ресурсом развития, инновационной модернизации и конкурентоспособности России в XXI веке.**

Хотелось бы пожелать С.В.Кортунову изложить авторское видение того, как предлагаемые им парадигмы развития России могли бы быть осуществлены на практике. Это в первую очередь касается выхода России на позиции одного из мировых лидеров. Важно было бы в этом контексте больше внимания уделить анализу реалистичности важнейших государственных документов, утвержденных президентом Д.Медведевым: Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. («Стратегия 2020»), Концепции внешней политики РФ 2008 г., а также Стратегии национальной безопасности 2009 г. Работа бы выиграла также и в том случае, если бы ее важнейшие концептуальные положения и выводы были бы подкреплены соответствующими социологическими исследованиями, в частности, касающимися эволюции настроений российских региональных элит.

Вместе с тем, эти замечания носят характер пожелания дальнейших творческих успехов и никак не снижают общую высокую оценку оригинальной и чрезвычайно интересной работы С.В.Кортунова.

Вагиф Гусейнов

**О книгах Казахстанского института
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан (КИСИ)
«Казахстан в современном мире:
реалии и перспективы» (Алматы, 2008)
и «Казахстан в системе мировых
экономических процессов» (Алматы, 2008)**

Перед нами труды одного из ведущих центральноазиатских научно-исследовательских центров — Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ). В последние годы отечественным и зарубежным экспертным сообществом выпущено немало интересных и нужных книг, посвященных центральноазиатской проблематике. Было создано и проанализировано значительное количество сценариев развития ситуации в регионе, а также дано много рецептов противостояния угрозам и вызовам, исходящим для России из Центральной Азии и со Среднего Востока. Однако в череде этих трудов на втором плане почему-то оказались исследования центральноазиатских ученых. Данное положение вещей тем более несправедливо, что не услышанным остается голос тех, кто варится в гуще политических событий региона, кто знает ситуацию здесь лучше остальных, наблюдающих за ней «издалека».

Книги «Казахстан в современном мире: реалии и перспективы» и «Казахстан в системе мировых экономических процессов» предоставляют читателю уникальную возможность ознакомиться с точкой зрения казахстанского экспертного сообщества на перспективы развития ситуации в Центральной Азии. На фоне описания региональной и глобальной обстановки здесь глубоко осмыслены основные тенденции развития независимого Казахстана, дан анализ действий центральных властей республики по реформированию общества и государства. Особо подкупает в данном случае то обстоятельство, что сотрудники КИСИ не пошли легким путем тотального одобрения всего, что было сделано на внутривластной и международной аренах президентом страны Н.Назарбаевым. Ученые попытались провести объективное исследование ситуации, выявить позитивные и негативные моменты эпохи реформирования, а также выработать рецепты преодоления трудностей, стоящих в настоящий момент перед государством.

В книге «Казахстан в современном мире: реалии и перспективы» авторы, в частности, подвергают анализу общую ситуацию в регионе. Весьма, на наш взгляд, справедливо они уделяют повышенное внимание китайскому фактору, глубоко и детально анализируют внешнюю политику Пекина, сравнивают его геополитические возможности с возможностями России и США. Обоснованным выглядит вывод о желании КНР «столкнуться в регионе лбами» Москву

и Вашингтон и вытеснить США из Центральной Азии руками России. Интересно читателям будет узнать и о том, как видят казахстанские эксперты перспективы взаимоотношений Астаны с США и НАТО. Авторы полагают, что контакты между Казахстаном, с одной стороны, и Североатлантическим альянсом и США, с другой, будут активно развиваться, поскольку республика является ключевым звеном грандиозных транспортно-энергетических проектов — ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ.

Исследование «Казахстан в системе мировых экономических процессов» рассматривает проблемы развития экономики Казахстана в широком международном контексте. На наш взгляд, наибольший интерес читателя вызовет глава, посвященная двум крупным региональным организациям — ШОС и ЕврАзЭС. Важно отметить, что авторы монографии основной акцент делают на изучении экономического сотрудничества государств — членов ШОС, то есть на том аспекте деятельности организации, который обычно рассматривается исследователями как вторичный. Весьма детально авторы анализируют проблемы, мешающие развитию полноценного экономического сотрудничества участников ШОС. К ним они относят неудовлетворительное техническое состояние транспортной инфраструктуры, несогласованность таможенной политики, высокий уровень коррупции, недостаточный уровень финансового сотрудничества и ряд других. Вполне обоснованным и логичным выглядит вывод о необходимости формирования организационно-правового механизма развития экономического сотрудничества государств ШОС.

Не лишены, однако, научные труды КИСИ и определенных недостатков. К ним в первую очередь необходимо отнести некоторую перегруженность текста фактами, а также структурную неряшливость ряда глав. Концептуальные же замечания (авторы несколько, на наш взгляд, недооценивают роль России в регионе и преувеличивают интеграционные возможности Казахстана как евроазиатского политического и финансового центра и т.д.) являются предметом для последующей дискуссии между отечественным и казахстанским экспертными сообществами.

В целом можно говорить о том, что обе книги являются цельными и актуальными научными трудами, которые найдут живой отклик у читателей. Принимая во внимание хороший язык, а также научную глубину исследований, книги авторского коллектива КИСИ вполне можно рекомендовать для изучения в научно-исследовательских институтах, а также в профильных вузах РФ.

Сергей Демиденко

SUMMARY

PRESSING TOPICS

Nelly Motrosheelova. THE RUSSIAN REALITIES AND DISCUSSIONS VIEWED THROUGH THE PROBLEMS OF THE CIVIL SOCIETY

1. All over the world, the true civil society structures come into being spontaneously, voluntarily, as they say in America, spring out of 'grass roots', i.e. are born from the very midst of the popular life. In our country, this sometimes happens too, when, for example, the deceived depositors or stakeholders rally for a while; though, upon achieving some results or, more often, having not achieved them, these groups would break up — more often because of despair, weariness, and hopelessness. Thus, the civil society structures rooted in spontaneity of their occurrence, are notable, especially in our country, for their brittleness, fragility.

2. It would be wrong to see the cause of occurrence and development of the civil society just in many-century-old development of the history; it is the modern civilization that have experienced, as was shown, the processes of impetuous civilizational transformations. To add — the civil society concepts are quite often postulating spontaneity, voluntariness of occurrence as the characteristics of its structures. Here, the modern history brings about its corrective amendments, too, in the sense that forming up the civil society might not as well proceed just spontaneously, but, in some of its part, develop according to a plan of its formation, which is to be implemented with the participation of the state — including such to which realization will be — though certainly together with 'the public'.

3. In the 'living world' and by the Russian social scientists, some valuable and important particular suggestions have already been offered that may assist more intensive processes of the civil society formation in our country. To add to the before said general tendencies and opportunities, I am going to further consider a number of more specific objectives of forming up the civil society in Russia, leaning on the literature to the subject and adding my own suggestions and ideas.

Alexey Yermakov, Boris Sidorov, Karim Urazbayev. ON RUSSIA'S ROLE IN INTENSIFYING THE INTEGRATION PROCESSES WITHIN THE POST SOVIET SPACE

1. The world financial and the economic crisis to a great degree negatively affect the economic situation in the CIS countries. The crisis influence force varies from one the CIS country economy to another and depends upon the degree of their integration into global economy, the state of their financial and bank systems, and their stock market. Thus, it is quite clear, that it is not possible to develop the integration processes within the Commonwealth, in the interests of the member-countries, relying on modernizing its instruments and mechanisms, as it had been suggested before.

2. In the process of globalization, the regional states may take in just those efforts of the leading countries that secure solving the problems of primacy with no damage to the political

mentality of the countries with lower level of social and economic development, poor countries. There is enough justice in such a statement, «the political dignity is also the ethnic and national self-determination, religious self-consciousness»; and all this in the world where sharp awareness of economic, racial and ethnic inequality has become universal.

3. Building up common mechanisms of financial stability in the countries of Commonwealth could not help resulting in bringing the foreign policy objectives together, in transformation of all the system of the relations of partnership into these of alliance, based on community of ends and tasks of political and economic development, geostrategic and national interests. This is to be provided for, primarily, by the Strategy of the CIS Economic Development up to 2020, adopted by the CIS heads of Governments in last November. The very fact proves, that the countries of Commonwealth have an understanding of their common vector in economic development. Nowadays, the draft plan of implementing the Strategy's first stage of 2009-13 is being worked out.

Yury Shelistov. VALUE AND TECHNOLOGY COMPONENTS IN POLITICS

1. The problem is, the political technologies, with their function to adapt the political system to the needs of the society, as a rule, in most rational and effective ways serve the interests of the limited circle of political actors, undermining the principles of social justice and, hence, the true legitimacy. In the systems built according to the Liberalist ideas, the formation of the socio-political order is seen as spontaneous movement, as some free mutually advantageous exchange, ruled by 'an invisible hand of the market' (economic and political), as the spontaneity ordered by necessity of the coordination of interests only.

2. Speaking of the relations of ruling, it is impossible to exclude the moment of legitimacy of such political order by which the interests of some would be satisfied in the same measure than the interests of others. Political technologies in this context are used as the instrument of manipulating political behavior of the masses, becoming the means to legitimize political events, actions, projects that break the principles of social justice.

3. If there is needed political will, based upon the ideas of social justice, available, political technologies can be used to serve the truly democratic values. The idea of gradual social engineering, which ties up the knowledge of action structure, its technology, with predictability of result, guided by the assumption of regularity, norm-conformity of the social reality, cannot secure the final barrier in the way of irrational political practices.

Valery Paulman (Estonia). THE FAMINE

1. More people die of starvation not because of short-term food stuff missing, but because of long-term underfeeding brought in by poverty. That is, indeed, the true reason of starvation death of millions people! Poverty and famine are inseparably put into irons which, at least, a billion people have to carry today, that is, each the sixth human-being on the Earth. And half of the planet's populace have no balanced dietary intake containing necessary nourishments to live healthy valuable life, that, certainly, affects their physical and intellectual development.

2. Inequality of income distribution existed, since the early days of civilization, when man by man exploitation came into existence. And this truth is known to everybody for a long time. Hence, there was a purely practical conclusion: to put an end to the famine it is necessary to eliminate the social regime when some men exploit others. Private property on the means of production is to be terminated, except for that which serves one's own work. But solving this everlasting problem which belongs to the economic sphere is being hampered by the political problem.

3. So, if to be separated from unneeded verbal chaff, the true reasons for growing food-stuffs scarcity are exposed — the US currency policy; structural changes in agricultural crops production in favor of the ethanol, strengthened by corresponding stimulating financial levers under the conditions of tight domestic food markets in the developed countries; and, of course, speculative operations in a rush for the maximal profit.

GEOPOLITICS

Peter Schultze (Germany). GEOPOLITICS AT WORK: THE RUSSIAN-GEORGIAN CONFLICT

1. As the conflict in the South Ossetia proved, the policy of balancing on the brink of war Saakashvili used in his relations with the rebellious regions has gone in the past forever. Still, the Kremlin has not met its major goal in this war as well — the war was not resulted in Saakashvili overthrowing. Besides, it became obvious that the completion of the «hot» stage of the conflict would be followed with the West's making everything possible to protect Tbilisi against the threat from outside.

2. To prove its right to carry out some independent policy Moscow needed a convincing victory, an impressive move towards any the CIS member-state, even under the condition of unpredictability of the reaction on the part of the West. Russia were to demonstrate to these states that the USA would be of no help to them, while Russia, having overcome its many-year disregard of the international problems, was willing to stand for its interests within the post-Soviet space.

3. The Caucasian conflict has also shown the geopolitical possibilities of the three major players, the EU, Russia, and the USA. At their dramatic divergences in motivations and interests, the behavior of the parties during the conflict predetermined to some degree those changes in the world alignment of forces that give ground to some suggestions on how the multi-polar world is to come functioning in the future, at least, as far as the European dimension is concerned.

Tyberio Graciani (Italy). MARKETS' REGIONALIZATION AS THE FACTOR OF GEOPOLITICAL INTEGRATION

1. Today's financial and economic crisis of the West-bound system and structural regionalization of certain markets (South America, Eurasia), being the manifestations of re-dividing the planet into larger geopolitical spaces (multipolarity), accelerate a decline of the necessary nation and oppose globalization. This process, firmly based on the principle of economic interdependence, in the mid-term perspective might be displaced by a process of continental regionalization that is closely connected with the principle of augmentability.

2. The markets' regionalization in the two hemispheres of the planet that, until recently, was closely tied up with the process of globalization and, most important, integrally followed geopolitical doctrines of the world supremacy, which were the US policy guidelines for the several decades, now seem increasingly evolve towards larger continental formations and promote, in the mid-term perspective, the geopolitical integration of extensive self-sufficient spaces.

3. The principle of globalization and adherence to the world economic interdependence at the planetary level, is being displaced by the principle of augmentability, being the new basis for rallying the variety of economies at a continental level with due respect to the specifics and cultural traditions of various nations of the world. The 21st century, in the scales of all-planet economy, would be noted by the contradiction between the globalization and the processes aimed at forming the continental spaces economically supplementing each other.

FOREIGN AFFEARS

David Holloway (USA). THE VISION OF A WORLD FREE OF THE NUCLEAR WEAPONS

1. There has been an important recent shift in American discussions about nuclear policy, away from an exclusive emphasis on stopping other states from acquiring nuclear weapons to a focus on the creation a new nuclear order in which all the nuclear powers to move to eliminate nuclear weapons. Nuclear disarmament has moved to the center of the policy debate alongside nuclear nonproliferation..

2. Those who advocate the elimination of nuclear weapons argue that nuclear nonproliferation has to be accompanied by nuclear disarmament. A nuclear order based on discrimination — with some countries possessing nuclear weapons and others denied the right to have them — will not work over the long term. It will not be legitimate in the eyes even of those states that do not wish to have nuclear weapons. They may be less willing to sustain and enforce a discriminatory nuclear regime than a regime in which nuclear weapons are prohibited altogether.

3. The United States and Russia possess about 90 percent of the world's nuclear weapons. Cooperation between them is therefore vital if the world is to move toward the elimination of nuclear weapons. Only if the two countries can agree on a vision of a shared future will it be possible to take the first steps on the path toward the elimination of nuclear weapons. Relations between the two countries are, however, at a low point, with signs that we are on the verge of a nuclear arms race. The US-Russian relationship needs therefore to be put on a new footing. The goal of nuclear disarmament could form the basis for a security dialogue.

Viatcheslav Kantor. GLOBAL SAFETY AND TOLERANCE LIMITS

1. Just as crisis in economy has forced even the most conservative world players to recognize necessity of emergency measures on coordination of interstate efforts, changing all architecture of world economic system, crisis of system of the non-distribution, provoked by actions of a management of Iran, demands creation of the of «system of fast reaction». The working group top-level, at the first stage — with participation of a management of the USA and Russia, with the subsequent joining of the European Union, for counteraction to nuclear terrorism can become its basis.

2. It is time to stop, masking the destructive purposes and intentions by beautiful phrases, to oppose one people to another, in whatever part of the world these people were — in Europe, the USA, Russia or the Near East. Consecutive following to this course, finally, will lead to such changes in a management of the countries and the movements provoking collisions with neighbours which will make possible a peace exit of the outlined and begun crises today resolved with application of force.

Shamil Sultanov. THE DYNAMICS OF THE MID-EASTERN SITUATION: FIVE SCENARIOS

1. The scenario approach is known to be a necessary component of the strategic foreign policy planning. Scenario thinking enables to rather effectively control tens of the major factors influencing development of crises and conflicts. As a rule, a man is capable to simultaneously operate with 5 to 7 factors only. Besides, the scenario approach allows to substantially improve selection and the analysis of event catenae. Finally, having an appropriate scenario is the necessary prerequisite for developing the strategic thinking, applying the reflective strategies, game models, etc. in dynamic conflict zones, such as, for instance, the Middle East.

2. As it is known, since the mid-1950s, the balance of forces in the Middle East was determined, primarily, by the antagonism between the USSR and USA. Later on, when Russia gave up protecting its strategic interests, the balance of forces in the Middle East has been destroyed. For almost two decades, the United States did had a sort of global carte blanche to put its Mid-Eastern strategy into practice. But Washington failed to put the whole under its control. Moreover, the American Mid-Eastern policy has led to substantial strengthening of the political Islam in the region.

3. In the past 5 to 7 years, the fundamentally new balance of forces has finally established and boldly enough structured in the Middle East. The basic confrontational line divides two de facto brought into being military-political unions opposing each other. On the one hand, it is the so-called Northern Alliance — Iran, Syria, HAMAS, Hezbollah. It is opposed by the so-called Pro-Western Coalition — the USA, Israel, Egypt, the Palestinian Autonomy Administration. To some or another extent, the first alliance are supported by Russia, China, Turkey,

Libya, Qatar, Algeria, Sudan, Venezuela, Bolivia, as well as hundreds anti-globalist and thousands of Muslim organizations and movements all over the world. The second alliance are in touch with the majority of the NATO member-states.

Lyudmila Koulagina, Vladimir Akhmedov. INHERENT IMPERATIVES OF IRAN'S
FOREIGN POLICY EVOLUTION

1. The forthcoming June 2009 presidential elections in the Islamic Republic of Iran have prompted Iran's political classes and the Iranian society to actively discuss the outcomes of the policy by Mahmoud Ahmadinejad and brought in a series of speculations about the country's future after the elections. Those opposing M. Ahmadinejad criticize his rigid course in the foreign policy and suggest, that if the 2005 presidential elections had resulted in some more moderate leader coming to power in the country, Iran could have followed the road of democratic transformations. Others think, that, thanks to M. Ahmadinejad's unshakable policy, Iran has managed to firmly establish itself as a regional superpower and to keep its independence in promotion of the country's nuclear program.

2. To put the American-Iranian relations right demands both parties to concede. First of all, that means changing approaches to the Iranian nuclear program, removing political and economic sanctions against Iran, and terminating the information war against IRI and attempts to isolate it in the international arena. As for Iran, it means a more moderate leader coming up after the 2009 presidential elections, expanding economic and cultural relations with the Western countries. But the settlement of the conflicts in the Middle East does not seem possible, while there is mistrust between the states in the region, especially between Iran and a number of the Arab countries.

3. At the same time, it is unlikely, even if the leaderships in Egypt and Saudi Arabia had changed, these states would have been quick to get rid of cooperation with the USA in military-political and economic spheres. The elites in these Arab states are so strongly adhered to the USA militarily and economically that will long see it as their main partner and the guarantor of the safety of their own regimes. In any case, the beginning of normalizing the American-Iranian relations would serve the interests of the US allies in the Europe, as well as those of China and Russia that stand for strengthening stability and security in the Middle East region and seek after equal right access to the Mid-Eastern energy resources.

Rasim Agayev (Azerbaijan). THE KARABAKH TRIAD: WAR — TRUCE — PEACE

1. To sum up, Armenia has more often rejected peace proposals, Azerbaijan has been more active in working-out peacemaking initiatives. Armenia's position is based on necessity to recognize the existing military and political realities, Azerbaijan appeals to the international law and at the same time sees its non-bringing into the real play as an opportunity to restore its sovereignty over all the territory by force. The longevity of the truce — 15 years — is the parties' not so much a rational choice, but rather a compelled one, they cannot help considering the objective changes of the wider geopolitical order, world powers' involvement into the Caucasian matters, the aggravation of struggle between them for spheres of influence, energy resources and so forth.

2. The force gathering trend now is the stake on political solutions, which is testified by some of the Armenian leaders' recent avowal of the fact that the Caucasian interethnic conflicts, including the Karabakh one, have no the force solution. The optimistic view of the Karabakh settlement perspectives was strengthened with the Moscow Declaration of November 2nd, 2008, that became a sign of changing Russia's approach based on its new lays its new economy-oriented agenda in the region. Many experts and observers have regarded it as historical turn in the negotiations, since it is the first document signed by the presidents of both Armenia and Azerbaijan.

3. The parties' unpreparedness to overcome the alienation by themselves, to put an end to mistrust and overestimated claims makes it actual to use a qualitatively new approach and the

role the leading world powers play to bring in the order and strategic stability into South Caucasus — according to the increased geopolitical importance of the region that has become the focus of wide-spread international interests. And still, the responsibility for the further progress of peace process lays primarily on the current leaders of the Republic of Azerbaijan and the Armenian Republic, for inevitably close is the moment when are to show, whether the negotiations are carried out to achieve long-awaited-for peace anticipated by the peoples of their countries, or they rather feel themselves more comfortable in the situation of infinitely continuing negotiations.

NATIONAL SECURITY

Valery Buyanov. RUSSIA'S NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF FOREIGN POLICY FACTORS

1. The world has entered the stage of violent bifurcation. And the present all-planet crisis is by no means the last shock of a similar nature. Other world-scale crises are approaching. With that in minds, the analysts at home and abroad predict the world systematic crisis, the entry into a new epoch, wherein not just the financial, but also the political architecture of the world are likely to be changed. Russia's ruling class and scientific community are to be prepared for possible abrupt changes that would affect various areas of life, including the sphere of guaranteeing the national security.

2. With no modern Russia's identity defined, it is impossible to competently determine its vital national interests, nor formulate the national security strategy. It is important to make everyone aware of the fact — the Russian Federation is the inheritress of the thousand-year Russia and the Soviet Union, and the modern Russian society's identity is an amalgamation of centuries-old spiritual and moral values with contemporary realities.

3. It is impossible to guarantee the country's national security without developing the education, science, culture. Russia's interests cannot be met without solving the demographic problem. Unfortunately, there is an exhaustion of vital forces of our people, its genotype worsens. According to the UN experts forecasts, Russia's population will drop down to 108 million, by 2050. Under these conditions to guarantee the Russian Federation national security it is of primary importance to have the long-term demographic program carried out and the migratory policy updated.

ECONOMICS & FINANCE

Alexander Nazarchuk. COMMUNICATIVE STRUCTURES OF THE POSTINDUSTRIAL SOCIETY AND CRISIS OF THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM

1. The concept of the market, that determines our economic thinking, came into being in 17th century, the theory of capital considering market's social foundations was worked out by Karl Marx in 19th century, and the newest updating the theory treating market as a complex system of free and state-regulated mechanisms dated to the epoch of the Great Depression, to the Keynesians and economists of the Neoclassical School. In between these stages, there was a brilliant elaboration of the mathematical models of the economic theory tended to maximally dismiss the external social, political and humanitarian factors from an economic system.

2. Exchanging the goods and services is a specific communicative environment, where money is to appear by means of communication. The forerunner of this approach was T. Parsons who had suggested to consider society being the system consisting of a complex of subsystems, each of which had its own functional meaning and operated its own means of communications. The function of the economy — in adapting the social system to the environment, as means of the communication to mediate its interactions — is money. This approach did not interfere, but rather legitimized the right to postulate the specific economic rationality for which the Liberalism stood up and within the frameworks of which the economics theoretical schemes are justified.

3. In fact, the role of an anchor for all currencies in the basket played by the US dollar still pegged to the gold after the WW2. In the post-war world, that conditioned its growing significance as the world reserve currency. Other currencies had to voluntarily peg to dollar. The threat to tie up the world financial system stability with the gold standard by means of dollar did not lasted long. The new conditions of the global economy, the commercial imbalances sprung up, the flight of capital out of the country had made it impossible for the USA to maintain the dollar's gold convertibility in the long run. In 1971, the dollar was relived from gold pegging, and since 1973 the major world currencies went over to flexible, or «floating», rates instead of fixed ones.

DEBUT

Ooma Sheikhova. JAPAN: THE WAYS TO OVERCOME THE WORLD FINANCIAL CRISIS

1. The measures to be developed by the government of Japan shortly, should include two precisely structured packages, applying both to the citizens and enterprises; first, the financial measures to support the citizens' standard of living, to guarantee the employment and housing; and, second, measures to provide for the enterprises' money turnover.

2. The first package measures are to lessen the social tension brought in by numerous lay-offs of the part-time employees that are frequently accompanied by the loss of their corporate dwelling right. For example, the Government might pay monthly a certain sum to the employers per every laid-off to let him(her) keep the housing for some time. In case the sacked employee would have to find some new housing, the low-percentage housewarming loan might be given for initial provision of the necessary facilities in a new dwelling.

3. The second package of measures is expected to expand the state capital participation in the financial institutions and to secure the unobstructed enterprise funds turnover under assistance of the state financial institutions. For example, the credit delivery term might be prolonged to the companies against the security of their debenture bonds and bills of credit in order to avoid stagnation in production, or the scheme of crediting the small and medium enterprises might be simplified. It is necessary to add, that, having accumulated considerable experience, the Japanese Government is to know, that Japan may survive just as a leading technological power, so negative influence of the crisis on the venture capital and small enterprises cannot be left unnoticed.

Magomed Umakhanov. THE CONFLICT OF STRATEGY OF INTERETHNIC INTERACTION

1. One of the most actual problems of the government is now safety in sphere of interethnic relations. Consequences of fast changes \ethnic structure of many regions of the country, a demographic disbalance in a number of the regions, connected with migratory processes, including labour migration and the compelled resettlement are insufficiently considered. They, in turn, are accompanied by crossing of interethnic borders by representatives of various nationalities and to problems of ethnocultural adaptation. It is necessary to notice lacks of an information resource of the state ethno national policy, called to predict a situation, to forbid propagation of national hostility, publicly to condemn violence in interethnic sphere.

2. Along with the state and in close interaction with it, public organizations participate in regulation of interethnic relations formation of culture of interethnic dialogue. First of all, it is political parties, religious institutes, public organizations and movements. They urged to lay the foundation for tolerant relations, to form ethics of behavior in multiethnic to environment. Considerable possibilities for achievement of the interethnic consent and development of culture of interethnic dialogue are available for local governments. Thus it is necessary to notice that level of culture of dialogue reflects not only character of behavior of separate people, but also a level of development of each given community, its way of life, humanistic consciousness.

THE 17TH ANNUAL ASSEMBLY OF THE COUNCIL
ON FOREIGN AND DEFENSE POLICY

On April 11–12th, 2009, the 17th annual Assembly of the Council on Foreign and Defense Policy (CFDP) was held. The event is a traditional spring forum of the oldest Russian public organization that had closed in its ranks prominent figures among the country's political elite, experts in the matters of foreign policy, security and defense, including incumbent politicians, representatives of the military-industrial complex, scholars and media persons. The Russia's Foreign Ministry was widely represented. As the official guest, the Russian Federation Foreign Minister, Sergey Lavrov, took part in the Assembly meeting, his deputies holding membership in the CFDP, Alexander Grushko, Alexander Yakovenko, Sergey Ryabkov also participated. This time, the subject under discussion was chosen to be Russia and the 'old' West: How to Bring the Cold War to the Final End?

A number of new CFDP memberships were granted at the organizational session of the Assembly, in part, Deputy Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis, Alexey Denisov, became a member of this organization.

ROUND TABLE

THE TRANSFORMATION OF MORALS IN THE MODERN SOCIETY

The participants in the discussion are the RAS Academician A. A. Guseynov, Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy; the Chief Researcher at the Institute of Philosophy, V. I. Tolstykh; Professor O. V. Dolzhenko, Dr.Sc. (Philosophy). The round table discussion is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc. (Philosophy).

PUBLICATIONS

Religion

Svetlana Nickolayeva. THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
AND PROBLEMS OF PUBLIC EDUCATION IN 17th AND 18th CENTURIES

«The important characteristic of the Christian Church social functioning in society is its attitude towards national education. In the worldly consciousness, about the whole positive sense of Christian contribution to national history is being reduced to this. In ecclesiastical consciousness, there is a certain need for some scholarship to meet internal goals of the Church. However, this goal is derivative and secondary. The Russian Orthodoxy, it may be stated, had come through the best period of its existence being uneducated, with the spiritual school to appear, when the process of decomposing the union between the Church and society and crisis of secularism had begun.»

«The possibility of multi-duplicating that came together with the book was highly appreciated as a means to solve the problem of uniting all the country under the dome of a single observance. But the society could not reach unanimity as far as content of the text uniformed for the whole country was concerned. The Russian culture had not stood test by book-publishing. It had not been prepared yet to a new cultural format that had been brought in by the printed book. Nevertheless, here again, as in education and science, the Orthodox Church, lacking the skill to be the motor, had become the important stimulus of social processes. Down to the end of 18th century, the church publishing is a major job-provider for the whole branch, just gradually conceding to the mass stream of the secular literature.»

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. THE DEMOCRACY AND MODERN EVIL. Stout, Jeffrey The Democracy and Tradition. — M.: Progress, 2009, circ. 1.200 copies, 464 pp.

1. The work by J.Stout, the prominent expert in political science and religion, Princeton University professor, is to analyze the two opposite tendencies in the West's contemporary political life — the Democratic Liberalism and Religious Traditionalism. Judging by the book's title, it may be suggested that the author puts the radical distinction between Democracy and Tradition. But this is not quite so. As Stout argues, the democracy has to be considered as the already existing tradition well-established in the society.

2. The book's most valuable part covers the assessing the ethics as a social practice. The ethical standards, as Hegel thought, are being created not owing to some kind of contract (between initially rational participants), but owing to a form of the ethical life (that forms up the subjectivity and rationality of individuals participating in it). This form of life simultaneously generates both ethical standards, and rational individuals, who use, study, and reconsider these norms.

3. The author has been right to note, that critics of Democracy depict it as some tendency to attribute the unquestionable authority to the citizens' ethical opinions that are to crystallize into some average effect. Such an approach, indeed, might be transformed into the authoritativeness. More so, when the political unscrupulousness draw the citizens, full of fear and indignation towards their opponents, into the channel of its interests. The author rejects this conformist type of sociality. At that, he recognizes every person's right to be self-reliant as the ethical arbitrator.

Reviews

On S.V.KORTUNOV. NATIONAL IDENTITY. SENSE COMPREHENSION. — M. 2009.

1. The monography of the professor of chair of world politics of faculty of economic and world politics GU-VSHE of S.V.Kortunov is devoted exclusively to a vital topic. Prompt changes in the world in the end of XX — the beginning the XXI-st centuries connected first of all with accruing and rather inconsistent processes of globalization, have sharply aggravated a problem of national identity.

2. The author has published fine work to which can become rather appreciable and influential book — both among domestic intellectuals, and among politicians. Serious help it is and for professors and students of the domestic high schools studying disciplines, connected with a Russian history, philosophy, social science, the international relations and world politics.

Vagif Guseinov

On KAZAKHSTAN IN THE CONTEMPORARY WORLD: REALITIES AND PROSPECTS
(Almaty: KISI at the RK President, 2008, circ. 500 copies, 348 pp.)
and KAZAKHSTAN IN THE SYSTEM OF THE WORLD ECONOMIC PROCESSES
(Almaty: KISI at the RK President, 2008, circ. 500 copies, 271 pp.)

The studies under review were published by one of the leading Central Asian research centers, the Kazakhstan Institute of Strategic Investigations at the Republic of Kazakhstan President (KISI). Recently, quite a few books of interest and importance had been published to cover various subjects related to the Central Asia. The impressive number of scenarios on development of the situation in the region had been worked out and analyzed, being added with many formulas for Russia to withhold the threats and challenges that coming from the Central Asia and the Middle East. Strange as it is, but the studies by the Central Asian scholars enjoyed a sort of secondary importance among all these works. This state of affairs is especially unfair, for the unheard-of remain the voices of those who work in the thick of political events in the region, who know the situation there better than any others observing it from «far away».

Sergey Demidenko

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович (*Азербайджан*) — заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог — окончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 г. в журналистике — Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Ахмедов Владимир Муртузович — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Буянов Валерий Степанович — доктор философских наук, профессор кафедры национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, заместитель руководителя Центра глобалистики РАГС. Область научных интересов: геополитика и глобалистика.

Грациани Тиберио (*Италия*) — главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обозрение геополитических исследований» и библиотеки «Геополитические тетради».

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики». Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 год — председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года — член Совета по внешней и оборонной политике. Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика». Соредактор монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор и редактор книг: «Россия–Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Мир вокруг России: 2017. Контурные недалекого будущего» (2007), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002). Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Ермаков Алексей Владимирович — главный советник аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, кандидат экономических наук.

Кантор Вячеслав Владимирович — известный международный общественный деятель, филантроп, предприниматель и инвестор. Вячеслав Кантор заслужил широкое признание благодаря своей активной общественной деятельности. Президент Международного люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы. Президент Европейского еврейского конгресса, целью которого является решение насущных проблем, стоящих перед человечеством. Среди них: защита прав человека, борьба с ксенофобией и антисемитизмом, развитие межконфессионального диалога, реализация культурных и образовательных программ. В 1993 г. основал агрохимическую компанию «Акрон», которая стала одним из мировых лидеров в производстве и продаже минеральных удобрений.

Кулагина Людмила Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор ряда научных трудов по проблемам новой истории и внешней политики Ирана.

Мотрошилова Нелли Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая отделом Института философии РАН.

Назарчук Александр Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Николаева Светлана Ивановна — кандидат философских наук, закончила философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова в 1994 г., кафедра эстетики.

Паульман Валерий Федорович (Эстония) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет имени А.А.Жданова. С 1957 по 1974 г. работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 г. — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 г. — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 г. — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 г. — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР. С января 1989 г. — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба. В марте–ноябре 1991 г. — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Сидоров Борис Иванович — референт аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, кандидат экономических наук.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Султанов Шамиль Загитович — президент Центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир».

Умаханов Магомед Байсарович — аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Уразбаев Карим Маджидович — кандидат экономических наук.

Холлоуэй Дэвид (США) — профессор политологии и истории Стэнфордского университета. Автор ряда книг, в том числе и «Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергетика в 1939–1956 гг.» (американское издание Yale University Press, 1994; российское издание «Сибирский хронограф», 1997). Принимал участие в обеих конференциях, организованных Институтом Гувера, о которых говорится в статье, подготовил исследование об инициативах по дальнейшему сокращению ядерных сил.

Шейхова Ума Данияловна — студентка 5-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ

Шелистов Юрий Ивлонович — окончил философский (1994 г.) и юридический (1995 г.) факультеты МГУ им. М.В.Ломоносова, кандидат политических наук, доктор философских наук, работает на кафедре мировой и российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Шульце Петер (Германия) — профессор политологического факультета университета Геттингена (Германия), эксперт по экономике России.

OUR AUTHORS

Rasim G. AGAYEV (*Azerbaijan*) — Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the Trud newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Vladimir M. AKHMEDOV — is the Senior Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies.

Valery S. BUYANOV — Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Chair of National security of the Russian Federation President Academy of Government Service (RAGS), Deputy Head of the RAGS Center of Global Studies. Scientific researches include geopolitics and global studies.

Sergey V. DEMIDENKO — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Tiberio GRACIANI (*Italy*) — the Editor-in-Chief of the Italian Eurasia. *Rivista di studi geopolitici* (*Eurasia. Review of Geopolitical Studies*) magazine.

Vagif A. GUSEYNOV — director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger». Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Azerbajana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (-KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP). Author of several books: «From Yeltsin to...?» (Volume I-III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)». Co-edited the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004) and *The Mediterranean – Black Sea Coast – Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006), *The Big Near East: stimulus and preliminary results of democratization* (2007). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007), *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006), *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002).

David HOLLOWAY (*USA*) — is professor of political science and history at Stanford University. He is the author of *Stalin and the Bomb: the Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956* (Yale University Press, 1994, Russian edition: *Sibirskii khonograf*, 1997) among other works. He attended both of the Hoover Institution conferences referred to in the article and wrote a study for the initiative on the further reduction of nuclear forces.

Viatcheslav V. KANTOR — prominent public figure, international philanthropist, entrepreneur and investor. Viatcheslav Kantor is known for his extensive involvement in community life. President of the International Luxembourg Forum on Preventing Nuclear Catastrophe. President of the European Jewish Congress (EJC). The EJC's goal is to address the world's most pressing issues: protecting human rights, fighting xenophobia and anti-Semitism, promoting interfaith dialogue, implementing cultural and educational programmes. In 1993 — took the helm at *Acron* agrochemical company. *Acron* has become one of the world's leading fertilizer producers and distributors.

Lyudmila M. KOULAGINA — Cand.Sc. (History), senior researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies. Authored several works on Iran's modern history and foreign policy.

Nelly V. MOTROSHEELOVA — Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Head of a Department at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Alexander V. NAZARCHUK — Doctor of Science (Philosophy). Professor of Social Philosophy Department, Faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana I. NIKOLAEVA — Ph.D, graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow State University, aesthetics chair.

Valery F. PAULMAN (*Estonia*) — Dr.Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A.A.Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March–November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the *World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

Boris I. SIDOROV — Cand.Sc. (Economics), reviewer at the Russian Federation Security Council Staff.

Ooma D. SHEIKHOVA — graduate student, Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE)

Yury I. SHELISTOV — Cand.Sc. (Politology), Dr.Sc. (Philosophy); graduated from the M.V.Lomonosov Moscow State University (Department of Philosophy in 1994, and Law Department in 1995); is a researcher at the World and Russian Politics Chair at the Department of Political Science of the M. V. Lomonosov MSU.

Peter SCHULTZE (*Germany*) — is the Professor at the Politology Department of the Gottingen University (Germany), the expert on Russia's economy.

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Shamil Z. SULTANOV — President of the *Russia–Islamic World* Center of Strategic Studies.

Magomed B.UMAKHANOV — post-graduated student at the National and Federal Relations Chair, the RF President's Russian Academy of State Service.

Karim M. URAZBAYEV — Cand. Sc. (Economics).

Alexey V. YERMAKOV — Cand. Sc. (Economics), chief councilor at the Russian Federation Security Council Staff.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(36)

*Перевод с английского – Владимира Мисюченко,
с итальянского – Елены Баграмовой*

Корректura А.В.Панюгиной
Верстка Л.В.Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88

Факс: (495) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: issa@umail.ru

info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 20.05.09 г. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Заказ № 44.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир